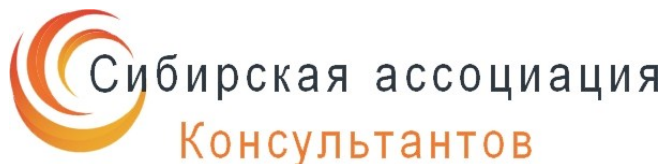

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И
СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Часть II

НОВОСИБИРСК,
2010

УДК 159.9.015+159.923

ББК 88.37+88.5

Л 66

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор, зав кафедрой психологии
личности и специальной психологии, НГПУ

Н.В. Дмитриева

кандидат психологических наук, доцент, НГПУ

Н.Р. Гулина

Л 66 Личность и общество: проблемы современной психологии:

материалы международной заочной научно-практической
конференции. Часть II. (1 февраля 2010 г.) – Новосибирск:

Изд. ЭНСКЕ, 2010. – 168 с.

ISBN 978-5-91711-012-7 (2)

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Личность и общество: проблемы современной психологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной психологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической психологии и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной психологии.

ББК 88.37+88.5

ISBN 978-5-91711-012-7 (2)

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2010 г.

Оглавление:

К ВОПРОСУ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ БОЕВОЙ ОБСТАНОВКИ И ПСИХОТЕХНИЧЕСКИХ ИСПЫТАНИЙ ВОДИТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ АВТОТЕХНИКИ Маргарян В. Г.	7
К ВОПРОСУ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ БОЕВОЙ ОБСТАНОВКИ И ПСИХОТЕХНИЧЕСКИХ ИСПЫТАНИЙ ВОДИТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ АВТОТЕХНИКИ Маргарян В. Г.	14
ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ПСИХИЧЕСКОГО ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА «ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ» Маркин Р.В.	21
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ И СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ Миронова М.Д. Билюкина О.С.	27
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА Моргунова М.А.	32

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	36
Овчинников В.А.	
ПРОБЛЕМА СОПОСТАВЛЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ И СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СУБЪЕКТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ	41
Перевозкин С.Б	
Перевозкина Ю.М.	
РИСКОВАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ВЕДУЩАЯ ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ	58
Пузыревич Н.Л.	
ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОСОЗНАНИЯ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ И ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ	62
Рубцова М.О.	
ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА РУКОВОДИТЕЛЕЙ	87
Степанов И.С.	
ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНО-ЛИЧНОСТНОГО СТАТУСА СОТРУДНИКОВ ОМОН	97
Струкова М.А.	

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МЕТОДОВ ПСИХОКОРРЕКЦИИ И ПСИХОТЕРАПИИ РАННЕГО ДЕТСКОГО АУТИЗМА (РДА) Тулушева Е.С.	101
ЛИЧНОСТНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В ОБЩЕНИИ ПОДРОСТКОВ С ОТКЛОНЯЮЩИМЯ ПОВЕДЕНИЕМ Узлов Н.Д.	104
К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ СОЗНАНИЯ Фалеев А.В.	109
ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: РОСТ НЕВРОЗОВ, КАК СЛЕДСТВИЕ ПОВЫШЕНИЯ МИРОЛЮБИВОСТИ ОБЩЕСТВА Фалеев А.В.	119
ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОЙ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ АДДИКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ Фридгант Д.Л. Дмитриева Н.В.	127
ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ БОЛЬНЫХ ХРОНИЧЕСКИМ АЛКОГОЛИЗМОМ Цветков А.В. Фоминова Е.В.	135

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ У ДЕТЕЙ 9-17 ЛЕТ Шарапова М.А.	141
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И СТАТУСОВ ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТИ Савельев Д.И. Гулина Н.Р.	148
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ Савельев Д.И. Гулина Н.Р.	156

К ВОПРОСУ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ БОЕВОЙ ОБСТАНОВКИ И ПСИХОТЕХНИЧЕСКИХ ИСПЫТАНИЙ ВОДИТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ АВТОТЕХНИКИ

Маргарян В. Г.

*Полковник, к. пс. н., доцент кафедры развития и прикладной
психологии АГПУ, г. Ереван
E-mai: margaryanw@mail.ru*

В современных условиях стремительное развитие вооружения и военной техники, а также технологий информационно-психологического воздействия вносит существенные изменения в военную теорию, в формы и способы ведения боевых действий, в организацию войск, что в свою очередь вызывает настойчивую необходимость повышения требований к профессиональному психологическому отбору, подготовке личного состава, его моральным, психологическим и физическим качествам. С этой точки зрения важное значение имеет психологическое изучение боевой деятельности. Составляющими психологической структуры боя являются боевая готовность личного состава, включающая боевое мастерство, морально-психологическое состояние, психологическую устойчивость и боевые состояния. Боевая готовность может быть реализована в боевом состоянии военнослужащих. Это зависит от целого ряда факторов. Наиболее значимым из них является ситуация (условия) боя. Последнее в своей структуре содержит ряд психогенных факторов, которые, воспринимаясь органами чувств человека, включенного в эту ситуацию, существенно меняют его состояние и поведение. Для выявления причин неэффективности профессиональной деятельности (при воздействии психогенных факторов) специалиста (водители военной автотехники (ВАТ) и боевой машины на колесном ходу (БМ)), мы разработали методику, позволяющую смоделировать экстремальные условия и проводить психотехнические испытания специалистов. Смоделирована атака находящегося в засаде противника на движущуюся по горной местности колонну военной автотехники, что позволила:

- исследовать эффективность и надежность деятельности водителей ВАТ и БМ при воздействии ряда психогенных факторов;
- разработать оптимальную систему профессионального психологического отбора военнослужащих для антропотехнических недетерминированных систем;
- разработать методику формирования психологической устойчивости военнослужащих.

Говоря об антропотехнической недетерминированной системе мы имеем в виду систему “боевая колесная автотехника–водитель–среда”.

Профессиональная надежность деятельности зависит от индивидуально-психологических особенностей личности. В настоящее время специалисты в области прикладной психологии уделяют большое внимание изучению личностных особенностей, которые, с одной стороны, являются, как правило, константными, базисными характеристиками конкретного индивида, а с другой стороны – в более полной мере определяют индивидуальные поведенческие реакции и психические состояния, влияющие на эффективность и надежность деятельности. Установлено, что наличие определенных личностных характеристик способствует более успешному обучению и последующей профессиональной деятельности. К таким чертам личности следует прежде всего отнести эмоциональную устойчивость, активность в мобилизации внутренней энергии, умение контролировать эмоции, способность предвидеть возможные изменения ситуации, высокое стремление к достижению цели [2].

Вышеперечисленные индивидуально-психологические характеристики в профессиональной деятельности водителей ВАТ и боевой колесной техники при воздействии психогенных факторов не изучены. Путем экспертной оценки мы выявили наиболее значимые для надежности деятельности водителей ВАТ и БМ характеристики: нервно-психическая устойчивость, ситуационная тревожность, дорожное поведение, сложная психомоторная реакция, профессиональные свойства, практический стаж вождения транспортного средства.

Для исследования в реальных условиях движения сложной психомоторной реакции мы проанализировали существующие на сегодня (представленные в научной литературе) технические средства и методики. Интерес в мировой практике для реальных условий движения представляют три методики: использование радиосвязи, киносъемка, измерения с ассистентом [4]. Мы проанализировали также методику, предложенную Г. Юхансаном, с целью ее применения в наших экспериментальных исследованиях [3]. Отметим, что вышеуказанные методики предназначены для исследования психомоторики водителей в гражданской сфере и при применении этих методик в реальных условиях движения при воздействии комплекса психогенных факторов в методическом отношении возникают следующие проблемы, связанные с повышением достоверности:

1) определение момента начала отсчета времени, т. е. момента появления раздражителя;

2) оценка степени неожиданности раздражителя для водителя ВАТ и БМ.

Анализ соответствующей данной тематике научной литературы показал, что в настоящее время отсутствуют эмпирические данные о временных оценках задержки реакции. Это относится и к случаю испуга и страха, лишаящих возможности реагировать на опасность. Критерии по оценке наличия реакции на опасность предполагают зависимость времени реакции на опасность в определенной обстановке от трех условий: опасная обстановка противодействует движению; опасная обстановка возникает внезапно; опасная обстановка нестереотипна. Только если одновременно имеются три предпосылки, то представляется оправданным предположение об обусловленном опасностью увеличении времени реакции, тогда как это было бы неоправданным при наличии только одной или двух из этих предпосылок [3]. С этой точки зрения применение вышеописанных методик для исследования сложной психомоторной реакции в реальных условиях движения при воздействии стресс-факторов было невозможно из-за ряда недостатков. Основным из этих недостатков является то, что ни при каком из вышеперечисленных методов невозможно моделировать условия деятельности водителей ВАТ и БМ, отвечающие необходимым требованиям выполнения условий опасности и при этом фиксировать временные характеристики их сложной реакции и ошибок в их профессиональных действиях.

Разработанное нами устройство для психотехнических испытаний дает возможность преодолевать в реальных условиях движения перечисленные недостатки. Это устройство представляет собой двухпроцессорную систему, работающую в реальном масштабе времени, с динамической индикацией времени отсчета. Блок-схема устройства состоит из блока питания, блока управления и распределения данными (с дискретом 10 мс), выносного пульта, блока датчиков, блока индикации, силового блока, блока преобразования напряжения и блока управления раздражителями.

Устройство анализирует команды, поступающие с выносного пульта, находящегося у экспериментатора, и вырабатывает необходимую последовательность и номенклатуру раздражителей посредством блока преобразования напряжения и силового блока, измеряет отрезки времени между появлением заказанного раздражения и моментом срабатывания датчиков с индикацией времени отсчета сложной реакции водителя ВАТ (БМ) на четырех цифровых индикато-

рах. В случае неправильных действий водителя, наряду с индикацией времени отсчета индицируется также количество ошибок с блокировкой измерительной системы. Устройство портативно, может эксплуатироваться как на военной автотехнике, так и в стационарных условиях, для чего в устройстве предусмотрено питание как от промышленной электросети, так и от бортовой сети автотехники. Оно запатентовано патентным управлением при правительстве РА (патент 557).

При моделировании боевой ситуации были обеспечены соответствующие боевой обстановке условия, в частности: внезапно из засады атакующий и активно противодействующий противник; быстрое развитие событий экстремального характера, приводящее к напряжению всех сил и крайней интенсивности функционирования психики.

Методика моделирования условий деятельности, при котором можно говорить о наличии реакции на опасность, о крайней интенсивности функционирования психики включает в себя несколько этапов:

1. подготовку к экспериментальным исследованиям:

- 1.1. инструктаж личного состава по технике безопасности;
- 1.2. моделирование условий деятельности;
- 1.3. подготовку военной автотехники к проведению психотехнических испытаний их водителей;
- 1.4. психологическую подготовку всего личного состава, который должен быть задействован в данной исследовательской работе.

2. Осуществление процесса испытаний:

- 2.1. постановку задачи водителю;
- 2.2. подачу экспериментатором “команды” и необходимой номенклатуры раздражителей посредством выносного пульта управления устройством.

3. Регистрацию данных (в заранее заготовленных таблицах):

- 3.1. Регистрацию данных о дорожном поведении водителя при визуальном наблюдении экспериментатором;
- 3.2. регистрацию временных характеристик сложной реакции водителя;
- 3.3. регистрацию допущенных водителем ошибок в действиях;

Кроме результатов экспериментальных исследований в соответствующие таблицы заносились также результаты тестирования каждого испытуемого (индивидуально-психологические особенности) для последующей обработки.

Анализ данных экспериментальных исследований показал, что значительная часть ошибочных действий происходит на сенсорно-перцептивном уровне.

Как известно, трудовая деятельность формируется на трех уровнях: отражение закономерностей соответствующих механизмов восприятия сигналов, несущих профессионально важную информацию (сенсорно-перцептивный уровень); формирование оценки функциональной значимости сигналов (когнитивный уровень); отражение закономерностей объединения отдельных информационных признаков в целостные образы (образно-перцептивный уровень).

Все три перечисленные уровни функционируют на основе взаимосвязи и взаимодействия, и нарушение процессов на любом из указанных уровней может привести к снижению надежности оператора [2].

В условиях смоделированной экстремальной ситуации нарушение надежности происходило при выполнении комплекса сложных действий, при критических режимах работы. Выявлена следующая закономерность: чем дольше продолжительность латентной фазы времени сложной реакции, тем больше вероятность нарушения надежности деятельности и допущения ошибочных действий.

Результаты анализа показали, что не каждое ранее сформированное качество может проявиться у военнослужащего при изменении условий деятельности, особенно при внезапной атаке противника, когда новизна сложившейся ситуации, боевой обстановки способствует неадекватной ситуации реагированию и поведению военнослужащего. В экстремальных условиях раздражители обнаруживаются и распознаются всеми водителями ВАТ, однако в процессе принятия решения реализация решения у некоторых наступает с опозданием или вообще не наступает. В большинстве случаев наблюдается переход из стрессового состояния в состояние дистресса. Состояние дистресса лишает возможности осуществить комплекс необходимых действий для преодоления экстремальной ситуации.

Кроме корреляционного анализа данных, зафиксированных в реальных условиях движения при воздействии стресс-факторов также был применен метод экспертной оценки. Рассчитанный коэффициент экспертной оценки ϕ (коэффициент Гильфорда) [7] для “сильной” и “слабой” групп испытуемых, подтверждает достоверность поставленных нами экспериментов.

Применение современных статистических методов планирования экспериментов [1] дало возможность получить математическую модель для психотехнических испытаний военных водителей в следующем виде:

$$t_r = \frac{0.69 \times B^{0.1} \times K^{0.2} \times \Pi^{0.01}}{Y^{0.06} \times T^{0.03} \times O^{0.03}} \text{ сек,}$$

где t_r – значение времени сложной реакции в экстремальных условиях; В – возраст водителя ВАТ (18–25 лет); К – квалификация (С, ВС категории); П – поведение (решительно-уверенное, нерешительно-неуверенное); Y – уровень эмоциональной устойчивости; Т – практический стаж вождения (1–7 лет); О – ошибка в действиях.

Чтобы убедиться в достоверности математической модели, мы осуществили проверку гипотезы влияния шести факторов на сложную реакцию водителя ВАТ для экстремальных условий боевой обстановки методом дисперсионного анализа. Величина дисперсии была рассчитана по критерию Стьюдента. Анализ показал, что полученная математическая модель адекватна 5-процентной статистике, что вполне допустимо.

Применение совокупности ряда методик по определению индивидуально-психологических особенностей личности военнослужащего и математической модели для определения расчетного значения времени сложной реакции для экстремальных условий деятельности позволили разработать оптимальную систему проведения профессионального психологического отбора специалистов-операторов для антропотехнических недетерминированных систем.

Психологический анализ деятельности водителей ВАТ и БМ при моделировании экстремальных условий боевой обстановки (одновременное воздействие психогенных факторов: обстрел из огнестрельного автоматического оружия по ВАТ из позиций противника, имитация взрыва ручной гранаты, противопехотной мины и поражения шин управляемых колес ВАТ, ослепляющий световой поток, внезапное исчезновение обзора водителя ВАТ, звуковой раздражитель), включающий в себя изучение: внешних условий, объекта и результатов их влияния на действия и психику военнослужащего; внутренних условий, целей, мотивов; возможностей управления деятельностью, позволил разработать методику для формирования психологической устойчивости военнослужащих, которая достигается заблаговременной их психологической подготовкой. Причем психологическая подготовка должна быть управляемой, для чего разработанная нами методика подразумевает: 1) управление

психологической нагрузкой в ходе занятий, целенаправленно воссоздавая на занятиях действие психогенных факторов боя; 2) оценку психологической устойчивости специалистов, т. е. оценку способности психики сохранять упорядоченную активность при внезапности, опасности и воздействии других психологических факторов.

Выбирая ситуации различной сложности, мы имеем реальную возможность управлять психологической нагрузкой, причем с акцентировкой не на отдельные изолированные боевые стрессоры, а на органически включенные в деятельность психологические факторы.

Таким образом, основным условием устойчивости и эффективности деятельности военнослужащих в экстремальных условиях является: соответствие индивидуально-психологических особенностей военного специалиста к конкретным требованиям профессиональной деятельности; высокий уровень мотивации деятельности; устойчивость моральных и боевых качеств; высокая боевая выучка и боевое мастерство; способность к быстрым психологическим перестройкам, к быстрому восприятию, оценке и вхождению в боевую обстановку; умение преодолевать воздействие факторов экстремальных условий на профессиональную деятельность; морально-психологическая устойчивость как в отношении психогенных факторов боя, так и в отношении к негативному информационно-психологическому воздействию противника и готовность к боевым действиям.

Психологическая готовность военного специалиста к бою – важный фактор эффективности их боевой деятельности в экстремальных условиях. Формируя психологическую готовность военнослужащего к бою, мы формируем у них прежде всего устойчивые нравственные, боевые и психологические качества, активизируя и постоянно поддерживая активно-боевые и действенные состояния военнослужащих, их настрой, установки на саморазвитие и максимально полное, рациональное использование своих сил с началом неожиданно навязанной нам войны [5, 6].

Список литературы:

1. Адлер Ю. П., Маркова Е. В., Грановский Ю. П. Планирование эксперимента при поиске оптимальных условий. – М., 1976. – 279 с.
2. Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. – М., 1998. – 285 с.
3. Клеббельсберг Д. Транспортная психология. – М., 1989. – 366 с.
4. Лобанов Е. М. Проектирование дорог и организация движения с учетом психофизиологии водителя. – М., 1980. – 311 с.

5. Маргарян В. Г. Психологические основы боевой деятельности. – Ер., 2009. – 184 с.
6. Маргарян В. Г. Психология боевой деятельности. – Ер., 2009. – 434 с.
7. Шмелев А. Г. Основы психодиагностики. – М., Ростов н/Д, 1996. – 535 с.

К ВОПРОСУ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ БОЕВОЙ ОБСТАНОВКИ И ПСИХОТЕХНИЧЕСКИХ ИСПЫТАНИЙ ВОДИТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ АВТОТЕХНИКИ

Маргарян В. Г.

*Полковник, к. пс.н., доцент кафедры развития и прикладной
психологии АГПУ, г. Ереван
E-mai: margaryanw@mail.ru*

В современных условиях стремительное развитие вооружения и военной техники, а также технологий информационно-психологического воздействия вносит существенные изменения в военную теорию, в формы и способы ведения боевых действий, в организацию войск, что в свою очередь вызывает настойчивую необходимость повышения требований к профессиональному психологическому отбору, подготовке личного состава, его моральным, психологическим и физическим качествам. С этой точки зрения важное значение имеет психологическое изучение боевой деятельности. Составляющими психологической структуры боя являются боевая готовность личного состава, включающая боевое мастерство, морально-психологическое состояние, психологическую устойчивость и боевые состояния. Боевая готовность может быть реализована в боевом состоянии военнослужащих. Это зависит от целого ряда факторов. Наиболее значимым из них является ситуация (условия) боя. Последнее в своей структуре содержит ряд психогенных факторов, которые, воспринимаясь органами чувств человека, включенного в эту ситуацию, существенно меняют его состояние и поведение. Для выявления причин неэффективности профессиональной деятельности (при воздействии психогенных факторов) специалиста (водители военной автотехники (ВАТ) и боевой машины на колесном ходу (БМ)), мы разработали методику, позволяющую смоделировать экстремальные условия и проводить психотехнические испытания специалистов. Смоделирована атака находящегося в засаде противника на движущуюся по горной местности колонну военной автотехники, что позволила:

- исследовать эффективность и надежность деятельности водителей ВАТ и БМ при воздействии ряда психогенных факторов;
- разработать оптимальную систему профессионального психологического отбора военнослужащих для антропотехнических недетерминированных систем;
- разработать методику формирования психологической устойчивости военнослужащих.

Говоря об антропотехнической недетерминированной системе мы имеем в виду систему “боевая колесная автотехника–водитель–среда”.

Профессиональная надежность деятельности зависит от индивидуально-психологических особенностей личности. В настоящее время специалисты в области прикладной психологии уделяют большое внимание изучению личностных особенностей, которые, с одной стороны, являются, как правило, константными, базисными характеристиками конкретного индивида, а с другой стороны – в более полной мере определяют индивидуальные поведенческие реакции и психические состояния, влияющие на эффективность и надежность деятельности. Установлено, что наличие определенных личностных характеристик способствует более успешному обучению и последующей профессиональной деятельности. К таким чертам личности следует прежде всего отнести эмоциональную устойчивость, активность в мобилизации внутренней энергии, умение контролировать эмоции, способность предвидеть возможные изменения ситуации, высокое стремление к достижению цели [2].

Вышеперечисленные индивидуально-психологические характеристики в профессиональной деятельности водителей ВАТ и боевой колесной техники при воздействии психогенных факторов не изучены. Путем экспертной оценки мы выявили наиболее значимые для надежности деятельности водителей ВАТ и БМ характеристики: нервно-психическая устойчивость, ситуационная тревожность, дорожное поведение, сложная психомоторная реакция, профессиональные свойства, практический стаж вождения транспортного средства.

Для исследования в реальных условиях движения сложной психомоторной реакции мы проанализировали существующие на сегодня (представленные в научной литературе) технические средства и методики. Интерес в мировой практике для реальных условий движения представляют три методики: использование радиосвязи, киносъемка, измерения с ассистентом [4]. Мы проанализировали также методику, предложенную Г. Юхансаном, с целью ее применения в

наших экспериментальных исследованиях [3]. Отметим, что вышеуказанные методики предназначены для исследования психомоторики водителей в гражданской сфере и при применении этих методик в реальных условиях движения при воздействии комплекса психогенных факторов в методическом отношении возникают следующие проблемы, связанные с повышением достоверности:

1) определение момента начала отсчета времени, т. е. момента появления раздражителя;

2) оценка степени неожиданности раздражителя для водителя ВАТ и БМ.

Анализ соответствующей данной тематике научной литературы показал, что в настоящее время отсутствуют эмпирические данные о временных оценках задержки реакции. Это относится и к случаю испуга и страха, лишаящих возможности реагировать на опасность. Критерии по оценке наличия реакции на опасность предполагают зависимость времени реакции на опасность в определенной обстановке от трех условий: опасная обстановка противодействует движению; опасная обстановка возникает внезапно; опасная обстановка нестереотипна. Только если одновременно имеются три предпосылки, то представляется оправданным предположение об обусловленном опасностью увеличении времени реакции, тогда как это было бы неоправданным при наличии только одной или двух из этих предпосылок [3]. С этой точки зрения применение вышеописанных методик для исследования сложной психомоторной реакции в реальных условиях движения при воздействии стресс-факторов было невозможно из-за ряда недостатков. Основным из этих недостатков является то, что ни при каком из вышеперечисленных методов невозможно моделировать условия деятельности водителей ВАТ и БМ, отвечающие необходимым требованиям выполнения условий опасности и при этом фиксировать временные характеристики их сложной реакции и ошибок в их профессиональных действиях.

Разработанное нами устройство для психотехнических испытаний дает возможность преодолевать в реальных условиях движения перечисленные недостатки. Это устройство представляет собой двухпроцессорную систему, работающую в реальном масштабе времени, с динамической индикацией времени отсчета. Блок-схема устройства состоит из блока питания, блока управления и распределения данными (с дискретом 10 мс), выносного пульта, блока датчиков, блока индикации, силового блока, блока преобразования напряжения и блока управления раздражителями.

Устройство анализирует команды, поступающие с выносного пульта, находящегося у экспериментатора, и вырабатывает необходимую последовательность и номенклатуру раздражителей посредством блока преобразования напряжения и силового блока, измеряет отрезки времени между появлением заказанного раздражения и моментом срабатывания датчиков с индикацией времени отсчета сложной реакции водителя ВАТ (БМ) на четырех цифровых индикаторах. В случае неправильных действий водителя, наряду с индикацией времени отсчета индицируется также количество ошибок с блокировкой измерительной системы. Устройство портативно, может эксплуатироваться как на военной автотехнике, так и в стационарных условиях, для чего в устройстве предусмотрено питание как от промышленной электросети, так и от бортовой сети автотехники. Оно запатентовано патентным управлением при правительстве РА (патент 557).

При моделировании боевой ситуации были обеспечены соответствующие боевой обстановке условия, в частности: внезапно из засады атакующий и активно противодействующий противник; быстрое развитие событий экстремального характера, приводящее к напряжению всех сил и крайней интенсивности функционирования психики.

Методика моделирования условий деятельности, при котором можно говорить о наличии реакции на опасность, о крайней интенсивности функционирования психики включает в себя несколько этапов:

1. подготовку к экспериментальным исследованиям:

- 1.1. инструктаж личного состава по технике безопасности;
- 1.2. моделирование условий деятельности;
- 1.3. подготовку военной автотехники к проведению психотехнических испытаний их водителей;
- 1.4. психологическую подготовку всего личного состава, который должен быть задействован в данной исследовательской работе.

2. Осуществление процесса испытаний:

- 2.1. постановку задачи водителю составу;
- 2.2. подачу экспериментатором “команды” и необходимой номенклатуры раздражителей посредством выносного пульта управления устройством.

3. Регистрацию данных (в заранее заготовленных таблицах):

- 3.1. Регистрацию данных о дорожном поведении водителя при визуальном наблюдении экспериментатором;

3.2. регистрацию временных характеристик сложной реакции водителя;

3.3. регистрацию допущенных водителем ошибок в действиях;

Кроме результатов экспериментальных исследований в соответствующие таблицы заносились также результаты тестирования каждого испытуемого (индивидуально-психологические особенности) для последующей обработки.

Анализ данных экспериментальных исследований показал, что значительная часть ошибочных действий происходит на сенсорно-перцептивном уровне.

Как известно, трудовая деятельность формируется на трех уровнях: отражение закономерностей соответствующих механизмов восприятия сигналов, несущих профессионально важную информацию (сенсорно-перцептивный уровень); формирование оценки функциональной значимости сигналов (когнитивный уровень); отражение закономерностей объединения отдельных информационных признаков в целостные образы (образно-перцептивный уровень).

Все три перечисленные уровня функционируют на основе взаимосвязи и взаимодействия, и нарушение процессов на любом из указанных уровней может привести к снижению надежности оператора [2].

В условиях смоделированной экстремальной ситуации нарушение надежности происходило при выполнении комплекса сложных действий, при критических режимах работы. Выявлена следующая закономерность: чем дольше продолжительность латентной фазы времени сложной реакции, тем больше вероятность нарушения надежности деятельности и допущения ошибочных действий.

Результаты анализа показали, что не каждое ранее сформированное качество может проявиться у военнослужащего при изменении условий деятельности, особенно при внезапной атаке противника, когда новизна сложившейся ситуации, боевой обстановки способствует неадекватной ситуации реагированию и поведению военнослужащего. В экстремальных условиях раздражители обнаруживаются и распознаются всеми водителями ВАТ, однако в процессе принятия решения реализация решения у некоторых наступает с опозданием или вообще не наступает. В большинстве случаев наблюдается переход из стрессового состояния в состояние дистресса. Состояние дистресса лишает возможности осуществить комплекс необходимых действий для преодоления экстремальной ситуации.

Кроме корреляционного анализа данных, зафиксированных в реальных условиях движения при воздействии стресс-факторов также был применен метод экспертной оценки. Рассчитанный коэффициент экспертной оценки ϕ (коэффициент Гильфорда) [7] для “сильной” и “слабой” групп испытуемых, подтверждает достоверность поставленных нами экспериментов.

Применение современных статистических методов планирования экспериментов [1] дало возможность получить математическую модель для психотехнических испытаний военных водителей в следующем виде:

$$t_r = \frac{0.69 \times B^{0.1} \times K^{0.2} \times \Pi^{0.01}}{Y^{0.06} \times T^{0.03} \times O^{0.03}} \text{ сек,}$$

где t_r – значение времени сложной реакции в экстремальных условиях; В – возраст водителя ВАТ (18–25 лет); К – квалификация (С, ВС категории); П – поведение (решительно-уверенное, нерешительно-неуверенное); Y – уровень эмоциональной устойчивости; Т – практический стаж вождения (1–7 лет); О – ошибка в действиях.

Чтобы убедиться в достоверности математической модели, мы осуществили проверку гипотезы влияния шести факторов на сложную реакцию водителя ВАТ для экстремальных условий боевой обстановки методом дисперсионного анализа. Величина дисперсии была рассчитана по критерию Стьюдента. Анализ показал, что полученная математическая модель адекватна 5-процентной статистике, что вполне допустимо.

Применение совокупности ряда методик по определению индивидуально-психологических особенностей личности военнослужащего и математической модели для определения расчетного значения времени сложной реакции для экстремальных условий деятельности позволили разработать оптимальную систему проведения профессионального психологического отбора специалистов-операторов для антропотехнических недетерминированных систем.

Психологический анализ деятельности водителей ВАТ и БМ при моделировании экстремальных условий боевой обстановки (одновременное воздействие психогенных факторов: обстрел из огнестрельного автоматического оружия по ВАТ из позиций противника, имитация взрыва ручной гранаты, противопехотной мины и поражения шин управляемых колес ВАТ, ослепляющий световой поток, внезапное исчезновение обзора водителя ВАТ, звуковой раздражитель), включающий в себя изучение: внешних условий, объекта и

результатов их влияния на действия и психику военнослужащего; внутренних условий, целей, мотивов; возможностей управления деятельностью, позволил разработать методика для формирования психологической устойчивости военнослужащих, которая достигается заблаговременной их психологической подготовкой. Причем психологическая подготовка должна быть управляемой, для чего разработанная нами методика подразумевает: 1) управление психологической нагрузкой в ходе занятий, целенаправленно воссоздавая на занятиях действие психогенных факторов боя; 2) оценку психологической устойчивости специалистов, т. е. оценку способности психики сохранять упорядоченную активность при внезапности, опасности и воздействии других психологических факторов.

Выбирая ситуации различной сложности, мы имеем реальную возможность управлять психологической нагрузкой, причем с акцентировкой не на отдельные изолированные боевые стрессоры, а на органически включенные в деятельность психологические факторы.

Таким образом, основным условием устойчивости и эффективности деятельности военнослужащих в экстремальных условиях является: соответствие индивидуально-психологических особенностей военного специалиста к конкретным требованиям профессиональной деятельности; высокий уровень мотивации деятельности; устойчивость моральных и боевых качеств; высокая боевая выучка и боевое мастерство; способность к быстрым психологическим перестройкам, к быстрому восприятию, оценке и вхождению в боевую обстановку; умение преодолевать воздействие факторов экстремальных условий на профессиональную деятельность; морально-психологическая устойчивость как в отношении психогенных факторов боя, так и в отношении к негативному информационно-психологическому воздействию противника и готовность к боевым действиям.

Психологическая готовность военного специалиста к бою – важный фактор эффективности их боевой деятельности в экстремальных условиях. Формируя психологическую готовность военнослужащего к бою, мы формируем у них прежде всего устойчивые нравственные, боевые и психологические качества, активизируя и постоянно поддерживая активно-боевые и действенные состояния военнослужащих, их настрой, установки на саморазвитие и максимально полное, рациональное использование своих сил с началом неожиданно навязанной нам войны [5, 6].

Список литературы:

1. Адлер Ю.П., Маркова Е.В., Грановский Ю.П. Планирование эксперимента при поиске оптимальных условий. – М., 1976. – 279 с.
2. Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. – М., 1998. – 285 с.
3. Клеббельсберг Д. Транспортная психология. – М., 1989. – 366 с.
4. Лобанов Е. М. Проектирование дорог и организация движения с учетом психофизиологии водителя. – М., 1980. – 311 с.
5. Маргарян В. Г. Психологические основы боевой деятельности. – Ер., 2009. – 184 с.
6. Маргарян В. Г. Психология боевой деятельности. – Ер., 2009. – 434 с.
7. Шмелев А. Г. Основы психодиагностики. – М., Ростов н/Д, 1996. – 535 с.

ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ПСИХИЧЕСКОГО ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА «ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ»

Маркин Р.В.

*Соискатель КГУ, г. Курск
E-mail: apri8ri@yandex.ru*

В психологии религии приоритетом традиционно пользуется исследовательский подход, ориентирующийся преимущественно на субъективную составляющую религиозного опыта. При этом определяющее значение остаётся за оценкой религиозности и религиозного опыта, характерной для конкретного исследователя, так как интерпретация фактов обусловлена его субъективным опытом, религиозно-философским и культурно-историческим характером эпохи.

Открытия в сфере бессознательного психического, сделанные классиками психологии бессознательного (в первую очередь З. Фрейдом и К.Г. Юнгом) позволили рассматривать религиозность человека путём привлечения «архетипических», общезначимых содержаний. И если допускать, что психические феномены, составляющие ткань религиозности (одновременно как особого состояния и как отношения к предмету, обладающему наивысшей положительной значимостью), преимущественно бессознательны, то психологии бессознательного как раз и свойственно выявление иррациональных, бессознательных содержаний.

Рассмотрев вклад З. Фрейда в объяснение религии как результата ограниченности человеческого бытия, а также проследив дальнейшее развитие психоаналитического понимания религиозности на примере концепции коллективного бессознательного К.Г. Юнга, мы пришли к выводу, что явление, охарактеризованное нами в качестве «естественной религиозности», представляет собой психологическую реальность, ткань которой составляют самые разнообразные элементы: инфантильные влечения, различные комплексы и фобии, силы коллективного бессознательного и т.д. Можно выделить следующие характеристики данного явления: «естественная религиозность» в противоположность религиозной вере пассивна, индивидуалистична, противится любому выражению и осмыслению и т.д. Под «естественной религиозностью» мы понимаем совокупность психических процессов, обусловленных наличием феномена, воспринимающегося субъектом в качестве предмета, обладающего наивысшей положительной значимостью. Религиозность подобного рода всегда аутоэротична, человек-индивид, его собственное сознание и бессознательное, есть одновременно единственное божество, жрец и адепт своей собственной религии («бог в душе»).

В объяснении механизмов формирования религиозного мировосприятия проявляется сходство психолого-религиозных концепций Фрейда и Юнга. Оба исследователя решающую роль отводят здесь процессам сублимации и перенесения во внешнюю реальность внутренних бессознательных содержаний (проекция). Различия названных концепций обнаруживаются в вопросах оценки религиозной установки, ее значения и влияния, оказываемого ею на конкретного человека, его окружения и общества в целом. Поскольку, для обоих исследователей характерно восприятие религиозных феноменов в качестве интерференций бессознательного, то именно отношением к бессознательному и определяется различие их подходов. Так, например, если для Фрейда религиозность не более, как индивидуально усвоенный коллективный невроз, имеющий отчасти компенсаторную, отчасти приспособленческую функцию, то для Юнга здесь имеет место проявление сверхличных архетипических сил коллективного бессознательного.

Если для Фрейда преодоление религии представляет собой лишь частный случай «отвоевывания» позиций у бессознательного психического, то для Юнга в данном случае имеет место смена установок, протекающая не без органического участия самого бессознательного, в котором для него, по словам Йеротича, «соединяются... биологическое с психологическим, инстинктивное – с

духовным», из которого «бьёт источник творческой мощи человека, питаемой... либидозной энергией его существа» [1, 16].

Если по Фрейдю, религия удовлетворяет человеческую любознательность, обеспечивает защиту, счастье среди всех превратностей жизни, направляет убеждения и действия предписаниями, оставаясь при этом безусловным заблуждением, то для Юнга религиозная идея истинна ровно настолько, насколько она существует и т.д.

Проводя параллели между индивидуальным неврозом и религией (неврозом коллективным), важное значение в религиозном и невротическом мировосприятии Фрейд отводит ритуалу. Фрейд был склонен видеть аналогии религиозных и магических ритуалов с навязчивыми действиями невротиков. Кроме ритуальных действий, он отмечал тождество воздействия внутренних императивов (на примере запретов табу), переоценку значения языкового созвучия, одновременности, внешнего сходства и смежности тех или иных предметов и явлений, которому в невротической, детской и мифологической оценке неизменно придаётся большое значение. Неврозы, по Фрейдю, обнаруживают «резкое и глубокое сходство с большими социальными произведениями искусства, религии и философии; а с другой стороны, производят впечатление их искажения... можно утверждать, что истерия представляет собой карикатуру на произведение искусства, невроз навязчивости — карикатуру на религию, параноический бред — карикатурное искажение философской системы» [2, 386].

Напротив, Юнг видел в религии только отношение к высшим и сильнейшим по воздействию ценностям, а догматы, по его мнению, призваны уберечь неискущённого человека от непосредственного соприкосновения с бессознательным, которое способно открыть крайне непривлекательные стороны в самом человеке, очаровать и полностью захватить его волю.

На основе вытесненной сексуальности и утверждено, по Фрейдю, все грандиозное основание человеческой культуры. Юнг также говорит об отводе сексуальной либидо от своего прямого источника ради жизнеутверждающей, созидательной цели; в вопросе значения сублимирования инстинктов для развития цивилизации и культуры их позиции вновь сближаются.

Для объяснения зачаровывающего, нуминозного характера религиозных переживаний, Юнг обращается к понятию предсуществующих форм, или «архетипов», составляющих содержание коллективного бессознательного. Если личностное

бессознательное состоит в основном из элементов, исчезнувших из сознания в результате забывания или подавления, то элементы коллективного бессознательного никогда не осознавались, а своим существованием обязаны наследственности, восходящей еще к до человеческому, животному состоянию. Основным источником информации об архетипах являются сновидения, а также фантазии, вызванные намеренной концентрацией.

Приводя основные характеристики архетипов, Юнг определяет их как господствующие силы, боги, образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой, они в равной мере представляют собой как чувство, так и мысль, имея подобие собственной самостоятельной жизни. «Архетип есть символическая формула, которая начинает функционировать... где ... еще не существует сознательных понятий, или же где таковые... вообще невозможны» [4, 459]. Наиболее значимые жизненные переживания «затрагивают сокровищницу этих образов и превращают их во внутренние явления» [4, 274], которые способны становиться сознательными.

По мнению Юнга, существует великое множество архетипов, наиболее часто, человек сталкивается с такими архетипическими образами, как «Тень» (второе «Я»), «Анима» (образ мировой души или Анима/Анимус – как совокупности женских и мужских образов) и «мана-душа» (образ Мудрого старика), отражающими этапы личностного становления. Одним из самых распространенных архетипических образов является душа, определяемая Юнгом как отношение к бессознательному и олицетворение бессознательных содержаний, принадлежащих одновременно субъекту и к миру духов, к бессознательному, «она является сосудом и проводником, органом для восприятия бессознательных содержаний» [4, 308].

Формирование «естественно-религиозного» восприятия реальности обусловлено процессами, относимыми в динамических моделях психики человека З. Фрейда и К.Г. Юнга к сфере деятельности бессознательного психического, опытом встречи с архетипическими образами «коллективного бессознательного». При этом состояние религиозного благоговения есть коллективный феномен, не обусловленный индивидуальной способностью.

В мифотворчестве отражена проекция бессознательных процессов. Центральные мифологические сюжеты универсальны, нередко аналогичные мотивы можно встретить в сновидениях и фантазиях душевнобольных, «европейцы и американцы... в своих снах

и фантазиях имели дело с символами подобными и зачастую идентичными тем, которые были обнаружены в... религиях античности, в мифологии, фольклоре...» [3, 4].

Религиозный характер таких идей обусловлен присущей им возможностью выражения фактических данных коллективного бессознательного, способностью разряжать его скрытые энергии, отводить либидо в русло иллюзорной реальности благодаря инфантилизму веры в символ. Благодаря накоплению либидо в бессознательном, оживляются образы, принадлежащие коллективному бессознательному, именно так и рождаются, по Юнгу, религиозные открытия и мистические прозрения.

Любые мифы всегда оставляют пространство для героя, путем идентификации с которым человеческое сообщество обретает возможность выражения той бессознательной трагедии, которая возрастает в душе всякого его представителя, обретая универсальность общезначимой идеи. Странствующие, умирающие и воскресающие боги и герои – олицетворения солярного культа, служащего образом либидо, «психологически говоря, бог всегда обозначает высшую ценность, то есть наибольшую сумму либидо, величайшую жизненную интенсивность, высшее качество психологической жизнедеятельности» [3, с. 228]. Животное, сопутствующее мифологическому божеству — это вытесненная животная сексуальность, из этого корня берут свое начало зооморфные атрибуты божества. Влечение часто находит отображение в животном, которое должно быть принесено в жертву.

Через фантастическое мышление идет соединение определенно-направленного мышления с древнейшими основами человеческого духа, находящимися уже давно под порогом сознания. Подобно телу, в ряде рудиментарных элементов хранящему пережитки прежних функций и состояний, душа несет в себе признаки пройденного развития и повторяет древние мотивы в своих фантазиях и снах, обладая как бы историческими наслоениями, древнейшие из них соответствуют бессознательному. Состояние инфантильного мышления и в душевной жизни ребенка и во сне является, по Юнгу, повторением доисторического периода и античной истории.

Если религиозность способна выступать в качестве особой психологической установки, обеспечивающей более успешное приспособление к явлениям внутреннего и внешнего мира, то возникает вопрос о причинах выработки тех или иных поведенческих реакций, проблема «выбора невроза». Единого решения здесь, разумеется, найдено быть не может. К примеру, Юнг с самого начала

отстраняется от прямого решения данной проблемы, склоняясь к мнению об изначальной различности доминантных установок.

Внутри одной и той же религиозной традиции возможно наличие диаметрально противоположных течений, противостояние которых нередко выливается в открытое столкновение. Многоразличные заблуждения учителей Церкви и подвижников благочестия, подчас даже весьма серьёзные, могут послужить реальным подтверждением предположения о силе тех или иных, преимущественно бессознательных психологических установок. И если с должным вниманием рассматривать существо любого философско-богословского спора, легко обнаружить, что за каждым утверждением стоит какой-либо практический идеал.

Таким образом, «естественная религиозность» по характеру своему есть явление вполне человеческое. Как только ее позиции оказываются достаточно прочны, она непременно входит в конфликт с религиозной системой, в рамках которой вынуждена существовать. Естественный язычник живёт не только в правоверном иудее или христианине, но и в любом атеисте, поскольку его индивидуальный психологический опыт представляет собой лишь мимолётный, ничтожно малый отблеск опыта всечеловеческого [4, с. 235].

Причины и механизмы формирования естественно-религиозного мировосприятия можно найти на страницах произведений названных классиков психологии бессознательного. Разумеется, как основные предпосылки, с которыми их авторы подходят к предмету своего профессионального интереса, так и конечные выводы порою весьма разнятся, тем не менее, нельзя должным образом не оценить их вклада в развитие науки о душе, успехов в области терапии. Психика человека, по большому счёту, всё ещё остаётся *terra incognita*. Мы склоняемся к убеждению в том, что явление, условно названное нами «естественной религиозностью», представляет собой самостоятельную парарелигиозную психологическую реальность, вполне доступную научному исследованию и объяснению.

Список литературы:

1. Йеротич Вл. Психологическое и религиозное бытие человека [Текст] / Владета Йеротич. – М.: ББИ св. апостола Андрея, 2004. – 210 с.
2. Фрейд З. Тотем и табу [Текст] / Зигмунд Фрейд; [пер. Я.М. Коган, М.В. Вульф] // Остроумие и его отношение к бессознательному. – Мн.: Харвест, 2003. – С. 309-476.

3. Юнг К.Г. Введение в религиозно-психологическую проблематику алхимии / Карл Густав Юнг // Психология и алхимия. – Киев: 1994. – 196 с.
4. Юнг К.Г. Психологические типы: [Текст] / Карл Густав Юнг; [пер. с нем.] // Психологические типы // Под ред. В. Зеленского. – М.: Университетская книга; АСТ, 1998. – 720 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ И СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ

Миронова М.Д.

старший преподаватель кафедры психологии Международного Университета Природы, Общества и Человека, г. Дубна, Мос. обл., филиала «Угреша».

E-mail: mdmironova@rambler.ru

Билюкина О.С.

ассистент кафедры психологии Международного Университета Природы, Общества и Человека, г. Дубна, Мос. обл., филиала «Угреша».

Многочисленные исследования в психологии управления, отечественные и зарубежные, посвящены личности руководителя – менеджера, описанию профессионально значимых личностных черт. [2, 5, 8, 11]. Анализируемые подходы основаны на авторском представлении о структуре личности, механизмах ее изменения и психологических требованиях к руководителю.

С другой стороны, в психологии личности сосуществуют различные альтернативные теории, описывающие личность как интегрированное целое и вместе с тем объясняющие различия между людьми. Само понятие «личность» рассматривается с разных сторон. Существует так называемое широкое определение, в котором личность понимается как характеристики человека, отвечающие за согласованные проявления его чувств, мышления и поведения. Кроме этого существуют более узкие определения и понимания «личности»: К.Роджерса, Э.Эриксона, З.Фрейда, К.Юнга, Г.Олпорта и т.д. [3, 6, 7, 10, 14, 16] Любой подход к личности рассматривает вопрос: что представляют собой стабильные, неизменные аспекты поведения человека. Проблема структуры личности, природа ее организации и влияние на функционирование индивидуума является ключевым компонентом во всех теориях личности.

Теории, рассматривающие структуру личности, представлены теориями личностных черт, теориями личностных факторов, типологическими теориями.

Один из наиболее популярных подходов в рассмотрении структуры личности — концепция черт личности. Согласно данной концепции, личность описывается как состоящая из стабильных, устойчивых, взаимосвязанных элементов (свойств, черт), определяющих ее внутреннюю сущность и поведение. Черта здесь рассматривается как устойчивое качество или склонность человека вести себя определенным образом в различных ситуациях. Различия в поведении людей объясняются различиями в выраженности личностных черт. [15]

Ярким представителем такого подхода к пониманию личности является Р.Кеттел, выделяющий 2 вида черт (факторов): поверхностные (вторичные) и порождающие первичные. Первичные черты в свою очередь разделяются на конституциональные (генетически обусловленные) и характерологические (развивающиеся под влиянием условий жизни, обучения). В своей концепции Кеттел выделяет 3 группы черт в структуре личности: темпераментные черты - способности, динамические черты, мотивирующие поведение, включающие направленность и интересы личности. Все эти черты образуют взаимосвязанную систему 16 факторов личности, имеющих два противоположных полюса. [6]

Индекс	Техническое название	Бытовое обозначение
1. А	Шизотимия - аффектотимия	Замкнутость - общительность
2. В	Интеллект - высокий интеллект	Конкретное мышление - абстрактное мышление
3. С	Слабое «я» - сила «я»	Эмоциональная нестабильность - эмоциональная стабильность
4. Е	Покорность - доминантность	Подчиненность - доминантность
5. F	Дисургензия - сургензия	Сдержанность - экспрессивность
6. G	«Сверх-я» - слабость «сверх-я» - сила	Низкая нормативность поведения - высокая нормативность поведения
7. H	Трекция - пармия	Робость - смелость
8. J	Харрея - премсия	Реализм - чувствительность
9. L	Алаксия - претензия	Подозрительность - доверчивость
10. M	Праксерния - аутия	Практичность - мечтательность
11. N	Натурал фортриднесс - реводнес	Прямолинейность (наивность) - проницательность

		(искусственность)
12. O	Гипертимия - гипотимия	Спокойствие - тревожность
13. Q1	Ригидность - гибкость	Консерватизм - радикализм
14. Q2	Социабельность - самодостаточность	Конформизм (зависимость от группы) - неконформизм (самостоятельность)
15 Q3	Импульсивность - контроль желаний	Низкий самоконтроль - высокий самоконтроль
16. Q4	Нефрустрированность - фрустрированность	Расслабленность - эмоциональная напряженность

Определенное сочетание факторов первого порядка образует структуру факторов более высокого 2-го порядка, включающую:

1. Тревожность (F1),
2. Интроверсия-интроверсия (F2),
3. Чувствительность (F3),
4. Конформность (F4). [11]

Цель теории личности Р. Кеттела - объяснить сложный комплекс взаимодействий между личностью и объемлющей ее социокультурной матрицей.

Таким образом, возникает возможность использования понятия черт личности для исследования стиля руководства, понимаемого как индивидуальное своеобразие управленческих форм поведения, отражающее преобладающий способ принятия руководителем управленческих решений, построения общения и оказания влияния на подчиненных. В научной литературе есть указание на взаимосвязь стиля руководства и личностных особенностей руководителя. Велков И.Г., например, пишет: «В стиле – этой весьма емкой характеристике личности руководителя – находят отражение достоинства и недостатки личности, ее сильные и слабые качества». [2]

Вопросами типологии стилей руководства занимались психологи в разное время, начиная с 30-х годов XX столетия. Так К. Левин, Р. Липитт (1939 г.), Г. Гибш и М. Форверг (1939 г.), К. Бирт, Ф. Прильвиту (1959 г.), Р. и А. Тауш (1963 г.), придерживались точки зрения, по которой стали обозначаться такие стили руководства, как авторитарный, демократический, анархический [12]. Стиль, как правило, определяют сочетанием таких компонентов, как директивность, коллегиальность и попустительство. В основу группирования стилей ложится степень выраженности этих трех компонентов, оцененных по десятибалльной шкале. При доминировании одного из них складывается «чистый», или выраженный, стиль. Когда два компонента доминируют над третьим,

возникает смешанный тип. Если же все три компонента выражены примерно в равной степени, то стиль характеризуется как комбинированный. [13]

Возникает предположение, что индивидуальное сочетание черт личности, «созвездие» черт и может давать сочетание компонентов стиля руководства.

Авторы, изучающие личность руководителя в психологии управления создают различные наборы свойств, которыми должен обладать успешный руководитель. При этом исследований личностных черт руководителей с уже сложившимися стилями руководства в литературе не встречается. В нашем исследовании мы сделали попытку изучения личностных черт руководителей, обладающих различными стилями управления коллективом.

В нашем исследовании была изучена взаимосвязь стиля руководства и личностных особенностей руководителей подразделений торгово-производственной компании. В исследовании принимал участие трудовой коллектив, представленный руководителями различных уровней в количестве 20 человек и подчиненными в количестве 93 человек.

Были использованы следующие методики:

1. Методика определения стиля руководства, на основании самооценки руководителя: «Самооценка лидером стиля управления» (А.В. Аграшенкова и Е.П. Ильина); [4]

2. Методика определения стиля руководства, на основании оценки коллектива: «Методика определения стиля руководства» (А.Л. Журавлева, В.П. Захарова) сокращенный вариант; [9]

3. Методика для определения личностных особенностей: «16-ти факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла» (16-PF, форма "А"). [4, 9]

По результатам диагностики стиля руководства было получено числовое значение по каждому компоненту стиля руководства: директивного, попустительского и коллегиального, которые и использовались для дальнейшего корреляционного исследования.

Проведенный корреляционный анализ связи отдельных факторов по Р. Кеттеллу, характеризующих личность руководителя, с выраженностью директивного, попустительского и коллегиального компонентов стиля руководства с использованием коэффициента корреляции Спирмена выявил:

1. Положительную связь личностного фактора О «Гипертимия - Гипотимия» (0,46) с директивным компонентом стиля руководства.

2. Отрицательную связь личностных факторов F3 «Сензитивность - Реактивная уравновешенность» (-0,51) и В «Низкий интеллект – Высокий интеллект» (-0,53) с директивным компонентом стиля руководства. Таким образом, директивный компонент стиля руководства связан с такими личностными особенностями, как сензитивность, низкий интеллект и гипотимия.

3. Положительную связь личностного фактора F3 «Сензитивность - Реактивная уравновешенность» (0,53) с коллегиальным компонентом стиля руководства, т.е. коллегиальный компонент стиля руководства, связан с такой личностной особенностью, как реактивная уравновешенность.

По результатам проведенного исследования сделаны следующие выводы:

1. Выраженность директивного компонента стиля руководства связана с такими личностными особенностями, как сензитивность, тревожность, сильное чувство долга, неуверенность в себе, конкретность и ригидность мышления, эмоциональная дезорганизация мышления (+O, -F3, -B);

2. Выраженность коллегиального компонента стиля руководства связана с такой личностной особенностью, как реактивная уравновешенность, стабильность, жизнерадостность, предприимчивость (фактор +F3).

Вместе с тем, в исследовании не было обнаружено значимых корреляционных связей между выраженностью попустительского компонента стиля руководства и личностными особенностями руководителей.

Таким образом, проведенное исследование выявило значимые корреляционные связи между личностными чертами руководителя и выбираемым им (часто неосознанно) стилем руководства, понимаемым как сочетание директивного, коллегиального и попустительского компонента в разных пропорциях. Следует отметить, что проведенное исследование не претендует на установление причинно-следственных связей между чертами личности и стилями руководства, поиск которых может явиться дальнейшим развитием этого направления исследований. А также, возможно, дальнейшие исследования помогут прояснить влияние личностных черт на попустительский компонент стиля руководства.

Список литературы:

1. Агапов В.С. Проблема личности руководителя в отечественной психологии // Психология и жизнь. Сборник научных трудов. Выпуск №1. – М.: МОРУ, РПО, 2000.

2. Агапов В.С. Я-концепция как интегративная основа личности и деятельности руководителя. – М.:МОСУ, 2000.
3. Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Психология управления. – Харьков, ООО Фортуна-пресс, 1998.
4. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. – СПб: Питер, 2008.
5. Журавлев А. Л. Современное состояние отечественной психологии управления в контексте ее истории. Современные проблемы психологии управления. – М.: Институт психологии РАН, 2004.
6. Карвасарский Б. Д. Клиническая психология. – СПб: Питер, 2008.
7. Келвин С. Холл, Гарднер Линдсей. Теории личности. – М: Феникс, 2007.
8. Клюкина Е.В. Коммуникациология и риторика в поликультурном контексте. – М.: Мир, 2004.
9. Практическая психодиагностика под ред.Д.Я. Райгородский. – Самара: БАХРАХ - М, 1998.
10. Психология индивидуальных различий. Тексты /под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – М.: МГУ, 1982.
11. Райгородский Д.Я. Психология управления: Хрестоматия. – Самара: Бахрах-М, 2006.
12. Розанова В. А. Психология управления. Учебное пособие – М.: ЗАО Бизнес-школа Интел-Синтез,1999.
13. Столяренко Л. Д. Психология делового общения и управления. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
14. Хрестоматия по истории психологии / Под ред. Гальперина П. Я., Ждан А. Н. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
15. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные приложения, исследования и применение. – СПб: Питер, 2006.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА

Моргунова М.А.

педагог-психолог высшей категории МОУ гимназии № 3, г. Воронеж

E-mail: marina-vrn2008@yandex.ru

Анализ зарубежных источников о толерантности и терпимости указал их основания в гуманистической философии и психологии. В русле не директивной терапии родоначальник гуманистической психологии К. Роджерс понимает терпимость как «отсутствие надменности» [4, с.90] и основополагающий принцип в оказании

помощи другому человеку. Опираясь на стремление человека к позитивным изменениям, благодаря эмпатическому пониманию и конгруэнтности, личность способна обеспечить безусловное принятие другого и позитивную самоактуализацию, гуманное, терпимое отношение к себе и окружающим. Развивая данную мысль, американский психолог А. Маслоу считает, что терпимость прокладывает путь самоактуализирующейся личности, способствуя ее личностному росту, возможности установления с окружающими доброжелательных отношений; и в целом терпимость дает ключ к пониманию сути человека и специфики взаимодействия людей [3]. По мнению В. Франкла, терпимости отводится роль неотъемлемой составляющей духовного развития человека, поскольку оно носит целостный характер и предполагает постижение ценностей гуманизма, нравственности и выражение отношений созидания и сотрудничества [во 2, с.24]. Для Г. Allport толерантностью человека демократического общества, объединяющей знание себя, независимость, ответственность, чувство юмора, способность к эмпатии. Г. Allport выделяет два пути личностного развития: толерантный и интолерантный. Толерантный путь выбирает человек свободный, доброжелательный, с позитивной «Я-концепцией». Интолерантный путь характеризуется представлением о собственной исключительности, стремлением переносить ответственность на окружение, потребностью порядке, желанием сильной власти [8]. Мы раскрывали толерантную культуру педагога через представленные автором критерии зрелой личности, базирующиеся на терпимости: широкие границы «Я» как способность посмотреть на себя со стороны и социальная активность; способность к теплым сердечным социальным отношениям (в том числе терпимость); умение справиться с собственным эмоциональным состоянием; реалистичное восприятие, опыт и притязания; способность к самопознанию и чувство юмора; направляющую (цельную) жизненную философию.

В «Словаре практического психолога» С.Ю. Головин объясняет: «Толерантность – отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию, ...внешне проявляется – в выдержке, самообладании, способности длительно выносить неблагоприятные воздействия без снижения адаптационных возможностей» [5, с.70].

А.Г. Асмолов и Г.У. Солдатова едины в определении толерантности как уважения и признания равенства, отказ от

доминирования насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований, отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения [6]. Анализируя мнение группы ученых во главе с М.П. Мчедловым, мы также находим в их трактовках разные аспекты понимания толерантности [7, с.9 - 17]:

- «толерантность является признаком уверенности человека в надежности своих позиций, отсутствия боязни сравнения и конкуренции с другими воззрениями;
- это есть показатель интеллектуального уровня человека, готового обогащать и совершенствовать свой умственный кругозор, нрав и манеру поведения путем контактов с иными воззрениями и практическими действиями;
- она определяется индивидуально-психологическими особенностями личности, природной склонностью к терпимости и согласию; терпимость базируется на признании, уважении универсальных прав и основных свобод человека;
- толерантность предполагает не снисходительность, а доброжелательность, готовность к уважительному диалогу и сотрудничеству
- историческая ограниченность познания, относительность знания... подчеркивают важность соблюдать терпимость к иным взглядам; признание права на различие – основа толерантности».

Психолог и политолог В.С. Рахманин рассматривает толерантность как «взаимотерпимость людей, занимающих разные позиции, как определенный тип социальности». И далее автор расширяет исследуемое понятие и подчеркивает, что «толерантность включает в себя:

- во-первых, гуманистическую взаимную непредвзятость социальных субъектов образа жизни и мыслей друг друга;
- во-вторых, уважение к личности, независимо от этнической, религиозно-конфессиональной, социальной принадлежности, гражданства;
- в-третьих, признание многообразия экзистенциальных форм бытия и права каждого человека на выбор своей модели существования;
- в-четвертых, взаимокорректность людей в обыденном, деловом, политическом и др. общении» [1, с.242-243].

В целом, мы представляем толерантность как устойчивое нравственное качество личности, детерминированное ее особыми психофизиологическими свойствами и способное к формированию, развитию в социокультурной среде при определенных условиях. Как видно, являясь качественным показателем социума и его важнейшей

потребностью, толерантность в тоже время индивидуальна и находит свое выражение в таких разнообразных характеристиках личности, как: терпимость, психологическая устойчивость, отзывчивость, гуманность, конгруэнтность, ответственность, уважение и др.

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных исследований толерантности позволил нам выделить психологические характеристики данного феномена, которые, на наш взгляд, являются определяющими, в трактовке сути понятия «толерантной культуры педагога»: способность субъекта проявлять кратковременную с потенциальным возрастанием терпимость к иному, отличному от меня; как проявление сдержанности, выносливости, устойчивости личности; как признание равноправия в возможностях окружающих, прав других быть самими собой; понимание, принятие другого; допущение многообразия, разного в себе и других; уважение к другим; осознанная терпимость, воспитание толерантного мышления; сопереживание, сострадание, эмпатия, мягкость; доброжелательность, благодетельность, великодушные; открытость, контактность; ответственность; активное, деятельное отношение; гуманность, любовь к человеку.

Список литературы:

1. Демократия: конфликтность и толерантность / под ред. В.С. Рахманина. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002. – 402 с.
2. Клепцова Е.Ю. Психология и педагогика толерантности: учеб пособие для слуш. сист. доп. проф. пед. образования. – М.: Академический Проект, 2004. – 176 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1989. – 463 с.
4. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. – М.: Рефлбук, 1997. – 204 с.
5. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1997. – С. 70.
6. Солдатова Г.У. Межэтническая напряженность. – М.: Смысл, 1998. – 178 с.
7. Толерантность / общ. ред. М.П. Мchedлова. – М.: Республика, 2004. - 416 с.
8. Allport G. Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison- Wesley, 1954.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Овчинников В.А.

Аспирант ЯрГУ, г. Ярославль

E-mail: vitaliuso@yandex.ru

Современный мир построен на базе компьютерных электронных систем, которые проникли фактически во все сферы деятельности человека. Данная ситуация с каждым годом все более и более усугубляется. Несмотря на то, что компьютер существует всего около 50 лет, а первые компьютерные военные сети появились только в середине 60-х годов прошлого века, весь мир уже охвачен военными и гражданскими общедоступными сетями настолько, что жизнь без компьютеров и без их совместного взаимодействия в данный момент уже не представляется возможной. Так в России общее количество эксплуатируемых в стране компьютеров в 2008 году достигло 40 млн. штук, что на 28,2% больше, чем в 2007 году по данным Минэкономразвития. Количество персональных компьютеров на сто человек по итогам 2008 года достигло 28 единиц, что по сравнению с 2002 годом больше в 3,1 раза (т.е. владельцами компьютерных машин стал каждый четвертый). Количество же пользователей Интернета на сто человек населения в 2008 году составило 33 человека, что на 32% больше, чем в 2007 году. (ПРАЙМ-ТАСС, г. Москва, от 9 февраля 2009 г.) Безусловным является тот факт, что интенсивное внедрение компьютерных технологий в нашу повседневную жизнь позволило во многом облегчить процесс поиска информации и коммуникации людей друг с другом, оптимизировать и организовать рабочие и бизнес-процессы, а также расширить сферу мультимедийных развлечений. Но при всем при этом накопленный к этому времени практический опыт наблюдения активных пользователей компьютера и Интернета позволил многим исследователям сделать вывод о возникновении нового типа психологических проблем у некоторых из них - так называемой психологической зависимости (или аддикции – от англ. «addiction» - склонность к чему-л., пагубная привычка) от компьютерных технологий. Такие авторы как Young K. S., Griffiths, Egger O., Rauterberg M., King S. A., Kennedy-Souza B. L., Petrie H. и др. впервые стали говорить об Интернет-аддикции как форме психологической зависимости от пребывания в сети Интернет и общения по средством чатов, форумов и электронной почты. Другие авторы (Мунтян П., Иванов М.С., Шапкин С.А., Шмелев А.Г.)

указывают на такую форму психологической зависимости от компьютера как аддикцию от компьютерных игр.

Количество форм и проявлений компьютерной аддикции столь велико и неоднозначно, что некоторые авторы объединяют весь комплекс этих поведенческих изменений в одну общую категорию. Так Дж. Сулер в своей книге «Психология киберпространства» объединяет вышеизложенные формы психологической зависимости от компьютерных технологий в понятие кибераддикции (от англ. cyberaddiction) и определяет ее как зависимость индивида от виртуальной среды, созданной благодаря компьютерным технологиям.[5]

Формирование и развитие компьютерной среды как некой формы виртуальной реальности [3], одновременно являющейся и параллельной и взаимосвязанной с внешней действительностью, предъявляет новые требования к индивиду, вступающему во взаимодействие с ней. Привычные формы социализации и адаптации искажаются за счет этих требований, и соответственно индивид предъявляет иные формы поведения.

В наиболее широком плане «адаптация – это приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами». [4, с. 55] При этом адаптационный процесс может идти 3 путями [4, с. 69]:

1. Направленность вектора активности «наружу». Адаптация характеризуется активным влиянием личности на среду, ее освоение и приспособление к себе.

2. Направленность вектора активности «внутри». Адаптация связана с активным изменением личностью себя, с коррекцией собственных социальных установок и привычных инструментальных, поведенческих стереотипов.

3. В случае неприемлемости для личности двух рассмотренных вариантов адаптационный процесс протекает по типу активного поиска в социальном пространстве новой среды с высоким адаптивным потенциалом для данной личности, т.е. среды, оцениваемой самим субъектом как обладающей большим адаптационным потенциалом.

Наиболее интенсивно процесс социализации и адаптации протекает в подростковый период, когда ведущим видом деятельности в соответствии с идеями Д. Б. Эльконина является интимно-личностное общение, определяющее формирование новообразований, характерных для будущей зрелой личности. В ситуации, когда

подросток испытывает серьезные затруднения в установлении личностных контактов с представителями референтной группы, он начинает искать иные формы адаптивного поведения. Компьютерная среда при этом становится наиболее привлекательной с точки зрения социальной доступности средой адаптации (97% респондентов в нашем исследовании имели постоянный доступ к компьютеру). Взаимодействие с компьютерной средой в свою очередь обуславливает формирование у подростка нового вида деятельности – компьютеризированной деятельности, преобладание которой соответственно может тормозить развитие интимно-личностной сферы. При этом трудности в интимно-личностном общении подростка могут быть связаны с неразвитостью его личностных структур, отражающими в соответствии с идеями Р. Даймонда и К. Роджерса его социально-психологическую адаптированность. В целом эти структуры реализуются в двух сферах:

- внутренней (внутриличностной), к которой относятся такие образования как принятие себя, эмоциональный комфорт, психоэмоциональная стабильность, позитивная Я-концепция, развитость восприятия социальной поддержки, интернальный локус контроля над средой, и т.д.
- внешней (сфере взаимодействия с социумом), к которой можно отнести принятие других, межличностную синзетивность, эмпатию и аффилиацию, относительно низкую чувствительность к отвержению, развитые коммуникативные навыки и т.д.

Таким образом, именно слабая сформированность этих структур снижает успешность подростка в интимно-личностном общении, а компьютеризированная деятельность при этом приводит к более эффективной адаптации в компьютерной среде, что в целом составляет картину современного кибераддикта.

К настоящему моменту весь накопленный теоретический материал по данной проблематике носит в большинстве случаев описательный характер. При этом многими исследователями данной проблемы остается не учтенным социально-психологический контекст формирования кибераддикции. Для восполнения пробела в существующих данных и проводится данное исследование.

Гипотезами нашего исследования мы сформулировали следующие:

В период внедрения компьютерных информационных технологий в повседневную реальность современных подростков происходит преобладание их процессов адаптации к компьютерной среде, по

сравнению с процессами социально-психологической адаптации. А именно:

1. Подростки со сформированными показателями кибераддикции обладают более низким уровнем социально-психологической адаптированности по сравнению с подростками, у которых кибераддикция не выражена.
2. Психологическими условиями преодоления кибераддикции у подростков могут выступать - развитие внутриличностных ресурсов социально-психологической адаптивности подростков и развитие сферы межличностного взаимодействия подростков. Эти условия могут быть созданы в рамках тренинга социально-психологической адаптивности подростков.

Методики исследования:

В качестве основной методики исследования актуального уровня кибераддикции подростков нами был предложен опросник, основанный на предлагаемой нами структурой кибераддикции, в которой выделяется 2 уровня: содержательный – представленный компьютерной игровой и Интернет аддикцией, и формально-операциональным, представленным компьютерной аддикцией. Соответственно здесь выделяется 3 шкалы: компьютерная аддикция - КА, компьютерная игровая аддикция - КИА, Интернет аддикция - ИА. При разработке в основу ОКА нами были положены критерии Интернет аддикции К. Янг и И. Голдберга, а также компьютерной аддикции П. Мунтяна, структурированные в соответствии с 5 сферами проявления кибераддикции: соматической (только для шкалы КА), эмоциональной, когнитивной, поведенческой и социально-коммуникативной. Опросник состоит из 55 утверждений, которые испытуемый должен оценить по 4 бальной шкале (от 0 – «никогда», до 4 – «всегда»). Апробация теста проводилась на 175 испытуемых. В ходе статистического анализа ОКА были получены результаты, свидетельствующие о хорошей внутренней согласованности по α -Кронбаха (КА - 0,8985; КИА - 0,8364 и ИА - 0,8474), а также статистически значимая на 1% уровне интеркорреляция шкал по Спирмену (КА и КИА - 0,666, КА и ИА - 0,494, КИА и ИА - 0,328). Нами также был проведен анализ результатов корреляции пунктов опросника с его шкалами (коэффициент корреляции Спирмена). Данный опросник является пилотным, требующим дальнейшей проработки, но полученные первичные статистические показатели являются удовлетворительными, что позволяет нам использовать этот диагностический инструмент в нашем исследовании. Также мы использовали анкету на выявление степени использования компьютера

подростками, шкалу социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонда, в адаптации А. К. Осницкого, опросник самооотношения В.В. Столина и С.Р. Пантелеева и тест коммуникативных умений Л. Михельсона.

Выборка испытуемых: учащиеся 8-11 классов общеобразовательных школ в количестве 182 человек.

Результаты исследования:

Первоначальная диагностика кибераддикции показала, что у 12% (около 24 чел.) – кибераддикция выражена. При этом у 0,5% диагностировался высокий, патологический уровень (1 чел). Для того, чтобы выявить взаимосвязь показателей кибераддикции подростков с уровнем развития их социально-психологической адаптированности, мы провели корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) данных и получили следующие результаты. Для групп с компьютерной и компьютерной игровой аддикциями корреляция со всеми шкалами СПА (за исключением «доминирование») статистически значима для шкалы «адаптированность» и «эскапия» - на 1%; для шкал «притягивание себя», «притягивание других», «интернальность» - на 5%. Для группы Интернет-аддикцией корреляция со шкалами СПА – статистически не значима, за исключением шкалы «эскапия» (1%). Также нами было установлено, что мальчики чаще, чем девочки используют такие аддиктивные модели поведения как компьютерная игровая (на 1%) и компьютерная (на 5 %) аддикции.

В целом, подводя итог данному этапу нашего исследования, мы можем сделать вывод о том, что в случае выраженности таких показателей кибераддикции как компьютерная и компьютерная игровая аддикции у подростков, особенно мальчиков, можно диагностировать трудности в социально-психологической адаптации. В случае же выраженности Интернет-аддикции такой закономерности нами выявлено не было, что обуславливает необходимость проведения более глубоких и детальных исследований в этом направлении.

По итогам проведенного нами тренинга социально-психологической адаптивности прослеживается положительная динамика по всем параметрам эффективности. Статистически такая динамика значима для шкал: самооотношения, интернальности, притягивания других, коммуникативной компетентности на 1%, и для шкал притягивания себя и ожидаемого отношения других на 5%. При этом положительная динамика показателей социально-психологической адаптированности прослеживается по шкалам: адаптированности, притягивания других, эмоционального комфорта, интернальности на 1%, для шкалы притягивания себя на 5%, статистически не значимы для шкал доминирования и

эскапии. Динамика показателей кибераддикции до и после тренинга социально-психологической адаптивности статистически значима для шкал компьютерной и компьютерной игровой аддикций (5%).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что тренинг социально-психологической адаптивности был эффективен для снижения напряженности показателей компьютерной и компьютерной игровой аддикций. В случае Интернет-аддикции значимых изменений нами зафиксировано не было.

Проведенное исследование носит дискуссионный характер, но несмотря на это уже можно с уверенностью утверждать о значимых изменениях в структуре социально-психологической адаптации современных подростков, чрезмерно увлеченных компьютерными технологиями.

Список литературы:

1. Короленко Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозр. психиат. и мед. психол., –1991. – №1. – С. 8–15 с.
2. Леонова Л. Г., Бочкарёва Н. Л. Вопросы профилактики аддиктивного поведения в подростковом возрасте. Учебно-методическое пособие под ред. Короленко Ц. П. – Новосибирск: НМИ, 1998. – 19 с.
3. Носов Н.А. Манифест виртуалистики. – М.: Путь, 2001. – 17 с.
4. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб.: прайм – Евро-знак, 2006. – 479 с.
5. Suler, J. The basic psychological features of cyberspace // The Psychology of Cyberspace. 2002. URL: <http://www.rider.edu/suler/psycyber> (дата обращения: 5.11.2009)

ПРОБЛЕМА СОПОСТАВЛЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ И СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СУБЪЕКТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Перевозкин С.Б

Соискатель степени к.пс.н., ст. преподаватель НГИ, г. Новосибирск

Перевозкина Ю.М.

К.пс.н., ст. преподаватель НИЭПиП, г. Новосибирск

E-mail: per@bkl.ru

Обоснование применения психосемантического пространства как субъективного исследования личности было положено

исследованиями Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, установившими тесную взаимосвязь семантики и психологических структур. Вместе с тем, одной из дискуссионных проблем является проблема сопоставления вербальной и образной семантических систем, задающих значения и личностные смыслы [7].

Переход от вербальных стимулов-понятий к символам и образам, как указывает Е.Ю. Артемьева [2], вызван потребностью систематического исследования разномодальных и разноприродных семантик. В результате серии экспериментов, осуществленных Е.Ю. Артемьевой с сотрудниками [2], автор обнаружила устойчивые структуры, встречающиеся у всех испытуемых при описании разнообразных геометрических фигур. Опыты показали, что при описании фигур, практически все испытуемые использовали эмоционально-оценочные координаты, являющиеся, по мнению автора, инвариантными и устойчивыми целостными образованиями. Е.Ю. Артемьева назвала их – перцептивными универсалиями – достаточно жесткие комплексы актуальных свойств изображений. В контексте психосемантического пространства универсалия определяется как вектор, значения которого выше числа $q \% \times n$, где n – число испытуемых в группе, а $q \%$ – заданная квантиль (Е.Ю. Артемьевой использовались 75 %, 90 % и 95 %).

Эксперименты В.Ф. Петренко [7] убедительно показывают, что символы и образы, аналогично вербальному материалу, образуют устойчивую систему категориальных отношений. Эта система, также как и вербальное семантическое пространство апеллирует к трем универсальным осям, выделенных Ч. Осгудом: Emotion – Оценка (шкала типа «хороший – плохой»), Potency – Сила (шкала типа «сильный – слабый»), Activity – Активность (шкала типа «активный – пассивный») соответственно ЕРА (ОСА). Обращение к невербальной репрезентации активно используется в экспериментах П.В. Яньшина [12], который в качестве психосемантического объекта выделяет цвет, а также в исследованиях Е.Ю. Артемьевой [2], В.П. Серкина [9], доказавших существование визуальных семантик, семантик формы и времени. В этой связи нам представляется, что в контексте построения символического психосемантического пространства выстраивается категориальная сетка глубинного уровня психосемантического пространства, отвечающая выделенным трем универсальным факторам.

Вместе с тем, можно отметить явные преимущества при конструировании невербального семантического пространства, имеющего в качестве биполярных шкал не вербальные понятия, а

символические образы – первые в большей степени подвержены сознательному контролю и социальной желательности, тогда как вторые апеллируют к бессознательным установкам личности. В частности К.Г. Юнг [11] помещая многозначность символа в психологический контекст, отмечает связь символа с бессознательными глубинами психики. В связи с этим, символ, по мнению автора, является посредником между осознаваемым и неосознаваемым содержанием. Следуя К.Г. Юнгу, мы можем определить символ в качестве одного из основных инструментов исследования бессознательных аспектов личности, а, по мнению Т.М. Буякас [5], символ способствует изучению и определенного содержания сознания. С точки зрения В.В. Налимова и Ж.А. Дрогалиной [6] в символе заключается переход от сознания субъекта к семантическому миру бессознательного, при этом символ представляет архетип «открывающий Семантическую Вселенную».

Таким образом, перед нами стоят две задачи – определение соотношения графических символов и качеств личности, а также установление достоверности этого сопоставления.

Организация, база и этапы исследования: базой исследования явились НОУ ВПО «Новосибирский институт экономики, психологии и права», МБОУ СОШ № 59, г. Новосибирска. Всего в исследовании приняли участие 108 испытуемых (68 девушек и 40 юношей) из них 79 студентов факультета «Психология» 2-го и 3-го курса очного отделения в возрасте 19-20 лет, и 22 школьника 5 классов в возрасте 11-12 лет.

С целью установления тождественности графических символов вербальной репрезентации было проведено исследование, состоящее из двух этапов. На первом этапе испытуемым предъявлялись биполярные шкалы графического варианта невербального семантического дифференциала (60 изображений составляющих пару), разработанного В.Ф. Петренко [7] и предлагалось дать название каждому изображению. В качестве испытуемых выступили студенты очного отделения психологического факультета 3 курса в количестве 58 человек (18 мужчин и 30 женщин). Затем к полученным данным применялся частотный анализ, в ходе которого были выявлены 24 символа, вербальные ассоциации, которых превышали 50 % (табл. 1).

На основании частотного анализа были составлены биполярные шкалы графического СД (рис. 1), которые затем на втором этапе предъявлялись испытуемым со следующей инструкцией: «Перед Вами находятся изображения – под каждым номером по два а) и б). Вам нужно внимательно посмотреть на оба изображения под каждым

номером и если Вы считаете, что Вам наиболее соответствует изображение под буквой а), то поставьте в бланке ответов букву а) в строке, номер которой соответствует номеру двух изображений. Если считаете, что Вам более подходит изображение под буквенным обозначением б), то поставьте букву б). Старайтесь долго не раздумывать над каждой парой изображений».

Таблица 1

Частота распределения вербальных понятий и графических символов

№ и буквенное обозначение символа¹	Вербальная ассоциация	Процент	№ и буквенное обозначение символа	Вербальная ассоциация	Процент
1а	противный, отталкивающий	52	1б	солнечный, светлый, яркий, добрый, привлекательный	54
2а	энергичный, быстрый, решительный, заряженный, резкий	56	2б	гибкий, изменяющийся, мягкий, подвижный, плавный	78
3а	грубый, жесткий, прямой, решительный, строгий, упрямый, твердый, четкий	64	3б	добрый, мягкий, нежный, теплый	50

¹ Номер и буквенное обозначение символа соответствует номеру и буквенному обозначению символов в рис. 1.

4а	аккуратный, упорядоченный, структурированный, правильный, строгий, точный, упрямый	8 8	4б	беспорядочный, хаотичный, действующий, креативный, небрежный, непостоянный, разбросанный	8 8
5а	активный, живой, импульсивный, нервный, неустойчивый, ритмичный	5 2	5б	мертвый, пассивный, замирающий, спокойный, расслабленный, уравновешенный	5 6
6а	вялый, плывущий, подавленный, спокойный, текущий, горюющий	5 4	6б	колючий, острый, опасный, резкий	5 4
7а	добрый, мягкий, светлый, хороший	6 0	7б	злой, деспотичный, жесткий, плохой, темный	6 1
8а	активный, растущий, развивающийся, стремящийся	6 7	8б	лжащий, пассивный	6 0
9а	душевный, общительный, большой	6 5	9б	растущий, развивающийся, маленький	5 7

10a		6 1	106	незаметный, ничтожный, неуверенный, поломанный, слабый, беззащитный	5 0
	толстый				
11a		6 3	116	направленный, непреклонный, прямой, решительный, целеустремлен ный, оптимистичны й	8 4
	бесконечный, глубокий, загадочный, интроверт, замкнутый				
12a		7 9	126	общительный, жизнерадостн ый, щедрый, открытый, экстраверт	8 6
	замкнутый, закрытый, интроверт, самодостаточн ый, эгоистичный				

Шкалы невербального графического СД предъявлялись двум группам испытуемых: студенты второго курса психологического факультета очного отделения (в количестве 21 человека в возрасте 20-24 лет, из них 6 юношей и 15 девушек) и школьникам пятого класса (в количестве 21 человека в возрасте 11-12 лет, из них 7 мальчиков и 14 девочек)². Кроме шкал невербального семантического СД, обе группы респондентов должны были себя оценить по биполярным шкалам «Личностного дифференциала» (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд [4]).

² Различия в возрастном диапазоне были обусловлены определением особенности графических символов к фактору возраст.

№ а		б		№ а		б	
1			7				
2			8				
3			9				
4			10				
5			11				
6			12				

Рис. 1 - Биполярные шкалы невербального графического семантического дифференциала³

Результаты применения критерия ϕ -Пирсона показали, что с вероятностью ошибки менее 2 % биполярные графические шкалы 1, 2, 4 и 10 чувствительны к возрастному диапазону, а 2, 3 и 6 шкала – к полу (табл. 2).

³ Биполярные шкалы № 3, № 6 и № 10 были нами трансформированы из других шкал, все остальные шкалы представлены теми же парами, как и у В.Ф. Петренко.

Таблица 2

Сопряжение по полу и по возрасту выбора вариантов символических изображений (N = 42) по критерию ϕ -Пирсона⁴

№ Изображений	Возраст (20 и 11 лет)		Пол (мужской и женский)	
	Вариант изображений			
	ϕ	p	ϕ	p
1	0,46	p=,01	-0,20	p=,19
2	-0,38	p=,01	0,35	p=,02
3	-0,15	p=,32	0,53	p=,01
4	-0,46	p=,01	0,06	p=,71
5	0,28	p=,06	-0,24	p=,12
6	0,29	p=,06	-0,38	p=,01
7	0,04	p=,81	-0,08	p=,60
8	-0,10	p=,53	-0,09	p=,56
9	-0,14	p=,36	0,22	p=,16
10	0,41	p=,01	0,14	p=,38
11	0,00	p=,97	0,17	p=,28
12	0,26	p=,10	-0,25	p=,11

При оценивании себя по первой паре графических изображений в группе студентов наблюдается незначительный перевес в пользу изображения 1б, тогда как школьники все оценили себя по этому варианту (таб. 3).

Таблица 3

Распределение студентов и школьников (20 и 13 лет) в выборе вариантов изображений по значимым различиям (N = 42)

Выборки	№ и вариант изображений							
	1а	1б	2а	2б	4а	4б	10а	10б
Студенты	8	14	7	15	12	10	18	4
Школьники	0	20	14	6	19	1	8	11
Итого	8	34	21	21	31	11	26	15

⁴ Примечание. Здесь и в последующих таблицах, цифра выделенная полужирным шрифтом означает достоверность взаимосвязи или различий при $p \leq 0,05$.

В экспериментах В.Ф. Петренко [7] данная шкала имеет наибольшие нагрузки по второму фактору, который он определил как «Оценка» с некоторой долей экстравертированности. В нашем исследовании более 50 % вербальных ассоциаций на символ 1а обозначается как противный и отталкивающий, в то же время на символ 1б - солнечный, светлый, яркий, добрый, привлекательный (табл. 1). Это позволяет предполагать, что все школьники и большинство студентов оценивают себя в большей степени положительно. Вместе с тем эта шкала не обладает дифференцирующей возможностью, поскольку по ней не было обнаружено достоверных различий ни по одной биполярной шкале «Личностного дифференциала» (ЛД).

По второй паре изображения наблюдается перекрестные тенденции: студенты более предпочитают символ 2б, тогда как школьники в подавляющем большинстве обнаружили предпочтение графического изображения 2а (табл. 3). Вербальные ассоциации на символ 2а отражают идею энергии, в противоположность графическому изображению 2б - гибкий, изменяющийся, мягкий, подвижный, плавный (табл. 1). Наиболее частые ассоциации даваемые испытуемыми свидетельствуют о соотношении символа 2а с такими качествами как энергичный, быстрый, решительный, заряженный, резкий. Анализ распределения выбора вариантов изображения по полу демонстрирует, что при оценке себя респонденты мужского пола достоверно чаще ($p = 0,02$) выбирают изображение 2а, тогда как представительницы женского пола в большей степени идентифицируются с изображением 2б (табл. 4).

Таблица 4

Распределение мужчин и женщин в выборе вариантов изображений по значимым различиям (N = 42)

Выборки	№ и вариант изображений					
	2а	2б	3а	3б	6а	6б
Мужской	10	3	8	5	3	10
Женский	11	17	3	25	18	10
Итого	21	20	11	30	21	20

Вместе с тем данная шкала обладает наибольшей различительной силой по шкале ЛД «раздражительный-невозмутимый» ($p = 0,01$, табл. 5) – испытуемые выбравшие вариант 2а отличаются большей раздражительностью ($M = 0,95$) по сравнению с респондентами, выбравшими вариант 2б ($M = -0,48$). Кроме того

символическая нагрузка молнии отражает ее импульсивность, активность, плодородность, мужское начало – молния в виде бога-громовержца разбивает тучу и та оплодотворяет землю [3]. С другой стороны символ 2б, являясь более обтекаемым, напоминает по своим очертаниям змею, которая несет в себе образ Уроборической Матери [11]. М. Элиаде [13] отмечает, что в архаической символике в один ряд ставились такие разные понятия как луна, женщина, вода, растительность, змея, плодородие, смерть, возрождение и т.д. Полученные нами результаты совпадают с данными В.Ф. Петренко, который показал, что в результате факторизации эта шкала имеет наибольшие нагрузки по фактору «Активность». При этом изображение 2а, по мнению автора, представляет собой «большую концентрацию и разряд силы, это словно моментальное освобождение накопленной энергии» [7. С. 113]. Следовательно, можно утверждать, что вторая шкала графического СД отражает идею активности, которая имеет ярко выраженный гендерный аспект.

Выбор вариантов изображения по третьей шкале взаимосвязан с половыми различиями ($\phi = 0,53$ при $p = 0,01$; табл. 2). Графическое изображение 3а (квадрат – наиболее частые ассоциации: грубый, жесткий, прямой, решительный, строгий, упрямый, твердый) было выбрано большинством представителей мужского пола, в то время как символ круга (изображение 3б – наиболее частые ассоциации: добрый, мягкий, нежный, теплый) более предпочтителен для респондентов женского пола (табл. 4). Квадрат в культурной и мифологической традициях символизирует мужское начало, тогда как круг женское [3; 11]. Результаты Ю.А. Аксеновой [1], получившей инварианты графической картины мироздания показали, что испытуемые женского пола используют в своих рисунках стабильные и округлые формы, тогда как испытуемые мужского пола острые и мобильные. Прямоугольник обладает, кроме того, угловатостью. Угол, острое — образ активной и опасной силы, потенциальной угрозы [10].

Таблица 5

Значимые различия в ответах по биполярным шкалам ЛД в зависимости от выбора варианта (а) или (б) по биполярным шкалам НСД (критерий U-Манна-Уитни) по всей выборке

№ Изображений НСД	Биполярные шкалы ЛД	U	p-level	Среднее значение		Фактор по ЛД
				а	б	
2	Раздражительный-Невозмутимый	123,0	0,01	0,95	-0,48	A

3	Слабый-Сильный	88,0	0,01	2,1 7	0,9 0	С
	Решительный- Нерешительный	94,0	0,02	1,9 2	0,6 7	С
	Расслабленный- Напряженный	95,5	0,02	1,3 3	- 0,1 7	С
	Уверенный- Неуверенный	100, 0	0,03	2,2 5	1,2 3	С
	Несамостоятельны й- Самостоятельный	96,0	0,02	2,5 0	1,5 3	С
4	Упрямый- Уступчивый	98,0	0,04	1,1 8	- 0,4 8	С
	Добрый- Эгоистичный	99,5	0,04	1,1 8	2,1 3	О
	Раздражительный- Невозмутимый	105, 5	0,05	1,1 8	- 0,1 0	А
5	Враждебный- Дружелюбный	133, 0	0,03	0,5 8	2,0 0	О
6	Решительный- Нерешительный	143, 0	0,05	1,5 7	0,4 8	С
	Уверенный- Неуверенный	117, 0	0,01	2,0 5	1,0 0	С
7	Обаятельный- непривлекательны й	70,0	0,04	0,7 5	1,6 7	О
	Разговорчивый- Молчаливый	73,0	0,05	2,2 5	1,3 3	А
10	Слабый-Сильный	123, 0	0,05	0,9 2	1,7 3	С
	Разговорчивый- Молчаливый	115, 5	0,03	1,1 2	2,2 0	А
	Безответственный- Добросовестный	113, 0	0,03	1,5 4	2,1 3	О
	Добрый-	79,5	0,00	1,5	2,6	О

	Эгоистичный			4	0	
	Деятельный- Пассивный	75,5	0,00	1,2 3	2,5 3	А
	Черствый- Отзывчивый	112, 0	0,02	1,5 8	2,2 7	О
	Решительный- Нерешительный	113, 0	0,03	0,5 8	1,7 3	С
	Вялый-Энергичный	112, 0	0,02	1,4 2	2,4 0	А
11	Суетливый- Спокойный	111, 0	0,02	0,0 0	- 1,3 1	А

Результаты сравнительного анализа демонстрируют, что данная шкала обладает наибольшей дифференциацией по фактору «Сила» (табл. 5). Испытуемые выбравшие вариант 3а достоверно отличаются высокой решительностью, силой, напряженностью, уверенностью и самостоятельностью ($p \leq 0,03$), по сравнению с испытуемыми предпочитающими вариант 3б, которых можно охарактеризовать как слабых, нерешительных, расслабленных, несамостоятельных (табл. 5). В этой связи 3 шкалу можно с уверенностью отнести к фактору «Сила».

Выбор вариантов графических изображений по четвертой шкале зависит от возраста ($\phi = -0,46$ при $p = 0,02$; табл. 2) – 95 % школьников выбирают символ 4а, характеризующий, по мнению В.Ф. Петренко [7] упорядоченность и имеющий наибольшую нагрузку по фактору «Активность», «Дестабильность». В то же время распределение студентов по обоим вариантам представлено равномерно (табл. 3). Интересно, что дети наиболее тяготеют к так называемому «правильному образу» выбор по первой шкале варианта 1б и по четвертой шкале упорядоченных рядов треугольников, и то и другое изображение отличаются правильной симметричной формой. Тогда как в более позднем возрасте такой тенденции не наблюдается.

Вместе с тем различия по биполярным шкалам ЛД, не позволяют с достоверностью отнести данную шкалу к какой либо из трех осей, т.к. обнаружены различия по всем трем универсальным факторам в зависимости от выбора одного из символических изображений четвертой шкалы ($p \leq 0,05$; табл. 5). Респонденты, оценившие себя по варианту 4а характеризуются как упрямые, эгоистичные и раздражительные (что соответствует психологическим

особенностям началу подросткового кризиса), в то же время испытуемые, предпочитающие вариант 4б отличаются уступчивостью, добротой и невозмутимостью (табл. 5). Полученные нами результаты входят в определенное противоречие с данными В.Ф. Петренко [7], указывающего, что дестабильность задается через асимметрию. В нашем случае было обнаружено эмоциональное упрямство соответствующая симметричному изображению (вербальные ассоциации на символ 4а - аккуратный, упорядоченный, структурированный, правильный, строгий, точный, упрямый; на символ 4б - беспорядочный, хаотичный, действующий, креативный, небрежный, непостоянный, разбросанный, табл. 1). Ответ на полученное противоречие можно найти в графических признаках при интерпретации рисуночных методик. Как указывают З.Ф. Семенова, С.В. Семенова [8] излишняя симметрия в рисунках создает ощущение застоя, ригидности и очень часто отражает подавление спонтанных импульсов и эмоций. Кроме того, это может интерпретироваться, по мнению авторов, как излишняя интеллектуализированность, упорядоченное общение и склонность к детальному планированию действий. Принимая во внимание отмеченные факты, можно предполагать, что испытуемые, которые выбирают симметричное изображение, будут характеризоваться как эмоционально холодные, дистанцированные, испытывающие большое внутреннее напряжение и стремящиеся выглядеть образцовыми. Это может быть проинтерпретировано как фактор «Сила».

По пятой шкале обнаружены значимые различия по враждебности-дружелюбности, относящимся к фактору «Оценка» ($p = 0,03$; табл. 5): респонденты достоверно чаще выбирающие вариант 5а отличаются враждебностью тогда как испытуемые выбирающие вариант 5б – дружелюбием. Вместе с тем вербальные ассоциации позволяют отнести данную шкалу скорее к фактору «Активности» 5а - активный, живой, импульсивный, нервный, неустойчивый; 5б - мертвый, пассивный, замирающий, спокойный, расслабленный, уравновешенный (табл. 1). При этом данный фактор нечувствителен ни к возрасту, ни к полу. По результатам В.Ф. Петренко [7] пятая шкала имеет наибольшие нагрузки по фактору «Активность». Учитывая, что враждебность и дружелюбие можно также отнести и к активности, то данная шкала может быть обозначена как «Активность».

Выбор изображения по шестой шкале связан с полом ($\phi = -0,34$ при $p = 0,01$; табл. 2): респонденты мужского пола достоверно чаще выбирают символ 6б (треугольник – вербальные ассоциации:

колючий, острый, опасный, резкий), по сравнению с представительницами женского пола, которые предпочитают вариант ба - вялый, плывущий, подавленный, спокойный, текучий, горящий (табл. 1 и 3). Как отмечают В.В. Налимов и Ж.А. Дрогалина [6], треугольник содержит в себе идею троичности, соединение трех объектов, трех миров, вершиной вверх он символизирует стихию огня и также как и квадрат, состоит из острых углов. При этом данная шкала обладает наибольшей дифференцирующей силой по биполярным шкалам решительный-нерешительный, уверенный-неуверенный относящихся к фактору «Сила» ($p \leq 0,05$). В этой связи можно с уверенностью отнести графические полюса шестой шкалы к фактору «Сила», имеющему также как и третья и вторая шкалы гендерный аспект.

Обнаружены значимые различия по седьмой шкале относительно вербальных антонимов обаятельный-непривлекательный и разговорчивый-молчаливый ($p \leq 0,05$, табл. 5), которые относятся к разным универсальным осям – «Оценка» и «Активность». Наиболее дифференцируется шкала обаятельный-непривлекательный – респонденты выбирающие изображение 7а характеризуются как обаятельные, в противоположность респондентам выбирающим символ 7б (табл. 5). Вместе с тем вербальные ассоциации добрый, мягкий, светлый, хороший на символ 7а и злой, деспотичный, жесткий, плохой, темный на символ 7б в большей степени относятся к шкале «Оценка». Кроме того изображения по шестой шкале в эксперименте В.Ф. Петренко [7] имеют наибольшую нагрузку по фактору «Оценка». Следовательно, данная шкала тяготеет к фактору «Оценка».

Три графические шкалы не имеют значимых различий и не обнаруживают чувствительности к полу и возрасту – 8, 9 и 12. Вербальные ассоциации 8 шкалы позволяют ее отнести к фактору «Активность» (активный, растущий, развивающийся, стремящийся – 7а; лежащий, пассивный -7б). Также к этому фактору можно отнести и 12 шкалу (замкнутый, закрытый, интроверт, самодостаточный, эгоистичный – 12а; общительный, жизнерадостный, щедрый, открытый, экстраверт – 12 б). Тогда как 9 шкала (у В.Ф. Петренко имеет наибольшую нагрузку по фактору «Активность») отражает по преимуществу размер: 9а – большой, 9б – маленький (табл. 1), что не позволяет ее отнести ни к какому фактору.

В то же время 10 шкала (была добавлена авторами настоящего исследования) невербального графического СД имеет взаимосвязь с возрастом (вариант 10а наиболее часто выбирается студентами, табл. 3), а также обнаруживает достаточное количество значимых различий

($p \leq 0,05$; табл. 5). Три различия выявлены по фактору «Оценка», три по фактору «Активность» и два по фактору «Сила», что делает сложным отнесение этой шкалы к какому-то определенному фактору. Вместе с тем В.Ф. Петренко [7] указывает, что данная шкала имеет наибольшую нагрузку по фактору «Сила». Анализ различий отражает тот факт, что респонденты, выбравшие вариант 10а характеризуются слабостью, молчаливы, безответственны, эгоистичны, пассивны, черствы, нерешительны, вялы, напротив, испытуемые отмечающие вариант 10 б отличаются силой, разговорчивостью, добросовестностью, добротой, деятельны, отзывчивы, решительны и энергичны (табл. 5). Тогда как по вербальным ассоциациям символ 10б характеризуется в противоположном направлении: незаметный, ничтожный, неуверенный, поломанный, слабый, беззащитный.

И последняя 11 шкала графического СД имеет различительную силу по одному вербальному континууму: испытуемые оценивающие себя по варианту 11б достоверно отличаются большим спокойствием, чем испытуемые оценивающие себя по варианту 11а ($p = 0,02$; табл. 5). Это позволяет отнести эту шкалу к фактору «Активности», что также совпадает с результатами В.Ф. Петренко [7], которые демонстрируют наибольшую нагрузку этой шкалы по фактору «Оценка» с включением компонентов экстравертированности.

Оценка надежности шкал невербального СД производилась посредством расщепления выбранных биполярных шкал на две эквивалентные по характеру части (в каждую половину вошли шесть биполярных шкал, относящихся к трем факторам ОСА, по два к каждому). Индексом для определения пригодности был выбран коэффициент г-Спирмена-Брауна, принимающий значения от 0 до 1, причем, чем ближе к 1, тем выше дискриминативность. Полученный коэффициент -Спирмена-Брауна $r = 0,46$ демонстрирует умеренную надежность методики в целом. Дискриминативность отдельных пунктов (табл. 6) предполагала вычисление индекса дискриминации (r_{pb}) – мера соответствия успешности выполнения одного задания всему тесту, который варьируется в диапазоне от -1 до +1, при этом высокий положительный коэффициент свидетельствует об эффективности деления испытуемых.

Таблица 6

Дискриминативность отдельных шкал невербального семантического дифференциала

№ шкалы	Буквенное обозначение	Оценка	Активность	Сила
Шкала 1	О	0,58		
Шкала 2	А		0,91	
Шкала 3	С			0,82
Шкала 4	С			0,5
Шкала 5	А		0,91	
Шкала 6	С			0,58
Шкала 7	О	0,41		
Шкала 8	А		0,41	
Шкала 9	А		0,41	
Шкала 10	С			0,55
Шкала 11	А		0,21	
Шкала 12	А		0,83	

Анализ индексов дискриминации отдельных пунктов свидетельствует о хорошей и высокой дискриминации большинства шкал, за исключением 11 биполярной шкалы дискриминативность которой равна 0,21 (табл. 6).

Выводы:

1. Таким образом, в результате психосемантического эксперимента было получено 12 биполярных невербальных символов, имеющих вербальные ассоциации, согласующиеся у более 50 % испытуемых.

2. Выделенные символы позволяют достоверно разделить испытуемых по трем универсальным факторам «Оценка», «Сила» и «Активность», (за исключением трех биполярных символов). Доминирующим фактором выступает фактор «Активность».

3. Определение надежности методики показало, наличие умеренной внутренней гомогенности методики (согласованность биполярных символов). Анализ индексов дискриминации отдельных биполярных шкал свидетельствует о хорошей и высокой дискриминации большинства пунктов. В этой связи можно говорить, что абстрактные визуальные образы могут выступать в качестве диагностических шкал, образующих устойчивую сетку отношений.

Список литературы:

1. Аксенова Ю.А. Символы мироустройства в сознании детей / Ю.А. Аксенова. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 272 с.
2. Артемьева Е.Ю. Изображение как инструмент измерения межличностных отношений / Е.Ю. Артемьева, Г.А. Ковалев, Н.В. Семилет // Вопросы психологии . – 1988. – № 6. – С. 120–124.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 3. – 416 с.
4. Бажин Е.Ф. Личностный дифференциал (методические рекомендации) / Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд – Л.: Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1983. – 14 с.
5. Буюкас Т.М. Опыт утверждения общечеловеческих ценностей – культурных символов – в индивидуальном сознании / Т.М. Буюкас, О.Г. Зевина // Вопр. психологии – 1997. – № 5. – С. 44–56.
6. Налимов В.В. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного / В.В. Налимов, Ж.А. Дрогалина. – М.: Мир идей; АО АКРОН, 1995. – 432 с.
7. Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с.
8. Семенова З.Ф. Психологические рисуночные тесты. Методика «Дом – Дерево – Человек» / З.Ф. Семенова, С.В. Семенова. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. – 190 с.
9. Серкин В.П. Структура и функции образа мира в практической деятельности : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.03 / Серкин Владимир Павлович ; Московский гос. ун-т. Им. Ломоносова. – М., 2005. – 48 с.
10. Символы. Знаки. Эмблемы / сост. В.М. Рошаль.– М.: Эксмо, 2005. – 576 с.
11. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К.Г. Юнг; пер. с англ. А.А. Спектор. – Мн.: Харвест, 2004. – 400 с.
12. Яньшин П.В. Психосемантика цвета / П.В. Яньшин. – СПб. : Речь, 2006. – 368 с.
13. Eliade M. Histoire des croyances et des idees religieuses: De l'age de la pierre aux mystere d'Eleusis [the Text] / M. Eliade. – Paris : Editions Payot, 1976. – 622 p.

РИСКОВАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ВЕДУЩАЯ ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Пузыревич Н.Л.

аспирантка БГПУ им. М. Танка, г. Минск

E-mail: psychologia86@mail.ru

Многочисленное обращение исследователей к проблеме рискованного поведения свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии единого, согласованного подхода к ее решению, а с другой стороны, – о наличии недостаточно изученных аспектов искомого феномена. Подобная ситуация обусловлена, прежде всего, динамикой социальных проблем, а также непрерывными преобразованиями, происходящими на уровне индивидуальных приоритетов, ценностей личности и современного общества.

В «Словаре практического психолога» С.Ю. Головина риск рассматривается как «ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха» [4]. Очевидно, что в центре внимания представленного определения – категория «неопределенности». Причем, именно неопределенность наряду с «непредсказуемостью жизненного пути, самоопределения и самореализации личности», считает У. Бек, наиболее точно характеризует современное «общество риска» [1]. Следует также отметить, что неопределенность, противоречивость прослеживается и в выборе стратегии осуществления и последствиях реализации рискованного поведения подростков, что обусловлено присущим подростковому возрасту переходом от относительной определенности, обеспечиваемой родителями, к неопределенности самостоятельной жизни.

Таким образом, риск является важной, неотъемлемой составляющей жизнедеятельности, как отдельной личности, так и общества в целом. Получается, что, осуществление рискованных действий и поступков способствует приобретению подростками положительного или отрицательного опыта по выбору стратегии поведения в современных ситуациях неопределенности, риска. Поэтому так важен дифференцированный подход к оценке их рискованного поведения, основанный на разграничении достоинств и недостатков его осуществления относительно ситуации, события и психологических особенностей конкретной личности. Однако вместо необходимой относительности в настоящее время все более заметной становится тенденция к абсолютизации знания о риске. Так, подростки

оценивают искомый феномен как исключительно положительный, рассматривая его как способ самопознания и самоутверждения, в то время как их оппоненты – те, кто уже давно преодолели возрастную границу 15 – 16 лет – как правило, абсолютизируют его негативную составляющую, рассматривая риск как источник опасности для жизни и здоровья, а рискованное поведение – как отличное от нормы и противопоставленное общественным традициям и ценностям. В результате такого противостояния подростки, несмотря на запреты и осуждение, продолжают рисковать, доказывая свою индивидуальность и уникальность, в то время как социально-психологические службы и общественные институты с неизменной настойчивостью продолжают разрабатывать программы по предупреждению рискованного поведения подростков, опираясь на собственное представление о его нецелесообразности. Однако можно ли абсолютно устранить из жизни личности то, что 1) положительно оценивается, имеет для нее какую-то значимость, 2) связано с ее интересами и потребностями, 3) согласуется с принципами, идеалами, установками и целями современного общества?

Принимая во внимание все вышеизложенное, целесообразно предположить, что рискованное поведение может рассматриваться как ценность. Подтверждение такому предположению находим в определении понятия «ценности». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова «ценность» рассматривается в контексте «важности», «значимости», «достоинства» [3]. Получается следующая краткая формулировка искомого понятия: ценность – это то, что имеет важность, значение. Однако в данной формулировке не содержится указания на того (тех), в чьем представлении определенная ценность обретает те самые важность и значение. Необходимое уточнение находим в «Большом энциклопедическом словаре»: «ценность – это положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерии и способы оценки этой значимости, выражены в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях» [2]. Несмотря на высокую информативность определения, очевидно, что оно не дает однозначного представления о том, о каких признаках ценности идет речь: 1) о ее положительной или отрицательной значимости; 2) о ее значимости для конкретного человека или социальной группы, общества в целом; 3) в каких нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях она реализуется.

Ответы на поставленные вопросы обнаруживаем в теории Ш. Шварца. Вероятно, это объясняется тем, что ученый предлагает принципиально новый подход к изучению ценностей, основанный на идеях гуманистической психологии и сочетающий в себе количественный и качественный анализ феномена риска. Кроме того, представленные Ш. Шварцем списки ценностей являются результатом кросс-культурных исследований, проведенных им сравнительно недавно (1992 г., 1994 г., 2005 г.) [5], что, в свою очередь, обуславливает тесную связь обозначенных ученым ценностей с реальной жизнью и проблемами современных подростков.

Феномен риска обозначается Ш. Шварцем как «риск-новизна» – «независимость мыслей и чувств личности, открытость для нового опыт и стремление жить полной событиями жизнью» [6]. Ключевыми признаками представленного определения выступают: независимость открытости для нового опыта. Принимая во внимание, что «ценности управляют выбором или оценкой людей поведения или событий» [6] и учитывая психологические особенности подросткового возраста, становится очевидной приоритетность рискованного («независимого») поведения молодежи.

В качестве ведущей предпосылки для формирования «независимого поведения» Ш. Шварц отмечает, что «люди повышают значимость ценностей, которые достижимы, и понижают те, которые мешают; исключение составляют «власть» и «безопасность»: когда такие ценности заблокированы, их значимость возрастает, когда они легко доступны – снижается» [6]. Следуя логике ученого, очевидным становится источник проблемы рискованного поведения в современном обществе: объективной категории «риска» не существует; есть лишь восприятие риска, являющееся продуктом социально обусловленного взгляда на мир [1].

Вероятно, этим объясняется вышеобозначенная проблема абсолютизации риска: подростки рассматривают ценности «власти» и «безопасности» как доступные, а потому постоянно находятся в поиске альтернативных моделей поведения, альтернативных источников приобретения жизненного опыта. В свою очередь, современное общество ориентируется на представление о том, что «власть» и «безопасность» – практически недопустимы для личности, что выражается в специфике запросов, предъявляемых к молодежи: высокие требования на работе, к семейным и социальным отношениям. Получается, что проявление силы, энергии, познавательной скорости и точности чувств, а также высокая требовательность к выбору собственного пути – это результат

следования молодежи постматериалистическим ценностям: риск-новизне, гедонизму, саморуководству и универсализму в ущерб ценностям безопасности, традиций и соответствия [5].

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что рискованное поведение является ведущей ценностью подростков не только по причине специфичности их возраста, но и потому, что риск – это ценность современного общества, обусловленная динамичностью происходящих в нем преобразований. Принимая во внимание, что, как отмечает Ш. Шварц, люди имеют тенденцию вести себя способами, которые уравнивают противостояние ценностей [6], перед современными социальными институтами стоит ответственная задача: переориентировать все процессы, связанные с риском, в конструктивное русло, в сторону предпочтения конструктивного рискованного поведения. Очевидно, это будет самая эффективная стратегия поведения, причем, имеющая самое непосредственное отношение к рассматриваемому нами феномену, так как именно в конструктивном рискованном поведении наиболее удачно объединены две альтернативы: риск как действие, направленное на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности, угрозой потери, неуспеха, с одной стороны, и риск как средство формирования гибкости поведения, развития творческого потенциала, индивидуализации и самоутверждения, с другой. Следование указанной стратегии поведения будет способствовать самореализации подростков, создаст предпосылки для их личностного роста и развития.

Список литературы:

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // Альманах THESIS. Риск. Неопределенность. Случайность. – 1994. – № 5. – С. 161 – 184.
2. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [URLhttp://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=bes&word=centost](http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=bes&word=centost). – (дата обращения 04.01.2010).
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2008. – 736 с.
4. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. – М.: Харвест, 2001. – С. 418.
5. Schwartz Shalom H. A Theory of Cultural Values and Some Implications for Work / Shalom H. Schwartz // Applied psychology: an international review. – 1999. – № 48 (1). – P. 23 – 47.

6. Schwartz Shalom H. Basic Human Values: An Overview / Shalom H. Schwartz // RISORSA UOMO. – 2007. – № 2. – P. 3 – 23.

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОСОЗНАНИЯ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ И ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Рубцова М.О.

К.п.н., доцент НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: for.mashi@gmail.com

Социальные перемены, экономические реалии сегодняшнего дня приводят к постепенному утверждению в общественном сознании новой системы ценностных ориентаций, отражающих стремление современного человека к лидерству, успеху доминированию и власти над другими и т.д.

Проблема ценностных ориентаций личности также все больше привлекает к себе внимание ученых, поскольку система личностных и общественных ценностей человека отражает его потребности и установки, влияющие на формирование целей, определение способов их достижения, построение отношения к окружающей действительности. В этой связи система ценностных ориентаций рассматривается как содержание смыслового компонента образа «Я», самосознания личности [4].

Нас заинтересовал вопрос выявления связи ценностных ориентаций и самосознания личности, поскольку ценности являясь внешними и внутренними нормативами поведения, достаточно полно могут характеризовать систему представлений человека о самом себе, следовательно, являться своеобразным «кодом доступа» к личности, возможности ее коррекции и совершенствования.

Можно сказать, что обозначенным нами психологическим феноменам посвящено немало работ, как в отечественной, так и зарубежной психологической науке. Значительный вклад в исследование ценностных ориентаций внесли: Е.К.Киприянова, Н.А. Кирилова, И.С. Кон, В.М. Кузнецов, А.Н. Леонтьев, А.В. Мудрик, В.Н. Мясцев, А.С. Шаров и другие.

Проблема самосознания в рамках отечественной психологии рассмотрена в трех аспектах:

- философско-методологические и историко-культурные аспекты самосознания, связанные с личностной ответственностью,

моральным выбором, моральным самосознанием (И.С. Кон, А.Г. Спиркин);

- общепсихологические аспекты становления самосознания в контексте проблемы развития личности (Л.И. Божович, И.И. Чеснокова, С.Л.Рубинштейн);

- социально-перцептивные аспекты самосознания, связанные с особенностями самооенок, их взаимосвязью с оценками окружающих, с самосознанием и познанием других людей (А.В. Захарова, А.И. Липкина, В.В.Столин).

Поскольку личность представляет собой динамическую систему, находящуюся в состоянии непрерывного изменения и развития, большое значение приобретают ее внутренние движущие силы, позволяющие человеку все более самостоятельно определять задачи и направление собственного развития. Система ценностных ориентаций личности как раз и выступает в качестве регулятора и механизма такого развития, определяя форму реализации намеченных целей и при утрате ими побудительной силы в результате их достижения стимулируя постановку новых значимых целей [5].

Наибольшее влияние на формирование системы ценностей личности оказывает семья. Родительская семья выступает в качестве важнейшего источника критериев оценки, лежащих в основе формирования ценностных представлений на протяжении всей жизни человека [2].

Степень принятия личностью групповых ценностей и их интериоризация также зависит от свойств ее индивидуальности: особенностей самоотношения, самооценки, акцентирования тех или иных черт характера, типа высшей нервной деятельности, которые определяют общую стратегию взаимодействия индивида с социальной средой и ее мотивацию.

Совокупность внутренних (индивидуальных свойств) и внешних факторов (особенности социокультурной среды), определяют условия формирования системы ценностных ориентаций личности, которая всегда реализуется в той или иной ее деятельности. Так игровая, учебная и трудовая деятельность, последовательно сменяя друг друга на протяжении онтогенеза, безусловно, отражают ценностные ориентиры личности.

Помимо семейного воспитания, воздействия общего и профессионального обучения, средств массовой информации, на развитие системы ценностей личности могут оказывать влияние такие формы целенаправленного психологического воздействия как психотерапия и психологическая коррекция. По определению С. Ледера и

Т.Высокинской-Гонсер, основной целью психотерапии собственно и является достижение изменений в ценностных установках [цит. по: 7]. Такая позиция, направленная на коррекцию ценностной сферы личности, априорно предполагает наличие нарушений (или изменений) системы ценностных ориентации при различных расстройствах, лежащих в основе обращения за психотерапевтической помощью.

На разных возрастных этапах те или иные аспекты развития системы ценностных ориентации личности выходят на первый план. Так предпосылки для начала реального выполнения системой ценностных ориентаций всех своих регулятивных функций окончательно складываются лишь к юношескому возрасту. Как пишет Л.И. Божович, «только в юношеском возрасте моральное мировоззрение начинает представлять собой такую устойчивую систему нравственных идеалов и принципов, которая становится постоянно действующим побудителем, опосредствующем все их поведение, деятельность, отношение к окружающей действительности и к самому себе» [цит. по 6, с.21]. В этой связи юношеский возраст является решающим в плане формирования ценностной системы личности, поскольку связан не только с бурным интеллектуальным развитием личности и ее профессиональной подготовкой, но, прежде всего, с социальным и личностным самоопределением.

Однако динамическая система ценностных ориентаций не останавливается на этом в своем развитии. Период взрослости характеризуется осуществлением намеченных ранее жизненных целей и планов, а также их корректировкой при затруднениях в достижении. В этом возрастном этапе человек создает собственную семью, реализует себя в профессиональной деятельности, карьере, общественной жизни. Особое место при этом занимают вопросы максимальной реализации собственных возможностей, личностного роста, саморазвития.

Р. Коген в своей теории развивающегося «Я» делает акцент на развитии ценностно-смысловой сферы личности именно в период взрослости. По его мнению, человек продолжает структурировать и реструктурировать свое понимание мира далеко перешагнув тридцатилетний рубеж. В качестве механизма такого развития автор выделяет, прежде всего, продолжающееся развитие смысловых систем, служащих источниками поведения личности [цит. по 3].

Подводя итог теоретическому анализу проблемы нашего исследования можно сформулировать некоторые выводы:

- содержание ценностных ориентаций обусловлено реальными общественными отношениями, в которые включена личность в процессе своей жизнедеятельности;

- ценностные ориентации личности, связывающие ее внутренний мир с окружающей действительностью, образуют сложную многоуровневую иерархическую систему. Система ценностных ориентации является одним из важнейших компонентов структуры личности, представляет собой отражение мотивационно-потребностной сферы, системы личностных смыслов, следовательно, может рассматриваться как содержательная сторона самосознания личности;

- система ценностных ориентаций личности не остается неизменной на протяжении всей жизни человека, период юношества можно определить как ключевой в становлении этой системы, а период зрелости как этап критичной оценки достигнутого.

Экспериментальное исследование проводилось нами в период с 2008 по 2009 год на базе Сибирского Государственного Университета Путей Сообщения. В исследовании приняли участие тридцать человек возрастной категории 30-40 лет (работники железной дороги, проходившие курсы повышения профессиональной подготовки) и тридцать человек возрастной категории 18-23 лет (студенты дневного отделения). Выборка испытуемых подобрана нами в рамках одной профессиональной среды, чтобы в большей степени выявить влияние возрастной переменной на становление самосознания и системы ценностных ориентаций личности.

Диагностика самосознания и ценностных ориентаций личности осуществлялась следующим набором методик: методика Ш.Шварца для изучения ценностей личности (адаптирована Карандашевым В.Н.), тест смысложизненных ориентаций» Д.А.Леонтьева, тест-опросник самоотношения В.В. Столина, С.Р.Пантелеева.

Так в группе испытуемых юношеского возраста достоверно выше оказались следующие показатели самосознания: интегральная шкала (Uэмп = 210 при $p \leq 0,001$), самоуважение (Uэмп = 193,5 при $p \leq 0,001$), аутосимпатия (Uэмп = 571,5 при $p \leq 0,001$), самоуверенность (Uэмп = 270,5 при $p \leq 0,05$); самопринятие (Uэмп = 246,5 при $p \leq 0,05$).

А в группе испытуемых периода взрослости достоверно выше были следующие показатели самосознания: ожидание положительного отношения других (Uэмп = 14 при $p \leq 0,001$), самоинтерес (Uэмп = 74 при $p \leq 0,001$), ожидание отношения других (Uэмп = 57 при $p \leq 0,001$). Эти результаты, на наш взгляд, могут свидетельствовать о том, что

показатели самосознания на разных этапах онтогенеза действительно достоверно различные и не имеют однозначно прямой тенденции развития. Так уровень самоуважения и аутосимпатии в более возрастной группе оказался ниже, что можно объяснить большим жизненным опытом и его неоднозначно положительной оценкой. В этой связи высокие показатели шкал ожидания отношения других и положительное отношение других можно интерпретировать как потребность в признании, одобрении, понимании со стороны окружающих. Большая выраженность шкалы самоинтерес возможно связана с готовностью зрелой личности прислушиваться к своим подлинным желаниям, обусловленным собственными потребностями, а не социальными стандартами.

В группе испытуемых юношеского возраста высокие значения шкал самоуважения, самоуверенности, самопринятия, на наш взгляд, могут свидетельствовать о значимости на данном возрастном этапе положительного отношения к себе. Возможно, что целостное представление о своем Я, которое складывается к концу данного возрастного периода, дает личности представление о векторе своего дальнейшего развития, что и переживается ею как чувство внутренней согласованности (высокие показатели аутосимпатии и интегральной шкалы).

Достоверные различия между группами были получены нами и по ценностным ориентациям. Так в группе испытуемых юношеского возраста достоверно выше оказались следующие ценности: самостоятельность ($U_{эмп} = 277$ при $p \leq 0,05$), власть ($U_{эмп} = 194$ при $p \leq 0,001$), гедонизм ($U_{эмп} = 291$ при $p \leq 0,001$). А в группе испытуемых периода взрослости достоверно выше оказались ценности: универсализм ($U_{эмп} = 123$ при $p \leq 0,001$), безопасность ($U_{эмп} = 283$ при $p \leq 0,05$), доброта ($U_{эмп} = 114$ при $p \leq 0,001$), конформность ($U_{эмп} = 163$ при $p \leq 0,001$), традиции ($U_{эмп} = 105$ при $p \leq 0,001$), локус контроль-жизнь ($U_{эмп} = 268$ при $p \leq 0,001$).

Потребность юношества в самостоятельности может быть продиктована желанием освободиться от опеки взрослых, получить возможность самому принимать серьезные решения. В этой связи выраженность ценности власть, на наш взгляд, говорит о потребности взять функции управления собственной жизнью на себя, реализации права наградить себя (гедонизм). Людям более зрелого возраста в большей степени характерна потребность в стабильности, упорядоченности (безопасность, традиции), поскольку это дает ощущение управляемости, контроля собственной жизни, жизни своей семьи. Отсюда и большая терпимость к окружающим, готовность

принять отличную от своей позицию, идти на компромисс (универсализм, доброта, конформность).

Следующим этапом нашего исследования стала процедура корреляционного анализа между шкалами ценностных ориентаций и самосознания. В группе испытуемых юношеского возраста нами были получены достоверные на уровне 5% и 1% связи. Прямая связь между шкалами: самоуважение и результат, самоинтерес и самостоятельность, самопринятие и власть, самообвинение и ЛК-Жизнь, самопонимание и доброта. Обратная связь между шкалами: самоуважение и цели, самоуверенность и самостоятельность, самопринятие и конформность, традиции.

Юношеству свойственна ориентация на получение результата, достижение, поскольку она высвечивает «реальную стоимость» личности, и в борьбе за получение места «под солнцем» позволяет оценить самого себя. Представление молодого человека об управляемости и контроле собственной жизни наталкивается на претензии и критику в собственный адрес. И чем больше молодой человек понимает самого себя, тем терпимее воспринимает окружающих. В целом выявленные взаимосвязи отражают активный, целенаправленный характер развития данного возрастного этапа.

В возрастной группе 30-40 лет прямая достоверная на уровне 5% и 1% связь была выявлена между шкалами: аутосимпатия и универсализм, ЛК-Жизнь, ожидание отношения других и ЛК-Я, самообвинение и власть. Видимо, чем шире возможности личности «договориться» с окружающими на работе, в семье, тем больше ощущение внутренней согласованности своего Я, управляемости собственной жизнью. Можно предположить, что зрелый человек в большей степени ориентируется на понимание окружающих, их оценку, и бремя ответственности «за других» нередко глубоко переживает.

Обратная достоверная на уровне 5% и 1% связь между шкалами: самоуважение и конформность, самоинтерес и универсализм, самостоятельность. Необходимость «сглаживать» углы, находить компромисс в достижении цели и взаимоотношениях с окружающими порой требует поступиться собственными личными интересами и желаниями, что снижает чувство собственной ценности, но повышает ожидание признания со стороны других. Общий характер полученных взаимосвязей можно описать как уравновешенный и гибкий.

Таким образом, подводя итог нашего экспериментального исследования можно отметить следующее: ценностные ориентации и

показатели самоотношения в период юношеского и зрелого возраста различны, следовательно говорить о универсальном наборе ценностных ориентиров, установок относительно своего Я и их возрастном увеличении в прямой прогрессии не приходится. Напротив, мы имеем на каждом возрастном этапе своеобразное смысловое единство между переживанием своего Я и его воплощением в наборе внешних и внутренних регуляторов поведения. Этот баланс позволяет решать задачи возрастного этапа, отражает характер взаимодействия личности с собой и окружающим социумом. Соответственно в вопросах возможной психологической помощи и коррекции нужно всегда учитывать взаимосвязанность ценностных ориентиров и показателей самоотношения личности, ее динамический возрастной аспект.

Список литературы:

1. Алексеева В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал – 1994. Т.5. – №5.
2. Васина Е.А. Ценностные ориентации личности в юношеском возрасте. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. пс. н. – СПб, 1993. – 18 с.
3. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации. // Социологические исследования. – 2000. № 12.
4. Диянова З.В., Щеголева Т.М. Самосознание личности. – Иркутск, 1998.
5. Жуков Ю.М. Ценности как детерминанты принятия решений // Психолог. проблемы социальной регуляции поведения. Отв. ред. Е.В.Шорохова, М.И.Бобнева. – М., 2000.
6. Фельдштейн Д.И. Психология взросления. – М., 1999.
7. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000.

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Степанов И. С.

Аспирант, НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: stepanovis@gmail.com

В настоящее время исследования феномена эмоционального интеллекта являются одним из самых актуальных направлений в психологической науке. Данный конструкт изучается в связи с тем, что многие ученые, а также специалисты-практики, работающие над повышением эффективности коммуникативной составляющей деятельности руководителей, считают эмоциональный интеллект основой социальной успешности личности [4; 14; 15].

Кроме того, исследователи отмечают, что развитие эмоциональной сферы личности, производимое с самого раннего, дошкольного возраста, может стать одним из факторов, определяющих успешное становление личности [8]. Таким образом, при подготовке специалистов в процессе получения ими высшего образования, и детей при школьном и дошкольном образовании, необходимо особое внимание уделить формированию эмоционального интеллекта как основы будущей успешности.

На сегодняшний день эмоциональный интеллект описывают несколько теорий: теория эмоционально-интеллектуальных способностей Д. Майера, П. Сэловея, Д. Карузо [16]; некогнитивная теория эмоционального интеллекта Р. Бар-Она [14]; теория эмоциональной компетентности Д. Гоулмена [4; 15]; двухкомпонентная теория эмоционального интеллекта Д. Люсина [9]. При этом, не смотря на то, что все исследователи называют исследуемый ими конструкт «эмоциональным интеллектом» их мнения по поводу психологической сущности исследуемого феномена расходятся.

Первой публикацией на тему эмоционального интеллекта стала работа П. Саловея и Д. Мэйера [16]. Авторы определили эмоциональный интеллект как способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях: определять значение эмоций, их связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве основы мышления и принятия решений.

Анализ способностей, связанных с переработкой эмоциональной информации, позволил П. Сэловею и Ю. Мэйеру выделить четыре компонента изучаемого феномена: идентификация эмоций, использование эмоций для повышения эффективности мышления и

деятельности, понимание эмоций и управление эмоциями. Эти компоненты выстраиваются в иерархию, уровни которой, осваиваются в онтогенезе последовательно. Важно отметить, что каждый компонент касается как собственных эмоций личности, так и эмоций других людей [17].

Концепция эмоционального интеллекта Д. Гоулмана была основана на ранних идеях П. Сэловея и Ю. Мэйера, с рядом дополнений [15]. Значение исследования Д. Гоулмана, заключалось в том, что автор доказал наличие связи между эмоциональным интеллектом и социальным успехом, обосновав, таким образом, «ценность» конструкта «эмоциональный интеллект». Д. Гоулман, Р. Бояцис и Э. Макки выделяют два типа навыков, присущих людям, обладающим высоким эмоциональным интеллектом: личные навыки (способности, определяющие, как управлять собой) и социальные навыки (способности, определяющие, как управлять отношениями с людьми) [4].

Эти навыки содержат в себе по две компоненты и по несколько субкомпонент соответственно.

Авторы выделяют следующие составляющие эмоционального интеллекта и связанные с ними личные и социальные навыки:

1) личные навыки, которые определяют, как мы управляем собой. К ним авторы относят самосознание, в котором выделяют эмоциональное самосознание (анализ собственных эмоций и осознание их воздействия на нас; использование интуиции при принятии решений), точную самооценку (понимание собственных сильных сторон и пределов своих возможностей), уверенность в себе (чувство собственного достоинства и адекватная оценка своей одаренности). Также к личностным навыкам авторы относят самоконтроль, в котором выделяют обуздание эмоций (умение контролировать разрушительные эмоции и импульсы), открытость (проявление честности и прямоты; надежность), адаптивность (гибкое приспособление к меняющейся ситуации и преодоление препятствий), волю к победе (настойчивое желание улучшать производительность ради соответствия внутренним стандартам качества), инициативность (готовность к активным действиям и умение не упускать возможности), оптимизм (умение позитивно смотреть на вещи);

2) социальные навыки, которые определяют, как мы управляем нашими отношениями с людьми. К социальным навыкам авторы относят социальную чуткость, включающую в себя сопереживание (умение прислушиваться к чувствам других людей, понимание их позиции и активное проявление участливого отношения

к их проблемам), деловую осведомленность (понимание текущих событий, иерархии ответственности и политики на организационном уровне), предупредительность (способность признавать и удовлетворять потребности подчиненных, клиентов или покупателей). Также к социальным навыкам они относят управление отношениями, включающее воодушевление (умение вести за собой, рисуя захватывающую картину будущего), влияние (владение рядом тактик убеждения), помощь в самосовершенствовании (поощрение развития способностей других людей с помощью отзывов и наставлений), содействие изменениям (способность инициировать преобразования, совершенствовать методы управления и вести работников в новом направлении), урегулирование конфликтов (разрешение разногласий), укрепление личных взаимоотношений (культивация и поддержание сети социальных связей), командную работу и сотрудничество (взаимодействие с другими работниками и создание команды) [13].

Кроме того Д. Гоулман выделил семь компонентов эмоционального интеллектуального поведения: самосознание, самомотивацию, стойкость при наличии неблагоприятных обстоятельств, контроль побуждений, регуляцию настроения, эмпатию и оптимизм. Помимо понятия «эмоциональный интеллект» Д. Гоулман использовал также понятие «эмоциональная компетентность», введенное К. Саарни; эмоциональная компетентность включает в себя *личную компетентность* (управление собой – понимание себя, саморегуляция и мотивация [3]) и *социальную компетентность* (в установлении взаимоотношений – эмпатия и социальные навыки). Однако раскрытие содержания каждой составляющей эмоциональной компетентности заставляет сильно усомниться в том, какая компетентность рассматривается автором – эмоциональная или какая-то другая. Так, в состав личной компетентности автор включил понимание себя (знание предпочтений, ресурсов и интуиции), адекватную самооценку (знание собственных сил), уверенность в себе, приверженность нормам чести и честности, мотив достижения, среди которых собственно эмоциональные проявления просто затерялись.

Р. Бар-Он дает очень широкую трактовку понятия эмоциональный интеллект [14]. Автор определяет эмоциональный интеллект как все некогнитивные способности, знания и компетентность, дающие человеку возможность успешно справляться с различными жизненными ситуациями [13]. Р. Бар-Он выделил пять сфер компетентности, которые можно отождествить с пятью компонентами эмоционального интеллекта; каждый из этих компонентов состоит из нескольких субкомпонентов [9]: познание

себя (осознание своих эмоций, уверенность в себе, самоуважение, самоактуализация, независимость), навыки межличностного общения (эмпатия, межличностные взаимоотношения, социальная ответственность), способность к адаптации (решение проблем, связь с реальностью, гибкость), управление стрессовыми ситуациями (устойчивость к стрессу, контроль за импульсивностью), преобладающее настроение (счастье, оптимизм).

В отечественной психологии наиболее известна концепция эмоционального интеллекта, разработанная и предложенная Д. Люсиным [9]. Первоначально автор описал эмоциональный интеллект как способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [10]. В дальнейшем автор уточнил, что имеется в виду под способностью к пониманию и управлению эмоциями [9]. Способность к пониманию эмоций означает, что человек может распознать эмоцию, то есть установить сам факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека; может идентифицировать эмоцию, то есть установить, какую именно эмоцию испытывает он сам или другой человек, и найти для нее словесное выражение; понимает причины, вызвавшие данную эмоцию, и следствия, к которым она приведет. Способность к управлению эмоциями означает, что человек может контролировать интенсивность эмоций, прежде всего, приглушать чрезмерно сильные эмоции; может контролировать внешнее выражение эмоций; может при необходимости произвольно вызвать ту или иную эмоцию.

Д. Люсин указывает, что и способность к пониманию, и способность к управлению эмоциями может быть направлена и на собственные эмоции, и на эмоции других людей. Автор вводит два новых понятия: внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект, что отчасти пересекается с теорией Д. Гоулмана о личностных навыках (способностях определяющих, как управлять собой) и социальных навыках (способностях определяющих, как управлять отношениями с людьми) [4]. При этом, если Д. Гоулман строит свою теорию как смешанную и включающую: когнитивные, личностные и мотивационные черты личности, то Д. Люсин отмечает, что способность к пониманию эмоций и управлению ими очень тесно связана с общей направленностью личности на эмоциональную сферу, то есть с интересом к внутреннему миру людей (в том числе и к своему собственному), склонностью к психологическому анализу поведения, с ценностями, приписываемыми эмоциональным переживаниям. Поэтому эмоциональный интеллект можно представить как конструкт, имеющий двойственную природу и

связанный, с одной стороны, с когнитивными способностями, а с другой стороны – с личностными характеристиками. Предлагаемая автором модель эмоционального интеллекта принципиально отличается от других моделей тем, что в конструктор не вводятся личностные характеристики, которые являются коррелятами способности к пониманию и управлению эмоциями. Допускается введение только таких личностных характеристик, которые более или менее прямо влияют на уровень и индивидуальные особенности эмоционального интеллекта [9].

Таким образом, несмотря на многочисленные работы, посвященные изучению эмоционального интеллекта [4; 7; 9–10; 13–17], он остается не изученным в достаточной степени, что и обуславливает актуальность нашего исследования.

Объектом исследования является эмоциональный интеллект личности. Предмет исследования – психологические факторы становления эмоционального интеллекта.

Целью нашего исследования является выявление факторов становления эмоционального интеллекта лиц, занимающихся управленческой деятельностью.

Мы предполагаем, что существуют личностные и инструментальные факторы становления эмоционального интеллекта.

Выборка: менеджеры-управленцы – 104 человек (экспериментальная группа), рядовые сотрудники, не являющиеся управленцами – 101 человек (контрольная группа).

В основе нашего исследования психологических факторов становления эмоционального интеллекта положено определение эмоционального интеллекта Д. Гоулмана [4]. Поскольку, согласно его представлениям, эмоциональный интеллект включает в себя целый комплекс личностных составляющих, то для проведения исследования на основе его концепции мы взяли методику оценки «Эмоционального интеллекта» Н. Холла, что позволило исследовать эмоциональный интеллект, Висбаденский личностный опросник (Н. Пезешкиан), что позволило исследовать как личностные составляющие эмоционального интеллекта, так и межличностные, методику С. Дембо-Рубинштейна «Уровень самооценки» – как инструмент исследования личностной компоненты эмоционального интеллекта. Так как все межличностные компоненты эмоционального интеллекта входят как составляющие в конструктор лидерства по определению Л. Собчик, то для их исследования мы взяли опросник СМИЛ, шкалу «Лидерство», Л. Собчик. Проведенный нами анализ работ по лидерству [2; 4] показал, что одним из факторов, определяющих его степень выраженности,

является гендерная принадлежность человека, что обусловило использование в нашей работе методики С. Бем «Опросник на определение уровня маскулинности\феминности». Таким образом, эксперимент был проведен с использованием следующих методик: методика оценки «Эмоционального интеллекта» Н. Холла, Висбаденский личностный опросник (Н. Пезешкиан), методика С. Дембо-Рубинштейна «Уровень самооценки», методика С. Бем «Опросник на определение уровня маскулинности\феминности» [1], СМИЛ (шкала «Лидерство») Л. Собчик. Результаты экспериментального исследования были подвергнуты: корреляционному анализу, факторному анализу и сравнительному анализу. Корреляционный анализ показал, что интегративный уровень эмоционального интеллекта имеет корреляционные взаимосвязи с высокой значимостью с целым рядом исследованных параметров:

- честностью-прямотой (под этим понятием Н. Пезешкиан подразумевает открытое высказывание своего мнения, без обращения внимания на возможные влияния окружающей среды);

- контактами (под этим понятием Н. Пезешкиан подразумевает способность посвящать себя другим людям, поиск общения, связь, близость, привязанность, отношения);

- доверием (по мнению Н. Пезешкиана, доверие — это позитивная установка по отношению к отдельным способам поведения, которыми обладает человек или которые от него ожидаются.);

- интуиция – творческое решение проблем (под этим понятием Н. Пезешкиан подразумевает интуитивное суждение, вдохновение, творчество как средство решения проблем);

- уровень притязаний;

- уровень самооценки;

- маскулинность;

- лидерство (лидерство, по Л. Собчик, – это стремление к власти, мотивация достижения, желание повести за собой людей [12]).

Нами также рассматривались следующие параметры: телесные ощущения, сексуальность – нежность, деятельность, контакты в проблемных ситуациях.

Под понятием телесные ощущения Н. Пезешкиан подразумевает, что на первом плане стоит ощущение тела – Я.

Под понятием сексуальность и нежность Н. Пезешкиан понимает отношение к физическому контакту.

Под понятием деятельность Н. Пезешкиан подразумевал влияние проблем на деятельность, включенную в концепцию Я.

Под понятием контакты в проблемной ситуации Н. Пезешкиан подразумевал способность устанавливать и поддерживать отношения при возникновении проблем.

На высоком уровне статистической значимости обнаружено, что существуют корреляционные взаимосвязи между интегральным уровнем эмоционального интеллекта и честностью, доверием, интуицией, маскулинностью и лидерством. Направление связи положительное, сила связи умеренная. Кроме того, обнаружены значимые взаимосвязи между интегральным уровнем эмоционального интеллекта и контактами и самооценкой. Направление связи положительное, сила связи слабая. Также, на высоком уровне статистической значимости обнаружены корреляции между компонентами эмоционального интеллекта, интегральным уровнем эмоционального интеллекта и эмоциональной осведомленностью, управлением своими эмоциями, самомотивацией, эмпатией и распознаванием эмоций других людей. Направление связи положительное, сила связи между интегральным уровнем эмоционального интеллекта и эмоциональной осведомленностью и управлением своими эмоциями умеренная, между интегральным уровнем эмоционального интеллекта и эмпатией, самомотивацией и распознаванием эмоций других людей корреляционная связь сильная. Кроме того, практически между всеми параметрами эмоционального интеллекта наблюдаются значимые корреляции, что позволяет говорить о том, различные шкалы в тесте Н. Холла на исследование эмоционального интеллекта исследуют один и тот же объект, но с разных сторон. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать параметр «интегративный уровень эмоционального интеллекта» как синоним уровня развития эмоционального интеллекта, т.к. он наиболее полно отражает данное понятие.

Результаты корреляционного анализа дают возможность сделать предварительные выводы о том, что эмоциональный интеллект является сложным психологическим феноменом. Становление эмоционального интеллекта может быть связано с несколькими факторами, как инструментальными, так и личностными. Более точные выводы о структуре эмоционального интеллекта позволит сделать факторный анализ.

Факторный анализ, сделанный для всей группы респондентов при помощи метода главных компонент с нормализацией по Кайзеру, позволил объяснить семьдесят три процента дисперсии и выделить пять факторов:

- фактор 1. Его положительный полюс определяется положительными полюсами переменных: «управление своими эмоциями», «самотивация», «интегративный уровень эмоционального интеллекта», «лидерство». Отрицательный фактор данного полюса определяется противоположенными полюсами указанных переменных: «не умение управлять своими эмоциями», «отсутствие самотивации», «низкий уровень интегративного эмоционального интеллекта», «одиночка, отчужденный». Данный фактор можно назвать фактором «эмоционального интеллекта».
- фактор 2. Его положительный полюс определяется положительными полюсами переменных: «интуиция, творческое решение проблем», «честность», «эмоциональная осведомленность», «лидерство». Отрицательный фактор данного полюса определяется противоположенными полюсами указанных переменных: «погружение в негативные (продуцирующие проблемы) мысли и концепции в самовоспитании как способ решения проблем», «неискренность, скрытность, ложь, замкнутость», «непонимание значимости эмоций», «одиночка, отчужденный». Данный фактор, можно назвать «лидерством, основанным на принципах».
- фактор 3. Его положительный полюс определяется положительными полюсами переменных: «эмпатия», «распознавание эмоций других людей», «уровень феминности». Отрицательный фактор данного полюса определяется противоположенными полюсами указанных переменных: «не чувствительность к переживаниям другого», «не умение распознавать эмоции другого», «жесткость, холодность». Данный фактор, можно назвать фактором «феминность».
- фактор 4. Его положительный полюс определяется положительными полюсами переменных: «контакты» и «доверие». Отрицательный фактор данного полюса определяется противоположенными полюсами указанных переменных: «застенчивость, робость, скромность, стесненность, неуверенность, напряженность» и «недоверие, подозрительность, подозрение, подчинение, ревность, комплекс неполноценности, недоверие к себе». Данный фактор, можно назвать фактором «открытость».
- фактор 5. Его положительный полюс определяется положительными полюсами переменных: «самооценка» и «уровень маскулинности». Отрицательный фактор данного полюса

определяется противоположенными полюсами указанных переменных: «низкая самооценка, неуверенность в себе» и «слабость, мягкость». Данный фактор, можно назвать фактором «маскулинности».

Таким образом, мы обнаружили, что факторами становления эмоционального интеллекта являются пять факторов: «эмоциональный интеллект», «лидерства, основанного на принципах», «открытости», «феминности» и «маскулинности».

Сделанный анализ позволил уточнить определение эмоционального интеллекта как системно-функционального свойства личности, обеспечивающего его социальную успешность. Кроме того, эмоциональный интеллект имеет ярко выраженные гендерные особенности, высокий уровень развития эмоционального интеллекта связан с маскулинностью.

Список литературы:

1. Бем, С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Л. Бем. – М. : РОССПЭН, 2004. – 336 с.
2. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. – СПб. : Питер, 2006. – 431 с.
3. Богачева, Т. Г. Что такое компетентность / Т. Г. Богачева // Философия образования. – 2008. – № 2.
4. Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Г. Бояцис, Э. Макки. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 301 с.
5. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 544 с.
6. Казанцева, О. А. Индивидуально-типические особенности ответственности личности студентов : автореф. дисс. ... канд. психол. наук / Казанцева О. А. – Новосибирск, 2008. – 22 с.
7. Карпов, А. В. Проблема эмоционального интеллекта в парадигме современного метакогнитивизма / А. В. Карпов, А. С. Петровская // Вестник интегративной психологии. – 2006. – № 4.
8. Лебедева, Ю. В. Воспитание эмоциональной отзывчивости как средство предупреждения отклоняющегося поведения / Ю.В. Лебедева // Философия образования. – 2008. – № 2.
9. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования : сб. науч. статей. – М. : Институт психологии РАН, 2004.
10. Люсин, Д. В. Способность к пониманию эмоций: психометрический и когнитивный аспекты / Д. В. Люсин ; под ред. Г. А. Емельянов //

- Социальное познание в эпоху быстрых политических и экономических перемен. – М. : Смысл, 2000.
11. Словарь гендерных терминов. – М., 2002.
 12. Собчик, Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики / Л. Н. Собчик. – СПб. : Речь, 2005. – 624 с.
 13. Стернберг, Р. Дж. Практический интеллект / Р. Дж. Стендджер и др. – СПб. : Питер, 2002.
 14. Bar-On, R. The Bar-On Emotional Quotient Inventory (EQ-i): Technical Manual. – Toronto : Multi-Health Systems, 1997.
 15. Goleman, D. Emotional intelligence / D. Goleman. – New York : Bantam Books, 1995.
 16. Mayer, J. D. Emotional Intelligence meets traditional standards for an intelligence / J. D. Mayer, D. R. P. Caruso Salovey // Intelligence. – 1999. – V. 27. – P. 267–298.
 17. Mayer J. D. Emotional intelligence as a standard intelligence / J. D. Mayer, P. Salovey, D. R. Caruso, G. Sitarenios // Emotion. – 2001. – V. 1. – P. 232-242.

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНО-ЛИЧНОСТНОГО СТАТУСА СОТРУДНИКОВ ОМОН

Струкова М.А.

Аспирант ГАУГН ИП РАН г. Москва

E-mail: moipisma@hotmail.ru

Вклад субъектных факторов в предотвращение психической травматизации и минимизацию тяжести ее последствий, безусловно, велик. Что касается субъектно-личностных особенностей, снижающих риск развития посттравматического стрессового состояния, то достоверно установлена позитивная роль только интернальной локализации субъективного контроля, низкого уровня личностной тревожности и нейротизма [2]. Этот факт, однако, хорошо согласуется с данными других зарубежных исследований [6]. Участие в боевых операциях по силе своего воздействия и характеру проявления негативных последствий относится к числу наиболее тяжелых стрессоров. Война требует от людей действий по правилам боевой обстановки и жизнь человека в военной ситуации приобретает совершенно особую значимость. После возвращения из зоны боевых действий субъекту приходится заново воссоздавать, с учетом травматического опыта, целостную систему ментальных репрезентаций, корректировать систему восприятий и

самовосприятий, восстанавливать утраченные смыслы [2,5,1]. В результате индивиду с серьезными посттравматическими психологическими проблемами требуется много усилий по контролю над травмой, что отражается на успешности его функционирования, в том числе и в профессиональной сфере [4].

В настоящее время нами проводится психологическое исследование с участием спецподразделений ОМОН Ставропольского края. В исследовании субъектно – личностных качеств (до участия в спецоперациях и приобретения травматического опыта) принял участие 31 сотрудник ОМОНа, причем обследование на этом этапе будет продолжаться. Обследуемые – сотрудники 1 года службы. Средний возраст на данный момент – 24,4 года.

В исследовании применялась шкала оценки влияния травматического события ШОВТС (Impact of Event Scale-R-IES-R) Горовица. Шкала получила распространение в нашей стране в начале 1990-х гг. С помощью неё были изучены психологические последствия аварии на ЧАЭС. Ряд исследований проведён на ветеранах войны в Афганистане[3]. С помощью шкалы Горовица можно выявить преобладание тенденции избегания или вторжения (навязчивого воспроизведения) травматического события. Для полного оценивания реагирования на травматические события анализируется характер реакции в области симптомов гипервозбуждения. Результаты статистического анализа показали, что преобладающей реакцией на травматические события у сотрудников ОМОН является реакция избегания $M=5,23$; $SD=5,75$ [7].

Можно с уверенностью утверждать, что у сотрудников учебной части ОМОН преобладает реакция избегания травматического события, включающая попытки смягчения или избегания переживаний, связанных с травматическим эпизодом, а также снижение реактивности.

Наряду с методикой ШОВТС для исследования субъектно-личностных качеств применялся опросник для диагностики уровня локализации субъективного контроля Роттера–Бажина (УСК) и адаптированный вариант методики Айзенка ЕРІ.

Результаты статистического анализа локализации субъективного контроля у сотрудников ОМОН показали, что уровень интернальности оказался самым высоким по шкале «интернальность в области достижений». Вместе с тем мы получили низкие показатели по шкалам: «интернальность в области неудач» и «интернальность в отношении здоровья и болезни».

Таблица 1. Показатели средних значений сотрудников ОМОН по методике УСК Роттера-Бажина и методики Айзенка ЕРІ).

Шкалы	М	SD
УСК	N=31	
1.ИО	38,33	17,25
2.ИД	16,20	6,30
3.ИН	5,43	6,91
4.ИС	5,70	7,72
5.ИП	11,67	8,81
6.ИМ	5,23	3,56
7.ИЗ	2,20	2,95
Методика ЕРІ		
шкала психотизма	3,97	2,19
шкала экставерсии-интраверсии	16,90	2,68
шкала нейротизма	5,20	2,68
шкала искренности	14,00	4,21

Обозначения: М-среднее значение, SD-стандартное отклонение.

Таким образом, на основании данных, по методике УСК мы можем предположить, что большинство важных событий в жизни сотрудников МВД - результат их собственных действий и этими событиями можно управлять. Они чувствуют ответственность за то, как складывается их жизнь в целом. Силовики ОМОНа считают, что сами добились всего, что было и есть в их жизни и они способны с успехом добиваться своего в будущем. Вместе с тем сотрудники

ОМОН склонны приписывать ответственность за эмоционально отрицательные события другим людям или считать таковые результатом невезения. В то же время считая себя ответственными за события, происходящие в их семейной жизни не считают себя ответственными за свое здоровье и надеется, что выздоровление придет в результате действий других, прежде всего врачей.

Наряду с методикой УСК силовикам предъявлялся личностный опросник (адаптированный вариант методики Айзенка ЕРІ).

Исходя из полученных данных по этой методике можно утверждать, что в группе ОМОН преобладают экстраверты с ярко выраженной тенденцией представлять себя в лучшем свете.

Вклад субъектных факторов в недопущение развития психической травматизации и снижение тяжести ее последствий имеет существенное значение. Доказано, что такие индивидуально-психологические особенности и личностные черты, как низкий уровень интернальности субъективного контроля, нейротицизм, интровертированность, повышают риск развития неблагоприятных последствий, связанных с пребыванием в травматической ситуации [2,8]. На основании нашего исследования можно прогнозировать, что риск развития неблагоприятных последствий в условиях пребывания травматического стресса у сотрудников ОМОН менее вероятен. Об этом свидетельствуют данные, полученные на основании опросника Айзенка ЕРІ. Однако высокие показатели по шкалам интернальности в области неудач и в отношении к здоровью говорят об обратном. Это можно объяснить малым количеством выборки на данном этапе.

Важно отметить, что исследование субъектно-личностного статуса сотрудников ОМОН продолжается. Предполагается провести трёхэтапное лонгитюдное исследование. Наряду с личностными методиками сотрудникам силовых подразделений предъявляется блок на выявление посттравматической симптоматики и тяжести боевого опыта.

Таким образом, нам предстоит выяснить, какие же субъектно-личностные качества помогают предотвратить развитие посттравматического стрессового состояния.

Список литературы:

18. Зеленова М.Е. Травматический психологический стресс и профессионально-регулятивная функция Я-концепции // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход /Под ред. В.А. Бодрова. – М.: Изд-во ИП РАН, 2004. – С.177-192.

19. Зеленова М. Е. Успешность посттравматической стрессовой адаптации и особенности профессионального самосознания у ветеранов боевых действий в Афганистане // Ежегодник РПО / Материалы 3-го Съезда РПО «Психология и культура», 25-28 июня. – Спб., 2003. – С.15-18 (в соавт. с Е.О.Лазебной).
20. Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. Особенности субъективного контроля и успешность посттравматической стрессовой адаптации ветеранов боевых действий в Афганистане. / Психология созидания (ежегодник Российского психологического общества), том 7, вып. 1. – Казань, 2000. – С. 179-182.
21. Лазебная Е.О. Посттравматическая стрессовая адаптация как системный процесс / Современная психология: состояние и перспективы исследований. – М.: ИП РАН, 2002. – С.83-95.
22. Лазебная Е.О. Травматическая стрессовая ситуация и посттравматический адаптационный процесс // Психология психических состояний / Под ред. А.О.Прохорова. – Казань, 2002. – С.387-399.
23. Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. Экспериментально-психологическое изучение динамики посттравматической стрессовой адаптации участников боевых действий / Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. – М.: ИП РАН, 1999. – С.96-98.
24. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001.
25. Shalev A.Y. Stress versus traumatic stress: from acute homeostatic reactions to chronic psychopathology. Traumatic stress: the effects of overwhelming experience on mind, body, and society (eds. Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth), N.Y. – L.: The Guilford Press, 1996, 77-101.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И
ЗАРУБЕЖНЫХ МЕТОДОВ ПСИХОКОРРЕКЦИИ И
ПСИХОТЕРАПИИ РАННЕГО ДЕТСКОГО АУТИЗМА (РДА)**

Тулушева Е.С.

Клинический психолог ЦСПСиД, г. Москва

E-mail: k-helena1@yandex.ru

Клиническая, патологическая единица РДА признается специалистами большинства стран. Несмотря на это, во взглядах на генез и прогноз РДА до сих пор нет устоявшихся мнений. Анализируя зарубежный и отечественный подходы к классификации видов и

симптомов РДА, можно говорить о наличии определенных различий во взглядах, которые являются предпосылками к определенным различиям в методах терапевтической и коррекционной работы с детьми с РДА. Отечественный подход предполагает рассмотрение РДА как целостного синдрома, развитие симптоматики которого можно представить в виде поэтапной схемы. В результате чего, не смотря на особенности каждого ребенка с РДА, его можно по определенным показателям отнести к той или иной группе в классификации Никольской О.С., что позволяет говорить об определенных прогнозах, а также подобрать соответствующий план коррекционной работы, с четко намеченными целями. Зарубежная же система наоборот предпочитает работать с РДА на трех различных уровнях: поведенческом, биологическом и когнитивном. На каждом из них предлагается своя диагностика, учитывающая определенные, соответствующие только этому уровню, нарушения. В результате дальнейшая терапевтическая и коррекционная работа с ребенком будет проводиться по отдельным независимым направлениям, каждое из которых имеет узкий набор целей. [1]

Зарубежная система, таким образом, с одной стороны предлагает узко индивидуальный подход к ребенку, позволяющий углубленно работать с каждым проявлением в отдельности. Но с другой стороны, такая система, в отличие от отечественной не имеет интегративного целостного подхода, что не дает возможности работать с РДА как с единым синдромом. Это ограничивает возможность создания целостной картины заболевания ребенка. В результате таких различных взглядов на диагностику и симптоматику заболевания, методы лечения, коррекции и терапии также могут быть различными, исходя из конкретных целей российского и зарубежного подходов.

Коррекционно-педагогический подход, разработанный Никольской О.С. и ее коллегами, дает повод говорить о наличии в нашей стране глубоко продуманной и, составленной на результатах долгих исследований, целой системы работы с детьми с РДА. В основе ее лежит рассмотрение аутизма как целостного заболевания, как синдрома, содержащего огромное количество симптоматических вариаций. И работа специалистов направлена не на отдельные симптомы, такие как аутостимуляции, гиперчувствительность, речевые нарушения, повышенная агрессия и другие проявления аутизма, но на патологию развития в целом. Развитие ребенка зависит не только от индивидуального развития каждой функции, но и от их способности взаимодействовать. При нарушении какого-либо процесса

в работе организма ребенка сбивается вся система. Такие цепочки четко прослеживаются в симптоматике аутизма. Так, например, из-за гиперчувствительности тактильной и гипочувствительности слуховой, ребенок не воспринимает аудио-инструкции родителя, при этом при попытке родителя обратить на себя внимание прикосновением, ребенок реагирует агрессивно, либо усилением аутостимуляций, что еще больше усугубляет возможность контакта с ним. Таким образом, родители не могут дать ребенку соответствующей эмоциональной поддержки, из-за чего страхи аутиста будут прогрессировать, и соответственно, родители не могут даже обучить его элементарным навыкам самообслуживания. Из этого вытекают такие проблемы как задержка или недоразвитие речи, неспособность к обучению, общее недоразвитие и прочие. Именно исходя из такой схемы, был разработан целостный подход, который позволяет работать со всем синдромом РДА, корректируя и развивая ребенка не по одному параметру, а в целом, опираясь на наиболее сохраненные функции. При диагностике психического развития ребенка используется комплексная оценка его эмоциональных реакций с определением уровня эмоциональной регуляции. Кроме того, разработанная классификация позволяет специалистам и родителям наглядно видеть тот уровень развития, где находится сейчас ребенок, и следующую ступень, на которую и нацелена работа с ним. [2]

При сравнении отечественного и зарубежного подхода в игровой терапии можно говорить о существенных различиях в самой системе применения. Отечественный подход предполагает использование разработанного Спиваковской А.С. специально для детей с РДА варианта игровой терапии, нацеленного на соответствующую симптоматику синдрома в целом. Данный подход имеет определенные требования к навыкам психолога, его постоянную аналитическую работу по развитию дальнейшего плана лечения, а также конкретные правила проведения работы, четкие ограничения и некоторые запреты. Каждое действие специалиста представляет собой определенный шаг к заранее намеченной цели, подбор игровых материалов также должен быть детально продуман. [4] В отличие от отечественной практики, за рубежом не существует конкретных методов игровой терапии, разработанных специально для детей с РДА. Существует общий интегративный подход, направленный на работу с детьми с различными проблемами от неуспеваемости в школе до опыта переживания насилия. Таким образом, потенциал возможностей игровой терапии за рубежом используется в незначительной степени, ограничивая ее эффективность в работе с детьми с РДА.

Еще один метод терапии РДА, используемый как в России, так и за рубежом, где он и был создан, также имеет свои различия в применении. Основным отличием в использовании холдинг-терапии в России и за рубежом является использование в отечественной практике дополнительного потенциала холдинг-процедуры, заключающегося в постепенном появлении на сеансе все большего времени для развивающей совместной работы родителей с ребенком. Это время используется на дополнительные коррекционно-развивающие игры и упражнения, схема которых разрабатывается психологами индивидуально для каждого ребенка, в зависимости от его состояния, выраженности симптоматики, уровня развития в целом. [3] Такое дополнение, используемое в России, позволяет серьезно увеличить эффективность холдинг-терапии не только в области улучшения непосредственного контакта ребенка с родителями, но и в его общем развитии в целом, включающем смягчение аутичной симптоматики, улучшение навыков социализации, развитие речи, развитие игровых и коммуникативных навыков и многое другое, в зависимости от индивидуально составленной программы терапии. Зарубежная же система холдинг-терапии направлена больше на смягчение или снятие определенных симптомов РДА, таких как гиперчувствительность определенных анализаторов, частые аутоstimуляции, отсутствие глазного контакта с ребенком и другие.

Однако за рубежом существуют также достаточно эффективные методы коррекции и терапии РДА, которые не получили широкого распространения в России. К таковым относятся, Томатис-терапия, направленная на коррекционную работу слухового восприятия ребенка, а также сенсорная терапия, подразумевающая углубленную поэтапную работу со всей сенсорной системой ребенка в целом.

Список литературы:

1. Аппе Фр. Введение в психологическую теорию аутизма. – М.: Теревинф, 2006. – 216 с.
2. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. – М.: ТЕРЕВИНФ, 1997. – 344 с.
3. Либлинг М.М. Холдинг-терапия как форма психологической помощи семье, имеющей аутичного ребенка //Дефектология. – 1996. – №3. – с. 56-66.
4. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. Часть 2: психотерапия детского аутизма. – М.:Теревинф,1999. – 273 с.

ЛИЧНОСТНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В ОБЩЕНИИ

ПОДРОСТКОВ С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ

Узлов Н.Д.

*Канд.мед.наук, зав. кафедрой психологии Березниковского филиала
Пермского госуниверситета, г. Березники, Пермский край
E-mail: knots51@mail.ru*

В социальной психологии используются два основных термина, характеризующих представленность личности в общении, которые отражают разные теоретические ориентации авторов: «самораскрытие» — в гуманистической психологии, и «самопредъявление» — в интеракционизме. Самораскрытие, в соответствии с идеей американского психолога С. Джурарда, — это сообщение другим личной информации о себе. Автор подчеркивал, что посредством самораскрытия мы даем возможность другим людям узнать себя. Самораскрытие способствует самопознанию, лучшему самоосознанию, личностной идентификации человека. Считается, что самораскрытие имеет две качественные характеристики: широту и глубину. Широта характеризует количество информации, которую человек сообщает о себе в связи с определенной темой или количество самих тем. Глубина самораскрытия характеризует уровень интимности раскрываемой информации, насколько глубокие слои личности она затрагивает.

Личностная представленность человека в общении также описывается и исследуется как «самопредъявление» или «самопрезентация» в интеракционистской модели социальной психологии. Под самопредъявлением понимаются различные стратегии и тактики, которые использует человек, чтобы произвести определенное впечатление на окружающих.

В подростковом возрасте, когда формируется самосознание ребенка, важно научиться самопредъявлению, устанавливать для себя нужный уровень самораскрытия, чтобы уметь выстраивать в общении необходимую тактику. Подростки зачастую проявляют как позитивную, так и негативную демонстративность в поведении. Особенно это касается подростков с девиантным поведением. Негативное самопредъявление складывается вследствие невозможности найти другие способы удовлетворения потребности во внимании к себе. Многие авторы говорят о негативной демонстративности девиантных подростков. Исследователи, обсуждая проблемы пубертатного периода, говорят о скрытности, обособленности, подростковом негативизме, дистанцированности молодых людей от мира взрослых. Отсюда корни молодежной

субкультуры и моды, специфический жаргон и различные девиации в поведении.

Анализ литературы показывает, что несмотря на повышенный интерес к данной теме в зарубежных и отечественных работах [1;3;4;6-8], проблема представленности в общении подростков, особенно с отклоняющимся поведением, не получила достаточного освещения.

Обследовано 96 подростков мужского пола в возрасте 14-15 лет из неблагополучных семей, состоящих на учете в отделении профилактики беспризорности ГОУ СОН СРЦН г. Березники. Кроме того, 48 из них (группа А) состояли на учете в инспекции по делам несовершеннолетних УВД за различные правонарушения (алкоголизация, употребление наркотиков, ингаляционная токсикомания, воровство, хулиганство, бродяжничество и др.). Остальные подростки были отнесены к группе риска (группа Б). Они не совершали каких-либо правонарушений, но их, как и представителей первой группы, отличали низкий образовательный (слабая успеваемость) и культурный уровень, напряженная обстановка в семье вследствие алкоголизма одного или обоих родителей. Большинство из них происходило из многодетных и малообеспеченных семей. Воспитывались в неполной семье (одной матерью) 13 чел. (27%) из группы правонарушителей и 8 подростков (17%) из группы риска.

В работе использовался блок методик для измерения личностной представленности человека в общении, адаптированных Н.В.Амьга: «Опросник уровня самораскрытия С. Джурарда», «Опросник самораскрытия из 60 пунктов С.Джурарда», опросник Снайдера «Способности управления самопредъявлением в общении» [2].

Опросник уровня самораскрытия выявляет способность человека к самораскрытию. Согласно методике, итоговый показатель может находиться от 0 до 40, причем, чем выше балл, тем выше уровень самораскрытия. В группе подростков, совершивших правонарушения, средний уровень самораскрытия выявлен у 40 чел. (84 %), высокий и низкий - в равной степени у 4 чел. (8 %). В группе риска: средний уровень – у 37 чел. (77%), высокий у 2 (4 %), низкий – у 9 чел. (19 %). Средние значения составляли: для группы А – 17,2 балла, группы Б – 19,9 балла ($p < 0,01$). В качестве значимых фигур в опроснике Джурарда «60 пунктов» выступали «мать», «отец», «друг» и «подруга». Оказалось, что подростки, совершающие правонарушения, в большей мере склонны к самораскрытию в общении с матерью, с другом и подругой, а подростки из группы риска

– с отцом. При этом статистически значимые различия установлены по суммарному показателю самораскрытия с другом ($p < 0,05$). Интерпретируя полученные данные, следует отметить, что обследованные подростки в целом не склонны к выраженному самораскрытию, однако, несмотря на кажущуюся меньшую степень самораскрытия подростков с отклоняющимся поведением, у них имеется потенциально большая возможность раскрытия себя в доверительном общении с матерью и близким другом. Мать, несмотря на все ее недостатки как родителя и воспитателя, продолжает оставаться для подростка потенциальным источником поддержки (хорошо известен факт, когда дети и подростки, брошенные своей матерью, продолжали ее идеализировать). Фигура отца в этом плане менее доверительная. Девиантный подросток наиболее открыт в общении со своим другом нередко и потому, что последний может являться хранителем его тайн не только в силу специфических особенностей данного возраста, когда высоко ценятся дружба, взаимовыручка, надежность, умение держать слово и проч., но и в по причине того, что сам становится свидетелем или соучастником противоправных деяний.

Изучение способности к управлению самопредъявлением в общении показало статистически значимые различия между группами испытуемых. Оказалось, что эта способность у подростков с отклоняющимся поведением ниже (среднее значение 13,1 баллов), в сравнении со сверстниками, которые противоправных действий не совершали (15,9 балла), $p < 0,01$. Согласно методике, итоговый показатель может находиться в диапазоне от 0 до 25 баллов, и чем он выше, тем выше способность управления самопредъявлением в общении. Считается, что люди, которые имеют высокие показатели по опроснику, умеют хорошо регулировать свое поведение и делать его соответствующим ситуации. Их поведение гибко, и диапазон его вариативности для различных ситуаций широк. И наоборот, люди, которые имеют низкие показатели по опроснику, уделяют мало внимания информации, сигнализирующей о подходящем самопредъявлении в определенной социальной ситуации. Их репертуар самопредъявления не очень широк, их поведение задается скорее внутренними эмоциональными состояниями и установками, а не стилем и особенностями конкретной ситуации [2]. В нашем исследовании количество испытуемых группы А, чьи показатели не превышали 10 баллов, составляло 11 чел. (22,9 %), в то время как в группе Б только 1 чел. (2,1 %). Одновременно число подростков с высокими баллами (20 и выше) в группе совершавших правонарушения было в три раза

меньше (3 чел. против 9 из группы риска). Полученные данные позволяют объяснить некоторые черты поведения девиантных подростков, порой кажущиеся странными и даже иррациональными: неспособность сделать выводы из проступка, действие во вред себе, усугубление конфликтов с окружающими, клише-реакции, характеризующиеся повтором деяния и проч. М. Снайдер, автор данной шкалы, в этой связи описывал два типа личностей: личность «прагматическую» и личность «принципиальную». Первому типу больше свойственно вести себя в соответствии с ситуативными особенностями, проявляя гибкость и вариабельность в поступках, второму – проявлять негативизм, упрямство и ригидность.

С этих позиций становится очевидным, что в работе с подростками с отклоняющимся поведением необходима разработка таких психо-коррекционных программ, которые бы предполагали «разбор полетов», обучение поливариантному поведению, «психологии выгоды». Опыт консультативной работы показывает, что таким образом можно разрешать многие школьные проблемы, осуществлять профилактику более серьезных последствий отклоняющегося поведения [5].

Список литературы:

1. Амяга Н.В. Методики для измерения личностной представленности человека в общении / Н.В.Амяга // Журнал практического психолога. – 1998. – № 1. – С.42-53.
2. Амяга Н. В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении / Н.В.Амяга // Личность. Общение. Групповые процессы. – М., 1991. – С. 37 – 74.
3. Зинченко Е.В. Самораскрытие личности как социально-психологический феномен / Е.В.Зинченко // Психологический вестник РГУ. – Вып. 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1997. – С. 404-419.
4. Зинченко Е.В. Самораскрытие личности как социально-психологическое явление / Е.В.Зинченко // Прикладная психология. – 1998. – №5. – С.59-69.
5. Узлов Н.Д. Психология выгоды: новые подходы в консультировании «проблемных» подростков / Н.Д.Узлов // Проблемы социализации личности в период экономической нестабильности: матер. междунар. научно-практ. конфер. – Березники, 1999. – С.211-213.
6. Шкуратова И.П. Мотивационная модель общения и попытка её экспериментального изучения / И.П.Шкуратова // Психологический вестник РГУ. – Вып.1. – Часть 1. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 187-206.

7. Шкуратова И.П. Самовыражение личности в общении / И.П.Шкуратова // Психология личности: учебн. пособие /под ред. П.Н.Ермакова, В.А.Лабунской. – М.: ЭКСМО, 2007. – С.241-265.
8. Шкуратова И.П. Самопредъявление подростков в межличностном общении / И.П.Шкуратова, Ю.А.Гоцева // Прикладная психология: достижения и перспективы. – Ростов-на-Дону: Фолиант, 2004. – С.267-283.

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ СОЗНАНИЯ

Фалеев А.В.

К.т.н., соискатель НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: a.faleev@mail.ru

1. Ограничения, которые накладывает сознание.

Мы привыкли считать сознание вершиной эволюции природы, относиться к нему максимально трепетно и бережно. Мы считаем, что сознание раздвигает горизонты, делает нашу жизнь логичнее и лучше, и поэтому стараемся развивать сознание, учиться логически мыслить, учиться решать задачки и т.д.

И это оправдано - трудно представить нашу жизнь без образования, науки и достижений сознательного усилия мысли. Да и в самом деле, разве не сознанием отличается человек от животного?...

Мы уверены в величии и силе сознания, но оказывается, что сознание - это прежде всего многочисленные ограничения, накладываемые им на работу головного мозга.

1.1. Сознание ограничивает память.

Все, что было в нашей жизни, каждое её мгновение надежно хранится в головном мозге. Если мозг не поврежден, то он, видимо, просто не способен что-то забыть.

Проиллюстрирую это простым примером из рассказа А.П.Чехова "Лошадина фамилия". В нем приказчик пытается вспомнить фамилию человека, который заговаривает зубную боль. Он помнит, что фамилия как-то связана с лошадьми и начинает перебирать: "Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкин... Всё не то!". "Лошадкин... Кобылкин..." и т.д.

В конце концов, после подсказки доктора, он вспоминает - "Овсов".

Из этого примера видно, что человек всегда способен оценить свое воспоминание - правильное оно или ошибочное. Приказчик

перебирает различные фамилии и сличает их с тем, что на самом деле хранится в его памяти.

Но это значит, что мозг заведомо помнит то, что с таким трудом вспоминается и всегда имеет полный доступ к этой записи в памяти.

Т.е. человек (головной мозг) никогда ничего не забывает, а воспоминание - это процесс перевода информации из глубин памяти на уровень сознания.

Исключение сознания из этого процесса делает нашу память феноменальной.

Например, в литературе описан случай, когда неграмотная немка во время болезни в горячке стала говорить на древнегреческом, древнееврейском и латинском языках.

Оказалось, что до 9 лет она жила в доме пастора, который любил ходить по коридору, читая вслух тексты своих любимых древних авторов. После выздоровления женщина не смогла вспомнить ни одного слова из того, что она бормотала в бреду [2, стр. 279].

Среди умственно отсталых людей, у которых очевидно снижены функции сознания, часто встречаются лица с феноменальной памятью или способностью к феноменальному счету.

Проявление феноменальной памяти свойственно и нецивилизованным народам, лишенным письменности. Известный французский философ Анри Бергсон приводит такой пример: "Один миссионер после длинной проповеди дикарям Африки наблюдал, как один из слушателей дословно повторил его проповедь с такими же жестами от начала до конца" [3, стр. 257].

Вывод: сознание существенно ограничивает нашу память. Из-за сознания нам кажется, что мы не помним то, что на самом деле помним.

1.2. Сознание ограничивает наш диапазон восприятия окружающего мира.

Многочисленные эксперименты психологов показали, что человек реагирует на информацию, которую не осознает.

В опытах Н.Ю.Алексеевко было показано, что человек реагирует на звуковые сигналы, которые на бдБ ниже порога. Т.е. звук настолько слабый, что человек его не осознает. Он не может сказать, что хоть что-то слышит. Но, тем не менее, и на такой слабый звук он реагирует, это четко зафиксировали приборы [1].

Д.Сомек и Дж.Уайлдинг провели следующий эксперимент: они подавали испытуемым на один глаз изображение лица с нейтральным выражением, а на второй глаз подавали слова, обозначающие эмоции.

Но слова подавались заведомо с такой скоростью, что их невозможно было прочитать, т.е. на уровне ниже порога осознания. И, тем не менее, оказалось, что предъявленные слова оказывали сильное влияние на эмоциональную оценку лица - испытуемые приписывали этому лицу ту эмоциональное состояние, которое соответствовало словам [2, стр.273].

Р.Мак-Клири и Р.Лазарус предъявляли испытуемым несколько произвольных и бессмысленных сочетаний 5 букв, причем каждый показ этих сочетаний сопровождался слабым ударом тока. Постепенно у испытуемых выработался условный рефлекс - предъявление этих сочетаний букв приводило к изменению кожно-гальванической реакции.

Далее исследователи стали предъявлять на экране эти сочетания букв с такой скоростью, которая намного превышала скорость узнавания.

Испытуемые ничего не могли сказать о том, какие изображения, слова или буквы им показывались, но их кожа по-прежнему реагировала изменением своего электрического потенциала именно в те моменты, когда предъявлялись те сочетания букв, на которые был выработан условный рефлекс.

Ученые сделали вывод: хоть человек и считает, что он ничего не видит и не узнаёт, на самом деле он видит и узнаёт, просто эта информация попадает в мозг, минуя сознание, и хранится в мозгу так и не осознанной. [2, стр.273]

Человек способен реагировать на информацию, предъявленную со скоростью, намного превосходящую его сознательные возможности.

Похожие эксперименты провел Б.Либе с соавторами в 1970-ых годах, только вместо слов на экране он предъявлял звуковые стимулы. Оказалось, что человек реагирует на звук, который был на 15-25% ниже порогового значения. Испытуемый был уверен, что ничего не слышит, а на самом деле он слышал, и его кожная реакция четко отражала этот факт [6].

Вывод: сознание существенно ограничивает диапазон восприятия, поэтому нам кажется, что мы не воспринимаем поступающие сигналы (не слышим, не видим, не чувствуем) хотя на самом деле мы их воспринимаем.

1.3. Сознание мешает решать задачи.

Как сообщает журнал Nature Neuroscience (апрель, 2008г) нейробиологи под руководством Джона-Дилана Гайнеса (John-Dylan

Haynes) из Института мозга имени Макса Планка в Лейпциге обнаружили, что решение человека становится осознанным только через 10 секунд после того, как оно принято на уровне подсознания.

Такой вывод был сделан из эксперимента, в котором приняли участие 14 добровольцев. Ученые измеряли активность в коре головного мозга (frontopolar cortex) испытуемых и одновременно просили их нажимать на правую кнопку правой рукой или левую кнопку левой рукой тогда, когда они этого захотят. Известно, что намерения двигать правой или левой рукой соответствуют различным сигналам в мозге, что давало ученым возможность узнавать, каким будет решение, и определять точный момент его принятия.

При этом испытуемым показывали буквы на экране с интервалом в полсекунды, и они должны были запомнить ту из них, которая была на экране в момент принятия решения.

Оказалось, что испытуемые выбирали букву, появляющуюся через несколько секунд после того, как решение было зарегистрировано в мозге. То есть сознательным решение становилось уже после того, как было принято на уровне подсознания и интервал этого "осознания" составлял до 10 секунд.

Т.е. мозг уже решился на действие, но еще целых 10 секунд человек не знал о том, что решение уже есть (не осознавал этого решения).

Похожие результаты были получены и в России, где были проведены эксперименты с начинающими шахматистами. Шахматистам предлагалось решать шахматные задачи вслух, т.е. проговаривая все приходящие в голову мысли. Изменение электрокожного потенциала, которое возникает при радостном эмоциональном переживании, связанном с уже найденным (хотя еще неосознанным) решением, возникало за 4-12 секунд до того момента, как испытуемые называл верное решение. Т.е. человек на уровне подсознания намного быстрее находит решение задач, но осознается это решение (т.е. попадает на уровень сознания) только спустя некоторое время [7, стр. 203-209].

Вывод: головной мозг работает и решает задачи намного быстрее, чем сознание. Сознание осознает, что решение уже найдено только спустя некоторое время.

1.4. Сознание мешает мозгу управлять телом.

Интересные результаты наблюдаются в тех случаях, когда испытуемые вводятся в состояние глубокого гипноза - состояния, когда объем сознания резко сужается. В этом случае люди

демонстрируют существенное увеличение различных возможностей организма.

В состоянии гипноза люди могут вспомнить нечто давно забытое. При внушении им детского возраста они начинают вести себя, как в детстве: говорить с такими же интонациями, писать детским подчерком и делать детские ошибки.

При внушении возраста новорожденности у испытуемых появляются плавающие несинхронные движения глазных яблок (который ни один взрослый не способен имитировать), сосательный и хватательный рефлексы, рефлекс Бабинского (который рассматривается, как психофизиологический показатель, характерный исключительно для младенческого возраста) и даже электрическая активность мозга, соответствующая детской [5, стр.31].

Если человеку внушить тот возраст, когда он болел тем или иным заболеванием, то испытуемый начинает действительно показывать все симптомы болезни.

Описан случай, когда взрослому здоровому человеку внушили возраст, в котором, по его словам у него наблюдались эпилептические припадки. Исследование мозга (ЭЭГ) в момент гипноза действительно показало признаки эпилепсии, хотя в нормальном состоянии таких признаков не было. [2, стр.278]

В состоянии лунатизма человек может проявить чудеса ловкости, на которые не способен в нормальном состоянии сознания.

Вывод: головной мозг позволяет человеку широко управлять своим организмом - вызывать и убирать симптомы заболеваний, полностью управлять всеми мышцами тела и даже управлять электрофизиологическими характеристиками собственного мозга. Но как только в работу вмешивается сознание, человек теряет такую возможность.

Общий вывод, который позволяют сделать все подобные факты, таков: возможности мозга намного превосходят возможности сознания.

2. Является ли сознание логическим механизмом?

Сознание обычно приравнивают к интеллекту и связывают с сообразительностью, изобретательностью, умением предвидеть будущие события, со способностью человека логически мыслить, понимать причины и следствия событий, с умением мыслить абстрактно.

Разум и логика считается неотделимым свойством человеческого сознания, ведь, в конце концов, не даром человека называют Homo Sapiens - человек разумный.

Разум и абстрактная логика, способность на основании анализа причин и следствий заглянуть в будущее представляются нам единственным наглядным доказательством того, что мы отличаемся от животных.

Именно благодаря разуму и логике, уверены мы, наши далекие предки смогли выжить в бурном царстве диких животных, победить жару и холод, и в итоге построить цивилизацию.

В связи с этим некоторые ученые, например, знаменитый этнограф и историк Эдуард Тайлор полагали, что мышление первобытного дикаря ничем, по сути, не отличается от мышления современного человека, человек каменного века был так же логичен, как и мы.

Но так ли это?

В 1930-ых годах выдающийся советский психолог Александр Романович Лурия решил проверить связь между наличием сознания и умением логически мыслить. Для этого он направился в глухие кишлаки Узбекистана.

Место выбора исследований он объяснил так: "...в течение многих веков народные массы оставались неграмотными и большей частью изолированными от этой высокой культуры. Они жили главным образом в деревнях, полностью зависели от богатых землевладельцев и всемогущих феодалов. Их основным занятием было хлопководство." [4]

Лурия рассуждал так: древние люди не знали цивилизации, поэтому для того, чтобы понять, как они рассуждали, можно изучить неграмотных крестьян из самых отдаленных от цивилизации мест и выяснить, насколько они обладают логикой и разумом.

Результаты этих исследований были поразительны. Вот что обнаружил А.Р.Лурия.

2.1. Абстрактное мышление не является естественным свойством сознания.

Свои исследования А.Р.Лурия начал с проверки умения неграмотных людей абстрактно мыслить, задавая им вопросы из серии "убери лишнее" (т.е. задачи на умение выбрать у нескольких предметов объединительный признак и выделить эти предметы в группу).

Например, любой образованный человек увидит геометрическую общность между окружностью и недорисованной окружностью с "выкушенным" кусочком дуги, потому что обе эти картинки объединяются абстрактным геометрическим понятием "окружность".

Узбеки этого не видели. "Что же общего между ними, если вот это – монета, а это – неполная луна?" – недоумевали они.

В их головах не было такой простой абстракции, как цвет. Показывая на цветные мотки шерсти, они говорили: этот – как весенняя трава, а этот – как небо, а тот – как кровь.

Решить задачу по цветовой классификации шерстяных мотков они не могли. Как можно сложить вместе три зеленых мотка разных оттенков, если один – "весенняя трава", другой – "молодой горошек", а третий – "туговые листья зимой". Можно ли горох сравнить с травой, если горох люди кушают, а траву едят только бараны?

Вот как описывает Лурия один из эпизодов этого исследования.

"Рахмату, неграмотному крестьянину тридцати одного года из отдаленного района, показали рисунок молотка, пилы, полена и топора. «Какие предметы похожи? И что лишнее?» — спросили его. «Они все похожи, — сказал он. — Я думаю, что все они нужны. Смотрите, если Вам нужно разрубить что-нибудь, Вам нужен топор. Так что все они нужны».

- Какие из этих предметов можно назвать одним словом?

- Как это? Если мы назовем все три вещи "топор" — это будет неверно.

- Но один человек выбрал три предмета — молоток, пилу и топор и сказал, что они схожи.

- Пила, молоток и топор все должны работать вместе, но полено тоже должно быть вместе с ними!

- Как ты думаешь, почему он выбрал эти три вещи, а не полено?

- Может быть у него много дров, но если он останется без дров, он ничего не сможет делать.

- Правильно, но ведь молоток, пила и топор — орудия.

- Да, но даже если у нас есть орудия, все же нам нужно и дерево. Иначе мы ничего не сможем построить".

Далее Лурия предлагает крестьянину решить следующую задачу. На рисунке стакан, бутылка, сковородка и очки. Что лишнее?

— Эти три подходят, — говорит крестьянин, — но я не знаю, зачем ты сюда положил очки. Нет, пожалуй, они тоже подходят! Если человек плохо видит, ему приходится надевать очки, чтобы пообедать.

— Но один человек сказал мне, что одна из этих вещей не подходит к группе, — пытается Лурия озадачить крестьянина. Что же тот отвечает?

– Может быть, это у него в роду – думать таким образом. А я скажу, что все они подходят. В стакане нельзя варить пищу – в него можно наливать что-нибудь. Для готовки нужна сковорода, а чтобы лучше видеть – нужны очки. Нам нужны все эти четыре вещи – вот почему их положили вместе.

Лурия делает следующий вывод:

"Когда мы пытались предложить испытуемым другой способ классификации предметов, основанный на абстрактных принципах, они обычно отвергали его на том основании, что такой подход не отражает присущие предметам связи и что человек, занимающийся подобной группировкой, просто "глуп". Лишь в редких случаях они признавали возможность применения такого способа классификации, но тогда они действовали очень неохотно, уверенные, что подобная группировка не имеет большого значения. Имеющей важное значение была для них лишь классификация, основанная на практическом опыте".

2.2. Логическое мышление не является естественным свойством сознания.

От тестов на абстрактное мышление Лурия перешел к тестам на логическое мышление.

Он задавал два утверждения и просил на их основе сделать вывод.

Например:

- 1) Драгоценные металлы не ржавеют.
- 2) Золото – драгоценный металл.

Вопрос: ржавеет ли золото? (Правильный ответ, конечно, понятен: золото не ржавеет.)

Этот вывод, как отмечает Лурия, настолько прост, что "многие психологи были склонны рассматривать подобное логическое заключение как основное свойство человеческого сознания" [4].

Лурия своими экспериментами блестяще опроверг это заблуждение психологов того времени.

Оказалось, что просто добиться повторения неграмотными узбеками условия задачи - уже само по себе непосильная задача - в их мозг эти два предложения никак не помещались, ибо, по их мнению, никак не были связаны друг с другом.

Вот робкие попытки разных жителей кишлаков повторить условие задачи про золото:

"Драгоценные металлы ржавеют или нет? Золото ржавеет или нет?"

"Драгоценные металлы ржавеют. Драгоценное золото ржавеет. Ржавеет ли драгоценное золото или нет? Ржавеют ли драгоценные металлы или нет?"

"Это все – драгоценное. Золото – тоже драгоценное. Ржавеет оно или нет?"

Ясно, что если человек не в силах даже повторить задачу, спрашивать у него ответ бессмысленно.

Тогда Лурия попытался привести подобные же задачи, но попроще, связывая их с повседневной жизнью крестьян-хлопководов:

1) Хлопок растет там, где жарко и сухо.

2) В Англии холодно и сыро.

Вопрос: может в Англии расти хлопок или нет?

"Испытуемые, живущие в наиболее отсталых районах, – пишет Лурия, – даже отказывались делать какие-либо выводы. Они заявляли, что никогда не бывали в этом незнакомом месте и не знают, растет там хлопок или нет".

Привожу запротоколенный диалог между психологом и испытуемым:

"– ... может в Англии расти хлопок или нет?"

– Я не знаю.

– Подумай об этом.

– Я был только в Кашгаре. Ничего больше я не знаю.

– Но на основании того, что я сказал, может ли хлопок там расти?"

– Если земля хорошая, хлопок будет там расти, но если там сыро и земля плохая, он расти не будет. Если там похоже на Кашгар, он там тоже будет расти. Конечно, если почва там рыхлая, он тоже будет там расти.

– Еще раз. Ты знаешь, хлопок растет там, где жарко и сухо. Но в Англии холодно и сыро. Может там расти хлопок?"

– Если там холодно, он не будет расти. Если почва хорошая и рыхлая – будет.

– Но на какую мысль наводят мои слова?"

– Знаешь, мы – мусульмане, мы – кашгарцы. Мы никогда нигде не бывали и не знаем, жарко там или холодно" [4].

И так далее...

Вот еще один вопрос, который Лурия задавал узбекам:

1) На Дальнем Севере, где снег, все медведи белые.

2) Новая Земля – на Дальнем Севере.

Вопрос: какого цвета там медведи?"

Вот варианты ответов, даваемые жителями удаленных кишлаков:

"Я никогда не был на севере и никогда не видел медведей".

"Если вы хотите, чтобы вам ответили на этот вопрос, спросите людей, которые там побывали и видели их".

"Разные бывают медведи. Если родился красным, таким он и останется".

Все попытки заставить их мыслить логично не заканчивались ничем. Но все эти тесты легко проходили те узбеки, которые учились в школе и получили начальное образование.

Из этих экспериментов можно сделать вывод о том, что абстрактная логика, умение рассуждать и делать выводы, видеть причину и следствие, умение предвидеть будущие события, умение мыслить логически - не являются неизменным свойством человеческого сознания.

Это значит, что сознание не может быть логическим механизмом, созданным для решения головоломок.

Разумность и умение абстрактно мыслить - это, видимо, сравнительно молодое и далеко не основное свойство сознания, всего лишь побочный эффект каких-то других свойств сознания, являющийся результатом длительного научения.

Если сознание, как оказалось, вовсе не подразумевает умения абстрактно мыслить и рассуждать, то какие именно свойства сознания стоит признать основными?

Для чего сознание появилось в ходе эволюции, и какие задачи оно решало?

За счет чего сознание не обладающего абстрактной логикой и разумом древнего человека помогло ему выжить в дикой природе и в итоге её покорить?

Иными словами, все эти вопросы сводятся к одному - а что же такое сознание?

Ответ на эти вопросы еще только предстоит дать.

Список литературы:

1. Алексеенко Н.Ю. Бинауральное взаимодействие при подпороговых и пороговых звуковых раздражениях. / Н.Ю. Алексеенко // Механизмы слуха. – М. – 1967. – С. 174 – 181.
2. Аллаhverдов В.М. Сознание как парадокс / В.М. Аллаhverдов. – СПб: Издательство ДНК, 2000 – 528 с.
3. Бергсон А. Материя и память. / А. Бергсон. // Собр. соч. в 4-х т. – М. –1993. –Т. 1. – 247 с.
4. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. / А.Р. Лурия. –М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1982. – С. 47 – 69.

5. Овчинникова О.В. Гипноз в экспериментальном исследовании личности. / О.В. Овчинникова, Е.Н. Насиновская, Н.Г.Иткин. – М.: МГУ. – 1989. – 232 с.
6. Рутман Э.М. Возможности применения усредненных вызванных потенциалов в психофизике. / Э.М. Рутман. // Проблемы психофизики. – М. – 1974. – С. 94–98.
7. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. / О.К. Тихомиров. – М. – 1969. – 304 с.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: РОСТ НЕВРОЗОВ, КАК СЛЕДСТВИЕ ПОВЫШЕНИЯ МИРОЛЮБИВОСТИ ОБЩЕСТВА

Фалеев А.В.

К.т.н., соискатель НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: a.faleev@mail.ru

1.Появления феномена личности, как торможение агрессии "железного века"

Первобытное общество и древние цивилизации не знали феномена личности, были доличностными. В доличностных цивилизациях человек утверждал себя в качестве части некоего целого, при этом никак не выделяя себя из массы других частей.

«Да, древние цивилизации были основаны на исключении чужака и презрении к неполноправному, презрении откровенном и спокойном, не прикрытом лицемерием, не смягченным оговорками. Да, выразившееся в них архаическое мировоззрение... вначале просто не знало того, что мы называем личностным.» - пишет в Послесловии к фундаментальной исторической монографии ответственный редактор Г.М. Бонгард-Левин [4, с.470-471].

Если человек в современном виде существует около 150-200 тыс.лет, то феномен личности, осознание человеком свой неповторимости, появился на исторической арене совсем недавно - в середине I тысячелетия до н.э., т.е. около 2,5 тыс.лет назад.

Почему же это произошло? С чем было связано появление феномена личности?

Древние доличностные цивилизации были чрезвычайно воинственными и агрессивными по отношению к чужакам. "Любой незнакомый человек в первобытном обществе воспринимался как "нелюдь" и враг, подлежащий уничтожению. В глазах палеолитического охотника умерщвление чужака часто являлось "убийством" в меньшей степени, чем добыча зверя" [7, с.73].

Одновременно с этим первобытный человек, воспринимавший себя исключительно как часть чего-то целого (часть племени), не осознавал неизбежность своей собственно индивидуальной смерти, он ее не боялся, т.к. племя, частью которого он являлся, оставалось жить дальше.

Отголоски этих настроений видны в древнегреческих текстах, которые превозносят смерть во имя защиты своего народа.

"О, как прекрасна та смерть, когда доблестный воин погибнет

В первом ряду среди бойцов, город спасая родной!" - писал в VII в. до н. э. известный поэт Тиртей.

Такое сочетание - беспощадная агрессивность к чужакам и безразличие к собственной смерти - приводило к тому, что между первобытными племенами шла непрекращающаяся безжалостная война.

Древний человек использовал в качестве орудий убийства каменные отщепы, ручные рубила, каменные топоры и другие каменные, костяные и деревянные орудия, убойная сила которых была достаточно низкой.

Только слабое вооружение древнего человека позволило избежать самоистребления человеческого вида.

Ситуация принципиально не изменилась и тогда, когда было придумано бронзовое оружие.

Бронзовое оружие было дорогим, хрупким и тяжелым. Войны "бронзового века" велись небольшими профессиональными армиями, состоявшими из физически очень сильных мужчин; подготовка и вооружение таких армий были делом весьма дорогостоящим. Найти адекватную замену погибшему воину было трудно.

Но все изменилось, когда в XII - XI веках до н.э. на Ближнем Востоке, в Закавказье и Восточном Средиземноморье начало распространяться массовое и дешевое производство железа, что существенно повысило качество боевого оружия.

Стальное оружие значительно дешевле, прочнее и легче бронзового, и это позволило вооружить все мужское население; место профессиональных армий заняли своего рода «народные ополчения».

Сочетание новой технологии с прежними военно-политическими ценностями сделало вооруженные конфликты раннего железного века необычайно кровопролитными [1].

"Войны стали постоянным явлением, они отличались упорством и особой жестокостью. Речь идет уже не о прежних колесничных сражениях знати, своего рода аристократических турнирах, - теперь в бой вступают массы воинов пеших и конных, вооруженных железными мечами, луками и дальнобойными арбалетами" [3, с. 184].

Над человечеством повисла угроза самоистребления.

Сталь, грозившая катастрофической убылью мужского населения, настоятельно требовала иной морали. Доличностная система ценностей делало проблематичным дальнейшее существование передовых государств.

События могли развиваться, в конечном счете, по одному из двух сценариев. Либо культура находила радикальный ответ на вызов

эволюции, либо должен был произойти цивилизационный обвал - быстрое сокращение населения и возвращение в каменный век.

Культура передовых цивилизаций нашла ответ на вызов эволюции.

Середину I тысячелетия до н.э. известный немецкий врач, психолог, философ и историк Карл Ясперс назвал «осевым временем» [10].

В этот период времени на гигантских пространствах - от Иудеи и Греции до Индии и Китая – появились пророки, мудрецы и политики, которые жили в разных частях Евразии, говорили на разных языках и не подозревали о существовании друг друга, но говорили об одном и том же.

В этот переломный момент истории человечества жили и проповедовали Заратуштра в Иране, Конфуций в Китае, Синддхартха Гаутама (получивший впоследствии имя Будды) в Индии, целая плеяда великий философов в Греции.

Это было время массового духовного брожения, изменившее облик мировой культуры.

Именно за те несколько веков люди впервые познакомились с понятиями добра и зла, именно тогда сформировались такие культурные явления, как мораль, совесть, личность и индивидуальная ответственность.

Переворот осевого времени «вывел человека из "утробного", доличностного состояния» [4, с.474]. Его лейтмотивом стало образование человеческой индивидуальности, понимание ценности человеческой жизни.

Глубинный сдвиг в сознании людей осевого времени изменил психологическое содержание политических действий. «Цари Вавилонии и Ассирии бесхитростно хвалились тем, что ведут завоевательные походы и наводят на соседей ужас; но римская пропаганда уже пыталась убедить своих и чужих, что Рим завоевал полмира в порядке законной и вынужденной самозащиты от агрессивных соседей, а удерживает власть над завоеванными землями для блага других народов» [4, с.471].

После осевой революции жестокость в межэтнических или сословных отношениях стала нуждаться в идеологических самооправданиях, рационализациях и демагогическом сопровождении - и уже это служило сдерживающим фактором. Смягчалось отношение не только к внешним противникам, но и к рабам [5].

Со становлением личностного начала формировались элементы гражданского права (что особенно явно представлено в

эллинистическом мире), совершенствовались приемы убеждения. Рефлексия над этими приемами породила в Греции формальную логику и математику как науку о доказательстве. Риторика и демагогия потеснили силовые методы политического действия, такие, как террор и угрозы.

2. Развитие феномена личности в религиозном обществе

Мировые религии, возникшие в поздний период "осевого" времени, закрепили становления личностного начала.

Религии служили эффективным инструментом для объединения больших групп людей, надежным средством отделить "своих" и "чужаков" [8].

При внешней схожести религиозных войн I - начала II тысячелетия н.э. и войн "бронзового века" они существенно отличались.

Во-первых, целью ведения войны стало не уничтожение противника, а его "обращение", распространение на него "своей" веры.

Во-вторых, теперь агрессия против чужаков требовала оправдания, т.к. личность научилась ставить себя на место другого, а значит и испытывать к нему жалость. Военная агрессия теперь могла проявиться только в форме фанатизма - результата преодоления сомнений и жалости, т.е. результата "раздвоения" личности.

И это указывает на очень важный этап в становлении феномена личности.

Агрессия древнего доличностного общества была охотничьей, естественной, безэмоциональной. Первобытный охотник, обязанный подарить невесте голову мужчины из соседнего племени, не испытывал ненависти к тому, кого убивал. Он просто был обязан это сделать, как это делали и другие охотники перед вступлением в брак. Это было частью брачного ритуала.

Ацтекские жрецы ежечасно вырезающие из груди живые человеческие сердца и сжигающие их в храме, так же безэмоционально исполняли свой "священный" долг. А ацтекские повара, изготавливающие их человеческого мяса изысканные блюда, переживали не больше, чем современные работники мясного прилавка.

После "осевого времени" агрессия стала возможна только в форме аффекта, сильных эмоций, возникших в результате внутреннего конфликта (что само по себе говорит о развитии свойств личности, ведь внутренний конфликт - конфликт между частями личности - указывает на возросшую сложность личности).

Религиозная жизнь, в которую погрузилось Европа на 15 веков, вела к дальнейшему углублению внутренних конфликтов и их разрастанию.

Христианский аристократ испытывал конфликт уже от того, что «знал, что как христианин он обязан считать всех людей своими братьями, а как дворянин отнюдь не считает братьями ни человека ниже его по социальному статусу, ни инородца, ни иноверца» [4, с.470].

Однако, по мере усовершенствования оружия религиозные войны становились все более и более кровопролитными. Религия, как средство мирного существования и примирения больших групп людей - "своих" (за счет противопоставления их "чужим" - иноверцам), в условиях высокой убойности огнестрельного оружия и артиллерии перестала выполнять свои функции сдерживания внутригрупповой агрессии.

Это стало особенно очевидно в Европе во время религиозной Тридцатилетней войны (1618-1648гг) между католиками и протестантами. Эта война затронула все страны Европы. Последствия ее были катастрофическими: в Центральной Европе погибло до 80-90% мужского населения [7, с.166].

По ее итогам был заключен Вестфальский мирный договор, который лег в основу «Вестфальской модели» - новой концепции международного права, поделившей территорию Европы на зоны ответственности суверенных государств.

Вопрос о мирном сосуществовании народов был впервые перенесен из религиозно-мистической в практическую плоскость так, чтобы это не сводилось к их насильственному подчинению имперскому центру.

На смену религии пришло новое мировоззрение, которое воплотилось в трех фундаментальных установках. Во-первых, человек физически и духовно совершенен, занимает привилегированное место в природе и призван стать ее «хозяином и властителем» (Р. Декарт). Во-вторых, каждый индивид есть «микрокосм» (Леонардо да Винчи), а потому принадлежность к роду наделяет всей полнотой способностей и прав независимо от этнических, сословных и прочих различий. В-третьих, человеческий разум способен преобразить созданный Богом мир, сделав его «значительно более прекрасным» и перестроив «гораздо большим вкусом» (Дж. Манетти).

Из этих установок в последующем созрело убеждение, что человек не создан по чужому образу и подобию, не произведен и не

подсуден верховному арбитру: его дух, мышление, воображение и воля суть высшие реальности развивающегося мира.[7, с.167-168]

3. От агрессии к другим на агрессию внутри себя

Постепенное распространение критического мышления и атеизма привело к тому, что в 1919 году была образована первая в истории международная организация, принципиально не направленная против третьих сил (Лига Наций), и в ее документах отчетливо зафиксировано, что война - это не нормальная деятельность государства, не продолжение политики, а катастрофа.

Хотя Лига Наций не смогла воспрепятствовать началу мировой войны, мысль о возможности ликвидировать войну как форму политического бытия постепенно становилась достоянием массового сознания, и к 1960-ым превратилась в реальность.

Создание атомного оружия сделало очевидным для всех тот факт, что больше войны более невозможны. Локальные конфликты еще возникают на периферии цивилизаций, но уже не играют принципиально важной роли. Массовое сознание привыкает к мирному решению проблем, к возможности договариваться, а значит учитывать точку зрения оппонента, встать на его позицию.

Следует признать, что десятилетия напряженного ожидания конфликта между двумя сверхдержавами послужили мощным импульсом к осознанию планетарного единства и к становлению общечеловеческих ценностей. С 1960-70х годов предметом общественного внимания сделалась глобальная экология и гуманизм. Образовались международные организации качественно нового типа, предназначенные для согласования хозяйственной политики, защиты экосистем, контроля над мирным использованием атомной и прочей энергии.

В идеале такие организации принципиально неконфронтационны (объединяющим мотивом служит образ общей опасности, но не общего врага) и являются уникальными детищами XX века.

Глобальные последствия этой грандиозной работы, психологические и практические, трудно переоценить.

Прежде сочувствие к трагедии лично незнакомых людей (не являющихся при этом «братьями» по вере или по крови, которых обижают «чужаки») оставалось уделом тонкого слоя гуманистической интеллигенции и не принимало массового характера.

Теперь же нас шокирует высокая (5 - 7%) детская смертность в африканских странах, а самые отчаянные лично отправляются помогать голодающим или страдающим от эпидемии. При этом мы редко вспоминаем, что каких-нибудь двести лет назад в наших собственных странах детская смертность была значительно выше, а продолжительность жизни - ниже.

Нас потрясают дикие случаи семейного насилия, убийства детей, столкновения на этнической и расовой почве, потому что они стали носить исключительный характер, вызывая широкий общественный резонанс.

Снижается порог чувствительности к насилию, равно как к смерти вообще, к своей и к чужой боли, к грязи, к дурным запахам и т.д.

Сегодня многие готовы объявить «убийством» внутриутробные аборты по медицинским показаниям, тогда как прежде люди во всех региональных культурах терпимо относились к многообразным практикам «постнатального аборта» - умерщвления родителями «ненужных» младенцев.

В некоторых современных странах мать, отшлепавшая расшалившегося ребенка, рискует предстать перед судом и быть лишенной родительских прав. А единичные случаи более жестокого насилия в семье, растиражированные СМИ, становятся темой массового пристрастного обсуждения.

Локальное боестолкновение или теракт, в которых гибнут десятки людей, остро переживаются сотнями миллионов на далеких континентах и, растиражированные в телесюжетах, служат поводом для заявлений о «чудовищном росте жестокости в современном мире».

Между тем, все те единичные события насилия, которые вызывают теперь беспокойство и тревогу, когда-то были обыденными и повседневными.

В результате мы видим, что чем становится выше убойная сила оружия, тем чувствительнее становится общество к проявлениям насилия.

Возрастание чувствительности к насилию происходит из-за того, что с помощью современных средств массовой информации человек приучается ставить себя на место другого. Поэтому показанные в новостях боль и горе матери, потерявшей ребенка, мгновенно становятся болью и горем миллионов женщин.

Современный человек в течение одной телепередачи может почувствовать эмоции нескольких десятков персонажей, и в какой-то мере примерить их на себя, встать на их место.

Однако эти примерные роли не только делают его более чувствительным к проявлению насилия, но и служат источником конфликтов внутри его личности, источником неврозов.

По данным Всемирной организации здравоохранения, число больных неврозами за последние 65 лет выросло в 24 раза [2].

Таким образом за благо для всех (повышение миролюбивости общества, нетерпимость к насилию) человек расплачивается повышением конфликтности внутри собственной личности (конфликты между частями собственного "Я").

Этот факт очень образно подметил Г.К.Честертон, писавший, что если в античные времена весь город мог думать, как один человек, то современный Homo Sapiens скорее сам напоминает город, объятый войной. [9]

Агрессия, которая когда-то ранее направлялась на незнакомцев, затем на иноверцев, теперь отыгрывается человеком внутри самого себя и проявляется в виде конфликтов разных частей "Я". Это приводит к резкому росту неврозов и психосоматических заболеваний.

Психотерапия современного человека нуждается в особых подходах, выходящих за рамки традиционных, существовавших в начале или середине XX века. Подробное описание этих новых подходов изложено в [6] в главе "Постмодернистская психотерапия".

Список литературы:

1. Берзин Э.О. Вслед за железной революцией / Э.О. Березин // Знание - Сила. - 1984. - №8. - С.33-35.
2. Вейн А.М. Неврозы (клинико-патогенетические аспекты, диагностика, лечение и профилактика). / А.М. Вейн, О.А. Колосова, Н.А. Яковлев. - М.: Наука. - 1995. - 231 с.
3. Вигасин А.А. Мудрецы Древнего Китая / А.А. Вигасин // Древний мир глазами современников и историков. Часть I. Древний Восток. - М.: Интерпракс. - 1994. - С.183 - 207.
4. Древние цивилизации / Ред. Г.М. Бонгард-Левин. - М.: Мысль. - 1989.
5. История Древнего мира. Упадок древних обществ / Ред. В.Д. Неронова. - М.: Наука. - 1989.
6. Короленко Ц.П. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире: - Монография / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. - Новосибирск: Изд. НГПУ. - 2009. - 248 с.
7. Марков А.В. Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или "вирус мозга"? / А.В. Марков // Историческая психология и социология истории. - 2009. - № 1. - С.45-56.

8. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии / А.П. Назаретян. – М.: Издательство ЛКИ. – 2008. – 256 с.
9. Честертон Г.К. Книга Иова / Г.К. Честертон // Мир Библии, 1993. – № 1. – С.32 – 36.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат. – 1991.

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОЙ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ АДДИКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Фридгант Д.Л.

соискатель кафедры психологии личности и спец. психологии НГПУ

Дмитриева Н.В.

доктор психол.наук, профессор, зав.кафедрой психологии личности и спец. психологии НГПУ

E-mail: dnv2@inbox.ru

Семья и гармоничное взаимодействие внутри этой системы является одним из важных факторов, профилактирующих возникновение аддиктивной идентичности личности. Известно, что первый жизненный опыт человек приобретает в семье, и от того, как сложатся взаимоотношения в этой сфере, будут зависеть способы и принципы поведения с другими людьми.

Семейная жизнь ребенка имеет особое значение для формирования психоэмоционального статуса в первые семь лет после его рождения. Эту часть жизни ребенка можно подразделить на периоды: 1) первый год после рождения до конца первого года; 2) от конца первого года до начала третьего года; 3) от начала третьего года до конца пятого года; 4) от пятого года до конца седьмого года. На протяжении данного периода жизни ребенка формируется его психотип, усваиваются обычаи и привычки местности и семьи, и поэтому этот период оказывает большое влияние на жизнь человека и оставляет почти неизгладимый след на всем его будущем существовании, а хорошо налаженные семейные взаимоотношения - вопрос выживания, вопрос жизненной важности) [4].

Известно, что существуют два типа семей: зрелая (функциональная) и проблемная (дисфункциональная). Каждая зрелая семья живет своей особой и неповторимой жизнью, хотя можно найти много общего в том, как строятся отношения в таких семьях.

Дисфункциональные семьи, независимо от характера проблемы, также во многом похожи друг на друга.

Зрелая семья способна к продуктивному и согласованному планированию своей жизни, допуская возможность внесения изменений. Члены зрелой семьи способны адекватно реагировать на различные жизненные ситуации. Родители ощущают себя лидерами - вдохновителями, а не авторитарными руководителями. В зрелых семьях, по мнению Сатир, царит атмосфера естественности, честности и любви. В таких семьях люди умеют слушать друг друга. Члены зрелой семьи не скрывают своих чувств, самооценка детей не страдает, даже если случается какая-то неприятность. Поведение родителей не расходится с их словами. В зрелых семьях родители стараются понять причины неправильного поведения ребенка, понимая, что дети берут пример со своих родителей, а разрешение проблем может носить творческий характер.

В проблемных семьях все происходит наоборот: родительские наставления входят в противоречие с их конкретными поступками. Например, призывая детей не обижать и не огорчать друг друга, родители наказывают их за малейшие проступки или шалости. В проблемных семьях трудно заметить проявления дружеского расположения между членами семей. Дисфункциональные семьи порождают людей с низкой самооценкой, что нередко приводит к душевным болезням, алкоголизму, наркомании и другим аддикциям.

Большую роль в становлении здоровой идентичности ребенка играют так называемые семейные правила. Эти стереотипы, идущие из раннего опыта, напрямую влияют на будущее поведение личности. Научение ребенка выбору неадекватных установок приводит к конформности и несамостоятельности, попытка же обрести свободу в выборе может обернуться чувством тревоги из-за страха потерять родительскую любовь. Основная задача этих правил - контролировать способы взаимоотношений в семье. Они сохраняют положение вещей в равновесии, если каждый играет свою игру. Один из способов усвоения этих правил – это переживание детьми тревоги. Тревога — неприятное чувство, и для того, чтобы его избежать, ребенок поступает так, как желают родители.

Существующие в семье негласные правила не обсуждаются. Если же они упоминаются, то могут даже отрицаться наиболее приверженными к ним. Например, в некоторых семьях не принято быть сердитыми, но вполне приемлемо впасть в депрессию. Об этом не задумываются, но правило таково: когда события развиваются не

так, как хотелось бы ты не можешь сердиться, но можешь расстраиваться [3].

В некоторых семьях неприемлемо проявление чувства печали. Правило гласит: старайся выглядеть счастливым и сохраняй на губах улыбку. Есть семьи, где неприемлемы споры. От членов семьи ожидается, что они всегда должны жить в согласии друг с другом. Правило в этом случае таково: если ты сердисься, уйди, остынь и возвращайся с улыбкой. В других семьях конфликт является единственным способом взаимоотношений. Согласно установленному в таких семьях правилу, лучше проявлять недовольство, проявляя таким образом свое внимание, чем быть холодным и безразличным.

Родители могут использовать физическое или психологическое наказание тогда, когда ребенок нарушает установленные в семье правила. Психологическое наказание - это лишение ребенка своей любви или угроза такого лишения. Это наказание основано на страхе быть покинутым, который присущ каждому ребенку [2].

В различных видах угроза покидания используется для контроля многих аспектов поведения ребенка. Последний настолько нуждается в своих родителях, что готов лучше подавить в себе то, что родители считают неприемлемым, чем испытывать тревогу. Именно так ребенок усваивает, что проявлять свои эмоции опасно. Дальнейший запрет на проявление эмоций, способствует развитию эмоциональной уплощенности, являющейся одним из условий возникновения аддиктивной идентичности.

Следующим способом преодоления тревоги является переживание детьми психического состояния родителей. На этот факт обратил внимание К.Г. Юнг [6]. Автор пишет, что дети тонко чувствуют даже неявные конфликты между родителями, при этом принимая чувство ответственности на себя. Данные наших исследований показали, что этот способ преодоления тревоги, наряду с материнской депривацией, является причиной возникновения аддиктивной идентичности [1].

Известный отечественный психиатр А.Е. Личко выделяет несколько типов неправильного семейного воспитания, которые подпитывают ту или иную акцентуацию характера. Например, гипопротекция или недостаток контроля за поведением ребенка крайне опасна при акцентуации по неустойчивому и конформному типам. При этом данный стиль не окажет особого влияния на поведение сензитивного или психастеничного юноши. Доминирующая гиперпротекция (чрезмерная опека) вредна для гипертимных

подростков, так как усиливает реакцию эмансипации, у психастеников и сензитивов вызывает нерешительность, несамостоятельность и неуверенность в себе. Воспитание по типу “кумира семьи” (чрезмерное восхищение ребенком) нежелательно при истероидной акцентуации, так как может довести до психопатии. Эмоциональное отвержение (воспитание по типу ”Золушки”) оказывает негативное влияние на гипертимного подростка, которыйотреагирует бурной реакцией эмансипации. Ощущение неискренности в общении и недостаток эмоционального тепла заставит шизоида еще больше “уйти в себя”. Воспитание в стиле жестоких взаимоотношений (расправы за мелкие проступки, “срывание зла” на ребенке, отсутствие поддержки) особенно пагубно повлияет на эпилептоидного подростка, и так предрасположенного к агрессивности и несдержанности инстинктивной сферы. Автор отмечает, что наиболее опасным является противоречивое воспитание, когда мнения и подходы родителей не совпадают и члены семьи конкурируют между собой. Например, мать чрезмерно опекает ребенка, а отец придерживается условий жестких взаимоотношений, или наоборот. Мы считаем этот фактор одним из основных условий возникновения аддиктивной идентичности [1].

Учитывая взаимосвязь когнитивных и эмоциональных процессов, мы полагаем, что убеждения и установки, сформированные в период взросления, оказывают существенное влияние на психо-эмоциональную стабильность личности в будущем.

Представитель школы транзактного анализа Томас А.Харрис (2006) описывает центральную эмоциональную установку, которая формируется в раннем периоде онтогенеза. Всякий раз, когда центральная эмоциональная установка болезненна, человек может потратить всю жизнь, защищая себя от неприятных переживаний, используя сознательные и бессознательные приемы [2]. Согласно теории транзактного анализа, можно выделить четыре жизненные установки, которых придерживается личность относительно себя и других: у меня неблагополучно – у вас благополучно, у меня неблагополучно - у вас неблагополучно, у меня благополучно – у вас неблагополучно, у меня благополучно - у вас благополучно. Очевидно, что психо-эмоциональное благополучие зависит от того, какой установки придерживается человек. Причем первая установка формируется в первый год жизни и может измениться только под влиянием сознания. Эта установка управляет всей деятельностью человека и сохраняется на всю жизнь, пока он сознательно не сменит ее на четвертую установку. Самой неудачной, по мнению автора,

является установка “у меня неблагополучно – у вас неблагополучно”. При такой установке люди страдают аутизмом и остаются психологически не рожденными. Инфантильный аутизм является реакцией на катастрофический стресс во внешнем мире, где нет никакой ласки и одобрения. Автор делает вывод о наличии фактора, который приводит к аутизму. По его мнению, это ненакопленный опыт положительных телесных и эмоциональных “поглаживаний”, который делает ребенка, а впоследствии и взрослого человека невосприимчивым к эмоциональному и психологическому принятию. Успешное достижение психо-эмоционального благополучия зависит от того, насколько будет развит взрослый компонент. Только “освобожденный взрослый” может решать конструктивно возникающие проблемы, только развитое, прочное Эго, как центральная часть личности в понимании современного психоанализа, может сопутствовать личностному и психологическому росту и формированию зрелой идентичности. Настоящее окружение и опыт прошлых поколений как код ДНК оставляют след в нашем подсознании в виде убеждений, установок, сценарных предписаний. Например, если ребенку внушали, что “из него ничего не выйдет”, то эта фраза автоматически передается в его подсознание, более того, в подсознание его детей, если они не научатся относиться к этим словам с недоверием [2].

Одним из факторов, влияющим на формирование психо-эмоционального благополучия личности, является порядок рождения и ролевая позиция ребенка в семье.

З.Фрейд [5] был первым из психиатров, заметивших, что позиция ребенка среди братьев и сестер во многом определяет его последующую жизнь и будущие индивидуальные характеристики. Исследователь отмечает, что большинство старших детей приобретают многие родительские качества. Они умеют быть воспитателями, способны принимать на себя ответственность, выполнять роль лидера (больше половины президентов США были старшими сыновьями). Старшие дети ориентированы на успех в любой деятельности: они могут выбрать профессию священника или, как, например Гитлер, стать маниакальным мировым лидером. Упор на высокие достижения делают старшего ребенка более чувствительным и серьезным, он обычно упорно трудится, всегда добросовестен, хотя и не любит критику в свой адрес.

Пол и количество младших братьев и сестер играют значительную роль в развитии личности ребенка. Если дети разного пола, описанные характеристики будут отличаться и варьироваться.

Если все младшие дети одного пола, особенно если их двое или больше, указанные качества усиливаются [2]. Автор полагает, что в менее выгодной ролевой позиции оказывается средний ребенок. Ему сложно определиться в жизненной и личностной позиции, т.к. он усваивает характеристики как старшего, так и младшего ребенка и вынужден соревноваться с ними. В результате средний ребенок может колебаться между попытками походить на старшего и снова вернуться к роли опекаемого младенца, не имея твердых ориентиров для выявления своей собственной индивидуальности. Средние дети в зрелом возрасте менее способны проявлять инициативу и мыслить независимо. Мотивация достижения у них, как правило, низкая и вместе с тем они более расположены к разного рода зависимостям. Младший ребенок так же, как и единственный, никогда не был травмирован появлением новорожденного. Независимо от мотивации, родители ожидают от младшего ребенка гораздо меньше и оказывают на него меньшее давление, поэтому он меньшего достигает. Он обычно лишен самодисциплины, испытывает трудности в принятии решений и рассчитывает на то, что кто-то старший и мудрый позаботится о нем. Несмотря на свою склонность к бунту против авторитетов, младший скорее будет последователем, чем лидером. Единственный ребенок более чем какой-либо другой, наследует характеристики родителя одного с ним пола. Такой ребенок имеет более высокий уровень самооценки, чем старший ребенок, и имеет меньшую потребность контролировать других. Уровень мотивации достижения у него крайне высокий, и он очень расстраивается, если у них что-либо не получается. Не имея опыта общения со сверстниками, единственные дети на протяжении всей жизни будут более комфортно чувствовать себя в одиночестве.

Учет данной концепции позволит, с нашей точки зрения, не только анализировать личностные характеристики аддиктов, но и прогнозировать влияние ролевых позиций на характер взаимоотношений супругов.

Мы полагаем, что социальная неудовлетворенность также является условием возникновения аддиктивной идентичности.

Включенность в какую-либо совместную деятельность оказывает существенное влияние на общее психологическое состояние человека. Согласно положению отечественной психологии относительно видов деятельности человека, любая деятельность существует на уровне потребности, то есть витальной (жизненной) необходимости. Следовательно, если человек не имеет возможности реализовать себя в какой-либо деятельности, будь то игра, учеба или

работа, он испытывает стресс или фрустрацию, порождающие развитие аддитивного радикала личности.

Известно, что одним из серьезных для личности психотравмирующих событий является потеря работы, выход на пенсию или временная нетрудоспособность. Длительное воздействие данного фактора приводит не только к эмоциональным, но и соматическим расстройствам, уход от которых может осуществляться посредством использования аддиктивного агента.

А. Адлер [3] обращал особое внимание на проявления социального интереса (общественного чувства) у личности. Автор упоминает, что все неудачники – “продукты” неправильной подготовки в области общественного чувства. Все они - неспособные к сотрудничеству одинокие существа, существа в большей или меньшей степени асоциальные. Одна из главных идей адлеровской психологии состоит в том, что человеку необходимо развивать кооперативное поведение. Действительно, с точки зрения эволюции, способность кооперироваться означает совместную деятельность. Коллективная работа является одним из факторов выживания человека и наиболее эффективной формой приспособления к среде. Человек, сотрудничающий с людьми, никогда не станет ни невротиком, ни аддиктом.

Одним из факторов эмоционального благополучия является удовлетворенность работой, вовлекаясь в которую социальные контакты личности расширяются и создаются возможности для самореализации. Низкий уровень удовлетворенности работой соотносится с высокой степенью обеспокоенности, депрессией, психосоматическими симптомами и сердечными заболеваниями. Исследователи отмечают, что удовлетворенность теми, кто руководит работой, является также источником социального удовлетворения, однако более значимо чувство удовлетворения от общения с сотрудниками. Рабочие, имеющие дружеские связи на работе, меньше подвергались стрессу и другим неблагоприятным воздействиям. Другие работы автора подтвердили влияние социальных компонентов на психическое здоровье человека. Выяснилось, что фактор межличностных взаимоотношений является одним из основных, наряду с зарплатой и самим процессом труда.

Общение с сотрудниками значительно влияет на самооценку, ощущение собственной значимости и компетентности, а также способствует достижению поставленных целей [3]. Те, кто не имеет работы, имеет более низкие показатели психического здоровья, они более подвержены депрессии. В ходе исследований было выявлено,

что среди безработных много разводов и высок процент эмигрантов. Известно, что доходы безработных понижаются, однако и в тех случаях, когда доходы одинаковы, работающие все равно более счастливы, чем безработные. Безработные более склонны к самоубийствам, и вероятность того, что они станут алкоголиками, гораздо выше.

Длительность безработицы также оказывает существенное влияние на психический статус личности. Отчаяние усиливается в течение первых месяцев, затем постепенно стабилизируется. Долгое отсутствие работы наихудшим образом сказывается на мужчинах в возрасте от 40 до 50 лет. Возраст и пол также влияют на проявления эмоциональных нарушений, в связи с отсутствием работы и социальных контактов. Мужчины среднего возраста страдают от безработицы в большей степени, чем молодые и пожилые. Однако, независимо от возраста мужчины тяжелее переносят потерю работы, чем замужние женщины и женщины - одиночки. Существуют, однако, индивидуальные различия в восприятии людьми факта отсутствия работы. Тем, кто привык всю жизнь трудиться, временная безработица причиняет сильные страдания. Особенно уязвимыми являются те, кто считает, что ценность личности определяется выполняемой работой. Негативное влияние безработицы на психику, физическое здоровье и ощущение счастья снижается для тех, кто получает ощутимую социальную поддержку от супруга или супруги, семьи или друзей. В настоящее время безработицу можно рассматривать как признак неудачи, как социальное клеймо, как вариант отклонения от нормы. Если человек не может найти никакой работы, у него возникает ощущение неполноценности, он считает, что отличается от всех окружающих, что с ним не все в порядке. У человека, который лишен социальных контактов, страдает самооценка и искажается Я – концепция, поскольку в основном личность оценивает себя с точки зрения выполняемой работы, а быть безработным – значит, потерять один из компонентов образа своего Я [3].

Известно, что досуг является для большинства людей источником удовлетворения, но меньшим, чем работа или семья. Досуг оказывает воздействие на брак и другие виды социальной жизни, которые являются важными источниками благополучия. Быть эмоционально здоровым с точки зрения современного общества - значит: вступить в брак, иметь детей, поддерживать связи с родственниками, быть в хороших отношениях с окружающими людьми. Для успешной реализации этого положения необходимы определенные навыки. Например, людям, которым трудно

знакомится или заводит себе друзей, следует овладевать искусством вызывать интерес и симпатию, умением передавать положительные невербальные сигналы и изучать нормы дружеского общения.

Выделенные нами факторы, влияющие на психоэмоциональное благополучие личности, представляют собой часть взаимозависимой и взаимодополняющей системы. Ослабление или усиление одного из них является предпосылкой возникновения аддиктивной идентичности.

Список литературы:

1. Дмитриева Н.В., Белобрыкина О.А. Влияние аддиктивной идентичности на адекватность восприятия времени и длительность жизненной проекции // Актуальные проблемы развития и образования личности. Сборник научных трудов. Часть 1. Новокузнецк, РИО НГПИ, 2001.
2. Харрис Т.Э. Я – о'кей, ты – о'кей / Пер. С англ. – М.: Академический проект, 2006. – 2006. – 368с.
3. Adler K. (1958) Life Style in Schizophrenia. Journal of Individual Psychology. 14, 68-72.
4. Erikson E. (1968) Identity: Youth and Crisis. New York: Norton.
5. Freud S. (1916) Introductory Lectures on Psychoanalysis. In: SE., 25, London: Hogarth, 34.
6. Jung C.(1974) Dreams London: Routledge and Kegan Paul, 9–11.

ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ БОЛЬНЫХ ХРОНИЧЕСКИМ АЛКОГОЛИЗМОМ

Цветков А.В

к.псх.н., доцент МГОУ, г. Москва

Фоминова Е.В.

МГОУ, г. Москва

E-mail: ats1981@gmail.com

Проблема структуры сознания является ключевой для философии и психологии, в том числе – в экспериментальном направлении. Одним из способов изучения структуры сознания в норме традиционно (со времен З. Фрейда) являются патологические состояния – неврозы, психозы, состояния, связанные с органическими поражениями мозга. *Целью* настоящей работы является изучение изменений самосознания у больных хроническим алкоголизмом.

Как пишет В.П. Зинченко [2], в структуре сознания можно выделить два слоя – бытийный (или «сознание для жизни» по Л.

Фейербаху) и рефлексивный («сознание для сознания»). Развивая концепцию А.Н. Леонтьева, автор видит структуру этих слоев в виде чувственной ткани образа и биодинамической ткани движения (бытийный слой), значение и смысл – рефлексивный слой.

Под биодинамической тканью В.П. Зинченко понимает доступную внешнему наблюдению форму произвольных целесообразных движений и действий, которые представляются избыточными по отношению к свернутой схеме (образу) движения, интериоризуемой в процессе обучения и развития индивида. Чувственная ткань – совокупность сенсорных признаков объекта, на основании обобщения которых строится образ-представление. При анализе понятия «значение» В.П. Зинченко прибегает к классификации операциональные-предметные-вербальные значения, указывая, что первые связаны в большей степени с движениями и действиями субъекта, вторые – с восприятием и предметными образами-представлениями, третьи – с понятийным мышлением и смыслообразованием. Смысл, по А.Н. Леонтьеву, это «значение для себя», в смысле выражается отношение субъекта к явлению окружающего предметного или социального мира.

Для целей проводимого нами эмпирического исследования необходимо учитывать, что биодинамическая ткань и значения полностью, по мнению В.П. Зинченко, доступны внешнему наблюдению, в то время как смысл и чувственная ткань лишь частично могут быть отражены при помощи косвенных методик – анализа продуктов деятельности, самоотчетов, клинической беседы (например, в ходе психотерапии), искажений в деятельности. Важным представляется и гетерогенность слоев, относительность их разделения, связанная с общностью опыта субъекта и культурно-исторической ситуации формирования сознания.

Схема сознания, изложенная В.П. Зинченко, в отношении самосознания была дополнена В.В. Столиным [3], который указал, что смысл «Я» порождается как отношение к мотиву адекватных их достижению качеств субъекта и оформляется в системе значений (когнитивный аспект) и эмоциональных переживаний. Таким образом, именно смысл «Я», содержащий когнитивную, эмоциональную и отношенческую компоненты является единицей самосознания, связанной при этом с активностью субъекта протекающей вне сознания – в реальной социальной среде.

Таким образом, можно заключить, что знак и символ (как носители, соответственно, значения и смысла) являются теми «ключами» к ткани сознания и самосознания, которые позволят

эмпирически изучать эту скрытую от непосредственного наблюдения реальность.

В качестве метода анализа знаково-символической деятельности нами был избран ассоциативный эксперимент, который, как указывает В.П. Белянин [1], является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики, позволяя вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов, кроме того, ассоциации зависимы от культурно-исторических традиций народа и позволяют приблизиться к обозначенному В.В. Столиным социальному контексту деятельности.

В качестве *экспресс-методики* изучения знаково-символической деятельности нами были отобраны следующие пробы: 1. образный ассоциативный тест, выполняемый на бланках формата А4, разделенных на 8 равных квадратов, с инструкцией подписывать нарисованное, 2. проба «Эталоны» – нарисовать и назвать как можно больше предметов, содержащих части определенной формы (круг, квадрат, треугольник). Выполняется на бланках формата А4, разделенных на три части, в верхнем левом углу каждой из которых изображен эталон геометрической фигуры. На выполнение обеих проб отводится 3 минуты. 3. Вербальный ассоциативный тест – ненаправленный (любые слова, кроме имен и названий городов, улиц); существительные; глаголы; фрукты. На каждую серию отводится 1,5 минуты. При этом появляется возможность сопоставить продуктивность испытуемого в пробах с ненаправленным ассоциированием (любые слова, любые образы), и тех, где его активность направляется строгой инструкцией (глаголы, «Эталоны») – т.е. выделить ориентировочный компонент деятельности. Кроме того, проба «фрукты» дает возможность исследовать сохранность процесса категориального мышления больного. Самосознание исследовалось при помощи созданной В.В. Столиным и С.Р. Пантилеевым *Методики изучения самооотношения (МИС)*, отражающей взгляды авторов на структуру самооотношения и представляющая собой стандартизированный опросник, состоящий из 110 утверждений и 9 шкал, направленных на исследование внутренней динамики самосознания, структуры и специфики отношения личности к собственному «Я»:

Шкала 1: закрытость – открытость (14 пунктов). В шкале выражено глубокое или поверхностное проникновение в себя, открытое или закрытое (защитное) отношение к себе. *Шкала 2*: самоуверенность (14 пунктов). Данный фактор задает отношение к себе как уверенному, самостоятельному, волевому и надежному человеку, которому есть за

что себя уважать. *Шкала 3*: саморуководство (12 пунктов). Данный фактор отражает представление о том, что основным источником активности является сам субъект.

Шкала 4: отраженное самоотношение (11 пунктов). Содержание данного фактора отражает представление субъекта о том, что его личность, характер и деятельность способны вызывать у других уважение. *Шкала 5*: самооценность (14 пунктов). Данный фактор хорошо соотносится с выделяемыми многими исследователями измерениями «Я как ценность». *Шкала 6*: самопринятие (12 пунктов). В основе фактора лежит чувство симпатии к себе. *Шкала 7*: самопривязанность (11 пунктов). По своему психологическому содержанию данный фактор отражает легкость или трудность изменения индивидом представления о себе. *Шкала 8*: внутренняя конфликтность (15 пунктов). Содержание связано с наличием внутренних конфликтов, сомнений, несогласия с собой. *Шкала 9*: самообвинение (10 пунктов). В него входят пункты, связанные с интрапунитивностью, самообвинением, отрицательными эмоциями в адрес «Я».

Гипотезы исследования:

1. Наблюдаются расхождения в структуре самоотношения больных алкоголизмом и здоровых лиц.
2. Наблюдаются специфические, связанные с изменениями самосознания, изменения знаково-символической деятельности у больных алкоголизмом.

Выборка: в исследовании приняли участие больные алкоголизмом 2 стадии, 12 человек (7 мужчин и 5 женщин) в возрасте от 23 до 40 лет (средний возраст – 31 год), находящиеся на диспансерном учете в наркологическом диспансере №10 г. Зеленограда. Контрольную группу составили 12 человек (6 мужчин и 6 женщин), не страдающих алкогольной зависимостью (средний возраст – 29 лет, минимальный возраст – 21 год, максимальный – 40 лет). Группы выровнены по образовательному статусу, все испытуемые имеют среднее специальное образование.

Результаты (больные/здоровые):

Образные ассоциации – 7,25/7,83; среднее количество семантических групп в образных ассоциациях – 1,00/1,41; проба Эталоны – 9,16/6,92; «любые слова» - 14,33/15,92; существительные – 13,00/14,75; глаголы – 11,58/12,92; фрукты – 9,33/10,33; МИС шкала №1 – 5,50/4,91; МИС шкала №2 – 4,41/4,91;

МИС шкала №3 – 7,00/5,67; МИС шкала №4 – 3,67/4,08; МИС шкала №5 – 4,00/3,16; МИС шкала №6 – 5,41/6,25; МИС шкала №7 – 3,58/5,58; МИС шкала №8 – 6,08/4,83; МИС шкала №9 – 5,41/4,41.

Результаты исследования знаково-символической деятельности больных алкоголизмом наглядно выявляют следующие феномены: наибольшее (относительное) снижение отмечается в пробах, требующих выполнения сложной инструкции – это «Эталоны» (инструкция по поиску образа, схожего с образцом), фрукты и в меньшей степени – глаголы; в ненаправленных образных ассоциациях больные действуют почти вровень со здоровыми за счет почти полуторакратного снижения семантизованности материала (когнитивная стратегия приобретает хаотический характер). В МИС наибольшие различия получены по шкале №3 (саморуководство) – больные показывают более высокие результаты, будучи более уверенными в том, что все происходящее с ними есть результат их собственной активности; по шкале №5 (самоценность) – у больных также более получены более высокие результаты по данной шкале; по шкале №7 (самопривязанность) больные демонстрируют готовность к изменениям в собственной личности и по шкале №8 (внутренняя конфликтность) – несколько большую конфликтность «Я» (впрочем, в рамках тестовой нормы), чем группа здоровых.

Складывается противоречивая картина: по результатам диагностики знаково-символической деятельности больные алкоголизмом отстают по всем показателям, в то же время в их самоотношении мы видим в некотором роде «сверхнормативную» картину.

Для прояснения этого парадокса был проведен однофакторный дисперсионный анализ, направленный на выявление связей между пробами на исследование знаково-символической деятельности и методикой самоотношения.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа (по алгоритму ANOVA) по влиянию познавательных процессов (на модели ассоциаций) на распределение результатов по методике исследования самоотношения (МИС) Образные ассоциации – больные: МИС1 (0,052), МИС5 (0,052), любые слова (0,039); у здоровых – нет значимых связей. Проба Эталоны – больные: глаголы (0,071); здоровые: МИС2 (0,029), МИС7 (0,026), МИС8 (0,081). Любые слова – больные: средний размер семантической группы в образных ассоциациях (0,007), образные ассоциации (0,007), существительные (0,023); здоровые – средний размер семантической группы в образных ассоциациях (0,001); существительные (0,056), проба Эталоны (0,023).

Существительные – больные: глаголы (0,073); здоровые – МИС8 (0,073), любые слова (0,082), образные ассоциации (0,12). Глаголы – больные: МИС9 (0,018), средний размер семантической группы в образных ассоциациях (0,034), любые слова (0,014), образные ассоциации (0,034), существительные (0,13), проба Эталоны (0,05); здоровые – МИС1 (0,071), МИС4 (0,048), МИС9 (0,067), проба Эталоны (0,064). Фрукты – больные: существительные (0,023), глаголы (0,096); здоровые – МИС9 (0,067), существительные (0,09), глаголы (0,087).

Следует обратить внимание на различную структуру связей в группе больных и здоровых испытуемых. Так, у больных существенная «нагрузка» приходится на пробу ненаправленные образные ассоциации, в то время как у здоровых лиц эта проба не задействована. Обратная ситуация – с пробой «Эталоны», отражающей более высокий, символический уровень регуляции (следует помнить, что выполнение этой пробы особенно тяжело дается больным) – у больных с Эталонами связана только проба на глагольные ассоциации, тогда как у здоровых – большая группа шкал МИС. У больных связь слова (проба «Любые слова») и символического уровня регуляции (с пробой Эталоны) утрачивается, сохраняется лишь связь с непосредственными образными ассоциациями (т.е. с образом-представлением более низкого уровня). Также у больных пропадает связь номинативной функции речи (проба «существительные») с внутренней конфликтностью (обозначение различных частей своей личности как разных и порой несовместимых целостностей), и нарушается связь номинативной функции речи с образами-представлениями (проба «Образные ассоциации»), что также может свидетельствовать о разрушении символической системы регуляции. Зато появляется несвойственная здоровым связь номинативной и регулирующей (проба «глаголы») функций речи, что может косвенно подтверждать предположение о переходе больными на речевую систему саморегуляции. Сужается у больных и спектр связей глагольных ассоциаций, отражающих регулируемую функцию внутренней речи. Но самым показательным нам кажется трансформация связей пробы «Фрукты», отражающей категориальное мышление: в норме она связана с внутренней речью и шкалой «самообвинение» по МИС, при патологии – связь с самообвинением исчезает.

Выводы: 1. саморегуляция психической деятельности, которая в норме осуществляется за счет символов, у больных алкоголизмом переходит на вербальный уровень, уровень внутренней речи,

функционирование которого при этом нарушено (в сравнении с нормой), появляются несвойственные норме связи компонентов самосознание с образами-представлениями более низкого уровня и словами;

2. функционирование знаково-символической деятельности больных хроническим алкоголизмом особенно нарушено в пробах, требующих выполнения сложной инструкции.

Список литературы:

1. Белянин В.П. Психолингвистика. – М.: МПСИ, 2003. – 232с.
2. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. – 1991. – №2. – С.15-34.
3. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: МГУ, 1983.

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ У ДЕТЕЙ 9-17 ЛЕТ

Шарапова М.А.

*Аспирантура каф. психофизиологии ребенка РГПУ
им.Герцена, г. Санкт-Петербурга
E-mail: millypretty@yahoo.com*

Сегодня компьютерные технологии создают условия для более раннего, по сравнению со сверстниками, включения детей и подростков в социальную деятельность [1]. Компьютер-это современное орудие труда и производства. Овладев им, наши дети могут участвовать в экономической, культурной, политической и научной жизни. Привлекательность Интернета не только для взрослых, но и для детей еще и в том, что это - уникальное средство коммуникации. Поэтому не случайно более половины школьников, отвечая на вопрос о своих интересах и увлечениях, упоминают Интернет наравне с занятиями спортом, общением со сверстниками, а, зачастую, и чаще [2,3]. Но увлечение Интернетом не так безобидно как кажется. Очень часто родители и не догадываются, сколько на самом деле времени их ребенок проводит в сети и какие сайты посещает. А ведь бесконтрольный доступ порождает массу психических и физических проблем.[4,5]. В настоящее время очень актуальной стала проблема патологического использования Интернета, за рубежом обозначенная еще в конце 80х. Речь идет об «Интернет-зависимости» или «Интернет-аддикции»[9.11]. Термин «Интернет-зависимость» предложил доктор Айвен Голдберг [12] в 1996 году для описания

патологической, непреодолимой тяги к использованию Интернет. Проблема аддикции начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании. Этому процессу будут способствовать биологические, психологические и социальные факторы [8,14].

Объекты наблюдения и методы исследования.

Исследование проводилось на базе кафедры психофизиологии ребенка РГПУ им.А.И.Герцена. Нами была выдвинута гипотеза, что религиозная среда воспитания оказывает влияние на уровень семейного благополучия и предотвращает формирование Интернет - зависимости у учащихся. Поскольку Православие является наиболее распространенной конфессией г. Санкт-Петербурга, то было принято решение обследовать воспитанников именно православных воскресных школ - мальчиков и девочек в возрасте 9-16 лет, (школы Воскресенского Новодевичьего монастыря, Александро-Невской Лавры, Казанского кафедрального собора, Спасо-Преображенского собора.) Полученные результаты сравнивались с данными детей, проходящих обучение в общеобразовательных школах, (школы №143 и 129 Красногвардейского района 5.6 и 10,11классы). а также подростков, посещающих дома детского и юношеского творчества, (ДТЮ на Ленской, хоровая студия " Искра", в которой обучаются мальчики и девочки возраста 9 - 17 лет). Всего в исследовании приняли участие 150 человек, по 50 человек в каждой, из описанных выше, групп.

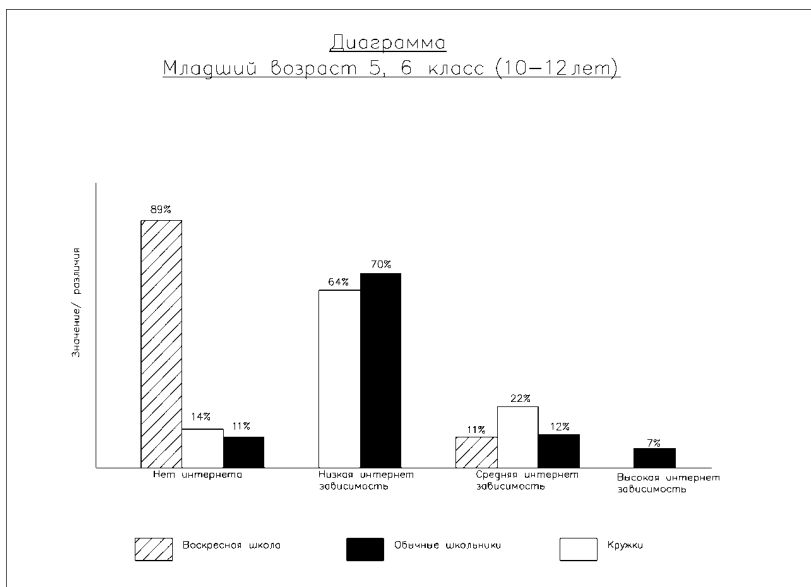
Нами были использованы опросник Кимберли Янг, [13] адаптированный В.А.Лоскутовой (Буровой) [6] на определение наличия и степени Интернет- зависимости у детей и проективная методика «Рисунок семьи», интерпретация А.И.Захарова [7].

Результаты и их обсуждение.

1.Младший школьный возраст дети 10-12 лет,5-6 классы.

В группе детей из воскресных школ 89 % опрошенных не имеют Интернета дома и не пользуются им в повседневной жизни, а также для выполнения домашних заданий. В группе детей из хоровой студии 14 % опрошенных не имеют доступа к Интернету. В группе учащихся общеобразовательных школ лишь 11% опрошенных не имеют Интернета дома и не ходят в Интернет-клубы.

В группе детей из хоровой студии низкая Интернет-зависимость зафиксирована у 64 % испытуемых. В группе учащихся общеобразовательных школ этот показатель равен 70 %.В группе детей из воскресных школ детей с таким показателем не оказалось.

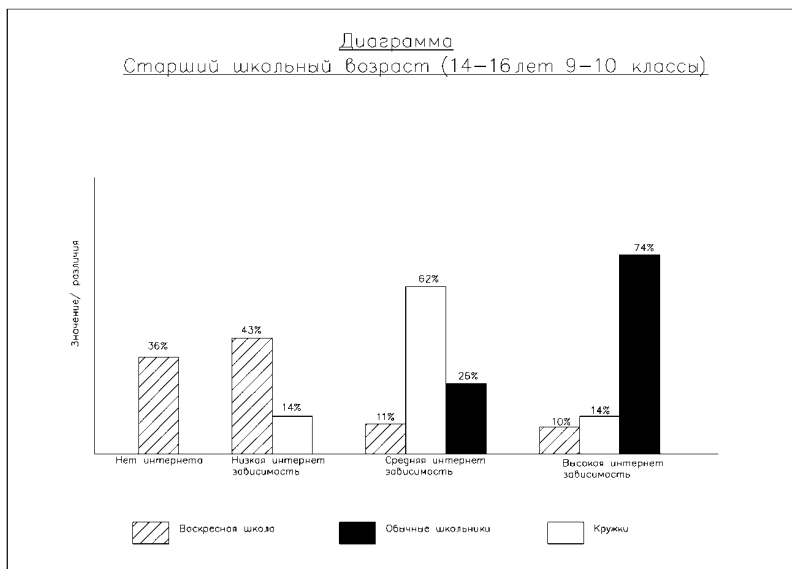
Средняя Интернет-зависимость констатируется у 11 % детей из воскресных школ, у 22 % детей из хоровой студии и у 12 % обычных школьников.

Высокая Интернет-зависимость отмечена лишь в группе обычных школьников у 7% испытуемых. На диаграмме 1 представлены результаты.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: учащиеся воскресных школ начинают осваивать компьютер и приобщаться к Интернету значительно позднее своих сверстников. Школьники общеобразовательных школ самыми первыми начинают осваивать компьютерные программы и Интернет. Помимо очевидных плюсов, таких как более быстрое развитие и приобщение к современному технологическому прогрессу, есть и свои минусы. Очевидно, у детей разная семейная обстановка. Дети из обычных школ предоставлены сами себе, родительский контроль ослаблен, они имеют больше свободы и времени, которые некуда использовать. В то же время, дети из воскресных школ находятся под родительской опекой, имеют меньше самостоятельности, свободное время проводят в кругу семьи или посвящают его духовному саморазвитию. Учащиеся из хоровой студии также, судя по всему, меньше испытывают родительский контроль, однако, они имеют и меньше свободного времени, в связи с посещением кружков.

2. Старший школьный возраст дети 14-16 лет, 9-10 классы.

В группе детей из воскресных школ 36 % испытуемых не имеют Интернета дома и не посещают Интернет-клубы в свободное время. Низкая Интернет-зависимость зафиксирована у 43 % детей из воскресных школ и у 14 % детей из хоровой студии. Средняя Интернет-зависимость констатируется у 11 % детей из воскресных школ, у 62% детей из хоровой студии и у 26 % детей из общеобразовательных школ. Высокая Интернет-зависимость отмечена у 10 % детей из воскресных школ, у 14% детей из хоровой студии и у 74 % детей из общеобразовательных школ. На диаграмме 2 представлены результаты.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: с процессом взросления и вхождением в подростковый период дети всех представленных групп начинают испытывать все большее влияние социума и ориентируются на сверстников и разделяют их приоритеты и ценности. Семья с ее устоями и требованиями постепенно отходит на второй план. Однако, в семьях детей из воскресных школ семейные ценности по-прежнему играют важную роль и определяют жизненный путь ребенка. В группе учащихся из общеобразовательных школ констатируется очень высокий процент Интернет-зависимых детей, что свидетельствует об их большой разобщенности с семьей,

наличии проблем в реальном общении со сверстниками и взрослыми, большого количества свободного времени и отсутствием каких-либо увлечений и хобби в реальном мире. У детей из хоровой студии семья также утрачивает лидирующее влияние, однако, сила привычки и родительский контроль заставляют их посещать кружки, что не оставляет им свободного времени на неконтролируемое времяпрепровождение в Интернете.

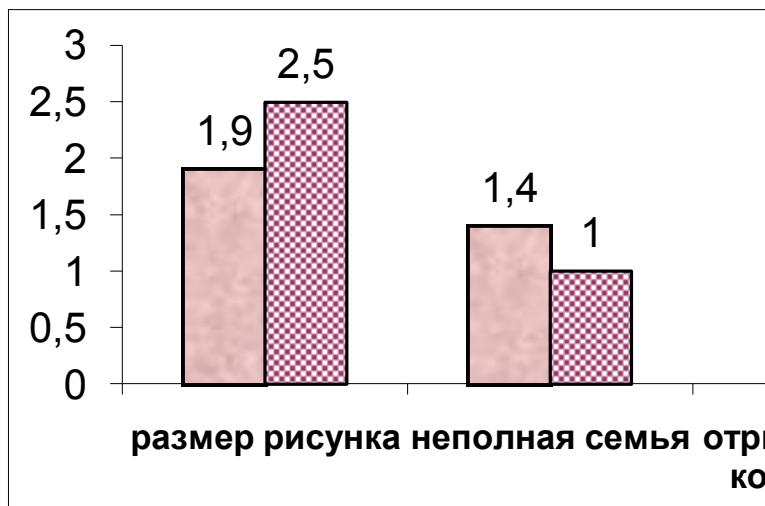
При исследовании ресурсов семьи у учащихся применялась проективная методика «Рисунок семьи». Респондентам было предложено нарисовать свою семью.

При анализе полученных рисунков были использованы следующие диагностические критерии оценки: размер рисунка, количество нарисованных персонажей, присутствие на рисунке одного или двух родителей, присутствие на рисунке братьев и сестер, присутствие других родственников, включая бабушек и дедушек, наличие животных персонажей, расстояние между персонажами, положительные и отрицательные компоненты, отражающие отношение рисующего к семье (улыбки или их отсутствие у персонажей, дополнительные предметы, отражающие настроение участников картины и общее благополучие)

Все качественные характеристики оценивались по трехбалльной шкале, при этом значения «1» означало минимальное проявление признака, значение «3» - максимальное значение признака. Полученные данные были обработаны при помощи U – критерия Манна-Уитни.

В результате проведенного анализа были выявлены следующие различия: школьники обычных общеобразовательных школ имеют в целом менее крупные размеры рисунка семьи, чем учащиеся воскресных школ ($U=46,5$; $p>0,05$). Это может говорить в целом о менее высокой самооценке школьников обычных школ, по сравнению с учащимися воскресных школ.

Диаграмма 3. Значимые различия в рисунках семьи у учащихся общеобразовательных и воскресных школ

Далее, школьники воскресных школ значимо чаще рисовали двух родителей, чем учащиеся обычных школ ($U=44$; $p>0,05$). Полученные данные были подтверждены в процессе беседы с преподавателями.

При этом данные, полученные по результатам анализа отрицательных компонентов рисунка (штриховки, грустные выражения лиц и т.д.) указывают в целом на то, что школьники обычных школ менее благополучны в семейных отношениях, чем учащиеся воскресных школ ($U=40,5$; $p>0,05$).

Анализ различий по другим параметрам рисунков (количество членов семьи, наличие братьев или сестер, бабушек и дедушек, животных, положительных компонентов рисунка, аккуратности исполнения, расстояния между персонажами) не дал значимых результатов.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод о том, что самооценка учащихся воскресных школ несколько выше, чем у учащихся общеобразовательных школ. Также уровень семейного благополучия учеников обычных школ ниже, чем у учащихся воскресных школ.

Наша гипотеза подтвердилась. Религиозная среда оказывает влияние на уровень семейного благополучия и предотвращает формирование различных аддикций, в том числе и Интернет-

зависимости у учащихся. Кроме того, мы можем сделать вывод о том, что семейные проблемы являются одним из факторов, предопределяющих возникновение Интернет- зависимости.

Список литературы:

1. Бурова (Лоскутова) В.А. Интернет-зависимость – патология XXI века? // Вопросы ментальной медицины и Экологии. – 2000. – Т. VI, №1. – С. 11-13.
2. Бурова (Лоскутова) В.А. Феномен интернет-зависимости и психотерапевтические ресурсы // Тезисы докладов Весенней научно-практической конференции ОППЛ. – Москва, 2000. – С. 202.
3. Бурова (Лоскутова) В.А., Есаулов В.И. Механизмы формирования интернет-аддикции // XIII Съезд психиатров России. – Москва, 2000. – С. 290-291.
4. Бурова (Лоскутова) В.А. WWW.ВЫХОДА.NET? // Газета «Известия», тематическое приложение «Телекоммуникации». – 4 мая 2000 года. – №81 (25673). – С. 4.
5. Бурова (Лоскутова) В.А. Кибераддикты среди нас // Газета «Известия», тематическое приложение «Наука». – 25 мая 2001. – №2 (2). – С. 4.
6. Войскунский А. Е. Психологические исследования деятельности человека в интернете // Психологический журнал – 2004. – №1. – С 36–41.
7. Захаров А.И. Неврозы у детей и подростков. – Л.: Медицина, 1988. – 246 с.
8. Короленко Ц.П., Лоскутова В.А. Интернет–зависимость в русскоязычном секторе интернета // Бюллетень СО РАМН. – Новосибирск, 2004. – С. 45–52.
9. Короленко Ц.П., Лоскутова В.А. Основные характеристики интернет-зависимости как формы нехимических аддитивных расстройств // Сборник материалов международной конференции «Игровая зависимость: мифы и реальность» под редакцией Т.Б.Дмитриевой. – Москва, 2007. – С.62–71.
10. Лоскутова В.А. Подходы к терапии нехимических зависимостей // Сборник материалов международной конференции «Игровая зависимость: мифы и реальность» под редакцией Т.Б.Дмитриевой. – Москва, 2007. – С.75–81.
11. O.Egger, Prof. Dr. M. Rauterberg “Internet behavior and addition”, 1996.
12. Ivan Goldberg, MD Web Publishing 1996–1999.
13. Kimberly Young Web Publishing 1996–1999.
14. Maressa Hecht Orzack, Ph.D. Web Publishing 1996–1999.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И СТАТУСОВ ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТИ

Савельев Д.И.

НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: sdi1@list.ru

Гулина Н.Р.

НП «СибАК»

E-mail: goulina@gmail.com

Идентичность личности, основной функцией которой является адаптация, имеет многоплановый характер. Достижение идентичности происходит посредством прохождения личностью переломных моментов, обозначаемых кризисами идентичности. Кризис характеризуется сильными эмоциональными реакциями, опустошенностью, чувством потери гармонии, самоотжествленности, и уверенности в жизни, раздражительность и недовольством собой и окружающими. Эти симптомы сопровождают резкие психологические изменения, необходимые для нормального хода личностного развития, и связанные с решением проблем, системными качественными преобразованиями в сфере социальных отношений и социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства, профессиональной, ценностно-мотивационной сферах и др.

В целом кризисное состояние личности включает рассогласование индивидуально-личностных особенностей и социокультурных эталонов в определенный период развития, стимулом к которому служит потребность в самореализации. Протекание кризиса идентичности зависит от отношений со значимыми другими и сопровождается болезненными и мучительными переживаниями, потерей интересов и устремлений, внутренними конфликтами, тесно связанными с внешней конфликтностью с окружающими.

Мы изучали корреляции между личностными особенностями, демонстрирующими психологическое состояние личности и статусами эго-идентичности в различные возрастные периоды. В качестве испытуемых выступили лица, обратившиеся за психологической помощью, в количестве 174 человек в возрасте 24-49 лет. Исследование проводилось с использованием следующих методик:

1. «Эго-идентичность» Э.Эриксона-Дж.Марсиа
2. Методика «ЛиСи» А.Урбанович
3. Тест WIPPF Н.Пезешкиана.
4. Методика ОСО

5. Методика УСК

Были рассмотрены корреляции между статусами идентичности по методике «Эго-идентичность» и всеми остальными признаками, что позволило определить содержательные характеристики кризисной идентичности.

Проведенный корреляционный анализ выявил следующие закономерности. Получены положительные корреляции ($r = 0,3-0,7$ при $p < 0,01$) между всем показателям опросника ЛиСИ и статусом достигнутой эго-идентичности. Это свидетельствует о том, что достижение эго-идентичности как определённой системы ценностей и убеждений, которые субъект оценивает как лично значимые, характеризуется согласованием компонентов личностной идентичности (внутренний мир, будущее, здоровье) и социальной идентичности (работа, материальное обеспечение, семья, отношения с окружающими, я и общество; рис. 1).

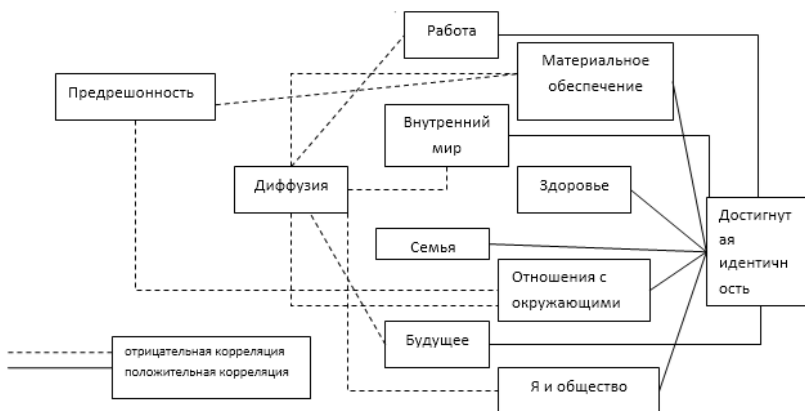

Рисунок 1. Корреляционные плеяды статусов идентичности и социальной и личностной идентичности (по данным методик ЛиСИ и «Эго-идентичность»)

Показатели личностной и социальной идентичности значимо отрицательно коррелируют со статусом эго-идентичности диффузия («работа» $r = -0,3$; «материальное обеспечение» $r = -0,3$; «я и общество» $r = -0,25$; «отношения с окружающими» $r = -0,24$; «будущее» $r = -0,5$; «внутренний мир» $r = -0,3$; табл. П. 4.2). Это свидетельствует о том, что статус идентичности – диффузный связан с отсутствием внутренней удовлетворенности своей нынешней работой, неуверенностью и неудовлетворенностью материальным и социальным положением, не способностью анализировать условия необходимые, для достижения жизненных целей, личностного развития. Это способствует отчуждению индивида с диффузным статусом от

окружающих людей, общение с которыми не представляет для него ценности, в связи с утратой внутренней гармонии и тождественности. Полученные результаты находятся в соответствии с определением диффузной идентичности Дж. Марсиа [5], которая характеризуется размытостью гендерных ролей, ценностей, идеологии, профессиональной ориентации и т.д. Однако положение авторов, о том, что диффузная идентичность возникает как следствие того, что индивид не проходил через кризис, вступает в противоречие как с данными Е.Л. Солдатовой [3], так и с полученными нами результатами. Так, с точки зрения Е.Л. Солдатовой, кризис идентичности отличается утратой самоощущенности, потерей равновесия, уверенности в жизни и недовольством окружающими. Эти характеристики соответствуют описанию диффузной идентичности. В то же время статус идентичности мораторий, по мнению Е.Л. Солдатовой, может быть описан в категориях устранения от активного поиска идентичности, что подтверждается данными, полученными в настоящем исследовании, т.к. между мораторием и параметрами личностной и социальной идентичности не обнаружено не одной значимой взаимосвязи. Это демонстрирует состояние личностной индифферентности к социальным образцам.

Обнаружены отрицательные взаимосвязи между статусом предрешенности и признаками «материальное обеспечение» ($r = -0,2$), «отношение с окружающими» ($r = -0,2$), «будущее» ($r = -0,2$), позволяют утверждать, что состояние предрешенности сопровождается снижением целеустремленности и активности, направленной на установление хороших взаимоотношений, а также улучшением материального положения и отношением к планированию своей жизни. Полученные нами данные не противоречат концепции гетерохронного развития кризиса идентичности, согласно которой кризис возникает в результате нарастающего противоречия между новой социальной ситуацией и имеющимся у личности идеальным образом.

Полученные корреляционные связи подтверждают данные исследования Е.Л. Солдатовой [3], согласно которым в кризисе идентичности задействованы лишь три статуса: статус предрешенности и диффузии, которые отрицательно влияют на психоэмоциональное состояние индивида, в то время как достигнутая идентичность сопровождается гармонией и согласованностью компонентов личностной и социальной идентичности (рис. 1). Аналогичные результаты выявлены при исследовании взаимосвязей между личностными особенностями и статусами идентичности (рис. 2).

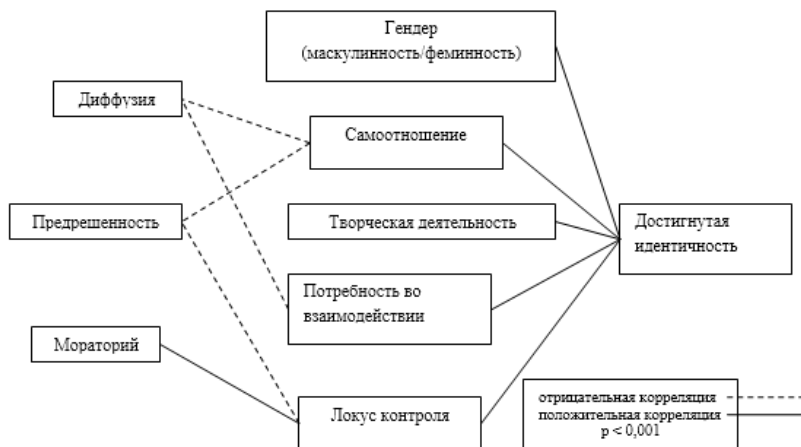

Рисунок 2. Структура взаимосвязей статусов идентичности

Статус идентичности предрешенность сопровождается снижением уверенности в себе, видением в себе по преимуществу недостатков, низкой самооценкой ($r = -0,3$; методика ОСО), в сочетании с неспособностью видеть и контролировать связи между своими действиями и значимыми событиями жизни («общая интернальность» $r = -0,55$; методика УСК), склонности приписывать ответственность за негативные события окружающим людям («интернальность в области неудач» $r = -0,45$), со снятием ответственности за события, происходящие в семейной («интернальность в семейных отношениях» $r = -0,34$) и производственной жизни («интернальность в сфере производства» $r = -0,27$). Это значит, что испытуемые со статусом предрешенности испытывают внутриличностный дискомфорт, который отражает тот факт, что сниженная самооценка и неуверенность в своих силах и возможностях обуславливают уход от ответственности за свою жизнь. Полученные нами данные совпадают с описанием статуса предрешенности Дж. Марсиа [5] как пассивного усвоения норм, установок и частично с Е.Л. Солдатовой [3], характеризующей этот статус принятием внешне заданных ценностей и деятельности. Однако полученные нами результаты расходятся с данными Е.Л. Солдатовой утверждающей о наличие активности, самоуверенности и целеустремленности у личности с предрешенным статусом идентичности. Расхождение результатов может быть обусловлено, с одной стороны, гендерными особенностями, поскольку гендерная идентичность является элементом эго-идентичности,

которая, как предполагает Л.В. Бызова [1], включает в себя иерархию жизненных ценностей, целей и представлений, имеющих традиционный гендерно-ролевой характер. А, с другой стороны, можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело с кризисной идентичностью, которая в отличие от нормативного кризиса, детерминированного возрастными задачами, обусловлена стрессогенными ситуациями. Выдвинутое предположение подтверждается полученными значимыми взаимосвязями ($p \leq 0,001$) между статусом предрешенность ($r = 0,42$), статусом диффузия ($r = 0,55$), статусом достигнутой идентичности ($r = -0,54$) и степенью стрессогенности личности (рис. 3).

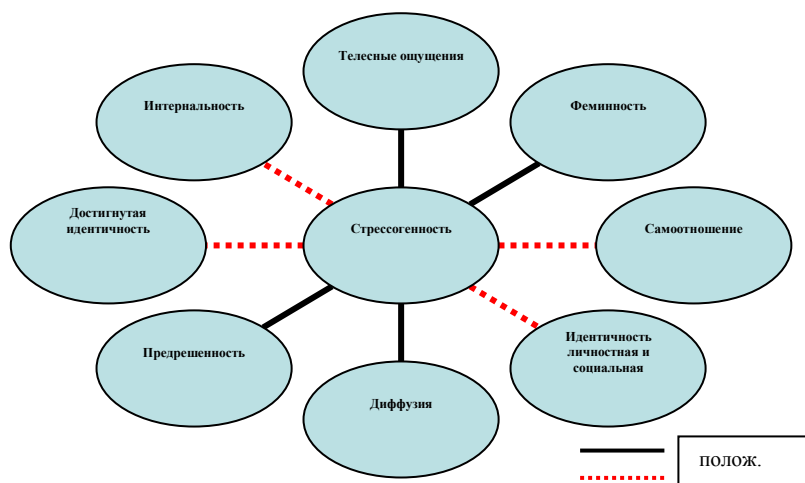

Рисунок 3. Структура взаимосвязей стрессогенности личности

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что высокая степень стрессогенности личности, обусловленная различными проблемными ситуациями, имеющими в основном негативную окраску (рис. 4.) – изменение финансового положения (24 %), разрыв с партнером (20 %), увольнение с работы (18 %), изменение профессиональной ориентации, смена места работы (19 %), сопровождается выраженностью статусов идентичности предрешенность и диффузия и снижением показателей, отражающих статус достигнутая идентичность.

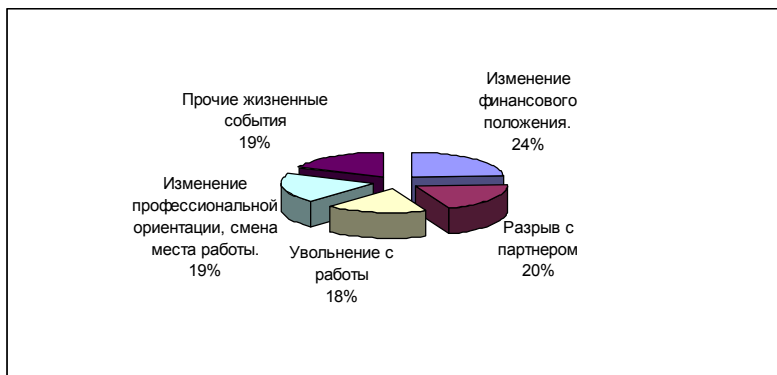

Рисунок 4. Процентное соотношение наиболее часто отмечаемых респондентами жизненных событий, вызывающих стресс

Следовательно, можно утверждать, что кризисная идентичность отличается от нормативных кризисов развития тем, что она детерминирована проблемными ситуациями, которые сопровождаются соматизацией тревожности ($r = 0,54$), сниженным самоотношением ($r =$ от $-0,26$ до $-0,52$), общей экстернальностью ($r =$ от $-0,26$ до $-0,57$) и чувством утраты идентичности как социальной ($r =$ от $-0,27$ до $-0,37$), так и личностной ($r =$ от $-0,35$ до $-0,39$).

Вышеперечисленные характеристики сопровождают кризисную идентичность на начальной стадии (статус предрешенность) и на критической стадии (статус диффузия). Так, статус идентичности диффузия, соответствующий кризисной идентичности, как в период кризиса, так и в случае, когда идентичность не достигается, характеризуется снижением самооценки ($r = -0,26$; методика «Самооценка» Дембо-Рубинштейн), что сопровождается тревогой, сомнениями в себе, своих способностях, переживаниями по малозначительным поводам, трудностями в принятии решений. Отрицательная взаимосвязь состояния идентичности диффузии с признаком «контакты» ($r = -0,25$; методика WIPPF) свидетельствует о снижении готовности общаться с другими людьми, вследствие того, что собственная система ценностей подвергается сомнению. Это объясняется страхом и неуверенностью личности, переживающей стадию сомнения и выражается в недоверии к окружающим, замкнутости и т.д. Наши данные соответствуют утверждению Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриевой [2] о том, что специфическими особенностями диссоциогенной (кризисной)

идентичности являются острое переживание дискомфорта в межличностных отношениях, вплоть до «...элиминации всех отношений как с наиболее близкими, так и со всеми остальными людьми...» [С. 150].

Статистически значимые положительные корреляционные связи обнаружены между статусом достигнутой идентичности, представляющим, с точки зрения Е.Л. Солдатовой [3], завершающую стадию кризиса – стадию адаптации с показателями «самоотношение» ($r = 0,3$), «основной индекс гендера» ($r = -0,25$), «интернальность» ($r = 0,3$), «контакты» ($r = 0,3$) и «фантазии» ($r = 0,3$). Это свидетельствует о том, что для состояния достигнутой идентичности характерны самоэффективность, вера в собственные способности, реализация своих мотивов, целей, высокая эмоциональная самооценка себя по внутренним критериям и одновременно предполагаемая ценность своего «Я» для других, готовность к дружеским отношениям с окружающими. Принятие ответственности за свою жизнь в целом, осознание способностей, необходимых для реализации своих целей в будущем, творческий подход к решению проблем. Полученные данные позволяют предполагать, что достижение идентичности включает в себя совокупность социальных и личностных компонентов. При этом, если идентичность не достигается, стрессоустойчивость личности снижается ($r = -0,54$), что вызвано критическими ситуациями, связанными с негативными событиями в жизни субъекта.

Таким образом, полученные корреляционные связи позволили выделить маркеры достижения успешности идентичности личности: положительное самоотношение, интернальный локус контроля во всех сферах, готовность к межличностным контактам, реализации своих целей в будущем, творческий подход к решению проблем.

Положительные корреляции между статусом идентичности мораторий и общей интернальностью ($r = 0,3$), интернальностью в области неудач ($r = 0,3$), демонстрируют, что личность выходит на стабильный этап, характеризующийся принятием своих сильных и слабых сторон, своих чувств, настоящего, прошлого и будущего. Эти составляющие ограничивают состояние устойчивости к фрустрации и ответственности соответствует характеристике приобретенной идентичности по Э. Эриксону [4]. Следовательно, статус идентичности мораторий отражает стабильную стадию идентичности личности, что не противоречит данным исследования Е.Л. Солдатовой [3].

Таким образом, корреляционный анализ показал, что полученная нами структура кризисной идентичности включает в себя стабильный период – мораторий, начало кризиса – предрешенность,

его пик – диффузия и, наконец, выход из кризиса – достигнутая идентичность. При этом, в случае, когда субъект не желает осознавать происходящих изменений и затрачивать усилия на поиск выхода из проблем, то идентичность не достигается, и в структуре личности на стабильном этапе доминирующей остается кризисная идентичность, актуализируемая на этапе кризиса.

Список литературы:

1. Бызова, Л.В. Влияние гендерной идентичности на социально-психологическую адаптацию женщин автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. [Текст] / Л.В. Бызова ; Ярославский гос ун-т им П.Г. Демидова. – Ярославль., 2006. – 21 с.
2. Дмитриева, Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире : монография [Текст] / Н.В. Дмитриева, Ц.П. Короленко. – Новосибирск : НГПУ, 2009, – 248 с.
3. Солдатова, Е.Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека : автореф. дис. ... докт. психол. наук : 19.00.01 [Текст] / Е.Л. Солдатова ; Уральский. гос. ун-т. им. А.М.Горького – Екатеринбург., 2007. – 43 с.
4. Fogelson, R.D. Person,self and identity. Some anthropological retrospects,circumspects and prospects. [Text] / R.D. Fogelson // Psycho-social theories of self. \ Ed. by B.lee. – N.Y., L.:Plenum Press. 1982. - P. 115-132.
5. Marcia, J.E. Ego-identity status: Relationship to change in Self-esteem, “general maladjustment” and authoritarianism [Text] / J.E. Marcia // Journal of Personality. V.38. 1970. – No.2.– P. 249-268.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ

Савельев Д.И.

НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: sdi1@list.ru

Гулина Н.Р.

НП «СибАК»

E-mail: goulina@gmail.com

Динамичный характер современных социальных систем, быстрое изменение окружающего мира порождают целый ряд внутриличностных проблем, связанных с трудностями в установлении тождественности и устойчивости индивидуального опыта личности. Невозможность индивида соотносить внутренний мир с внешним в ситуации «множащегося многообразия» является базовой предпосылкой формирования кризисной идентичности. Это состояние характеризуется отсутствием или потерей внешних и внутренних ориентиров (ценностных, смысловых, мотивационных), что порождает ощущение растерянности, размытости личностных границ, повышенную тревожность и ощущение потери контроля над собственной жизнью. Кризисная идентичность, представляя собой психическое образование, которое актуализируясь в период кризиса идентичности, сопровождается неуверенностью в себе, депрессией, уходом от реального мира, в т. ч. посредством аддиктивного поведения, общей дезинтеграцией личности.

Проведенный нами теоретический анализ показал, что факторами, обуславливающими особенности кризисной идентичности, могут выступать пол, гендер, возраст, семейное положение и образование. Вышеперечисленные факты определили необходимость изучения влияния совокупности указанных факторов на субъективную составляющую кризисной идентичности в исследуемой выборке. В качестве испытуемых выступили лица, обратившиеся за психологической помощью, в количестве 174 человек в возрасте 24-49 лет. Нами был проведен однофакторный и двухфакторный дисперсионный анализ, применение которого допустимо, если статистически достоверных различий между дисперсиями не обнаружено. С этой целью применялся критерий Ливена для проверки

однородности дисперсий, результаты которого демонстрируют гомогенность дисперсий ($p > 0,05$).

При этом были выделены:

- группирующие переменные –
 - пол, имеет две градации: 1) мужской, 2) женский;
 - семья, имеет две градации; 1) есть, 2) нет
 - гендер, имеет три градации: 1) феминность, 2) андрогинность, 3) маскулинность;
 - возраст, имеет три градации: 1) 24-33 лет (ранняя зрелость или молодость), 2) 34-43 лет (средняя зрелость), 3) 43-54 лет (зрелость).

- образование, имеет три градации: 1) высшее, 2) среднее, 3) неполное высшее;

- для изучения субъективного уровня отношения индивида к личностным изменениям, сопровождающим кризис идентичности, исследовался уровень самооценки (методики «ОСО», «Самооценка» Дембо-Рубинштейн), уровень субъективного контроля (методика УСК) и способы реагирования на конфликты (тест WIPPF).

Результаты дисперсионного анализа демонстрируют отдельное влияние пола ($p \leq 0,05$), гендера ($p \leq 0,001$) и возраста ($p \leq 0,001$) на совокупность переменных, отражающих отношение индивида к личностным изменениям, сопровождающим кризисную идентичность. В то же время не обнаружено значимых различий в статусах идентичности между испытуемыми разного возраста, что подтверждает гипотезу автора о единообразном характере кризисной идентичности в период зрелости. Кроме того, обнаружено совместное влияние факторов пол и гендер ($p \leq 0,02$), пол и семья ($p \leq 0,04$), пол и возраст ($p \leq 0,001$), гендер и семья ($p \leq 0,05$), гендер и образование ($p \leq 0,03$). Это позволяет утверждать, что факторы наличие семьи и уровень образования не оказывают самостоятельного влияния на личностные особенности, актуализированные статусом «кризис идентичности».

Анализ полученных значимых различий в исследуемой выборке демонстрирует, что женщины в отличие от мужчин в большей степени феминны ($p \leq 0,001$), откровенны, открыты ($p \leq 0,04$), способны к установлению отношений при возникновении проблем ($p \leq 0,04$), отличаются более высоким самоинтересом ($p \leq 0,03$), самопринятием ($p \leq 0,01$) и ожиданием положительного отношения от окружающих ($p \leq 0,001$). Это свидетельствует о более высоком уровне

самопринятия женщин, по сравнению с мужчинами, которое сопровождается интересом, одобрением и пониманием к собственным мыслям и чувствам, уверенностью в своей интересности для других и, как результат, принятию окружающими и стремлению к взаимодействию с ними. Полученные результаты противоречат с данным Г. Крайга [4] и Н. Герасимовой [1], которые обнаружили, что мужчины и юноши возрастного диапазона 18-25 лет и раньше достоверно отличаются более высокой самооценкой, интегральным самоотношением, самоуважением и аутосимпатией, по сравнению с девушками того же возраста. Однако, Т.Н. Курбатовой и Я.В. Куус [5] выявлены совершенно противоположные результаты: женщины значимо выше считают себя самоуверенными, у них в большей степени выражено самопринятие и самооценность. Таким образом, высокое самоотношение женщин может отражать, с одной стороны, большую зависимость женщин от оценок окружающих, а, с другой, может быть обусловлено влиянием других факторов.

В соответствии с вышеизложенным, включение фактора гендер внесло значительные изменения в самооценку респондентов. Достоверно самые низкие показатели по самооценке, самоуверенности, самоуважению и самопринятию обнаружены у феминных мужчин ($p \leq 0,05$). Это позволяет утверждать, что мужчины с феминной гендерной идентичностью характеризуются низкой самооценкой, не способны противостоять влиянию внешних обстоятельств, находят в себе, в основном, одни лишь недостатки. Кроме того, феминные мужчины отличаются наиболее низким локусом контроля в области достижений ($p \leq 0,02$). Это свидетельствует о том, что феминные мужчины приписывают свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам - везению, счастливой судьбе или помощи других людей, они не способны на успешное достижение своих целей в будущем. Указанные особенности демонстрируют наличие у опрошенных ощущения субъективного дискомфорта, выступающего маркером кризисной идентичности. Сравнение статусов эгоидентичности, показало, что достоверно выше представлен статус идентичности диффузия в группе феминных мужчин, в то время как достигнутая идентичность и идентичность «внутренний мир» – меньше всех остальных групп ($p \leq 0,05$). Эти данные указывают на то, что кризисная идентичность переживается феминными мужчинами гораздо интенсивнее, и имеет более выраженную негативную симптоматику, следовательно, феминные мужчины в большей степени подвержены кризису. Обращаясь к теоретическим положениям Е.Л. Солдатовой [7], подчеркивающей, что

кризис обусловлен конфликтом между субъективным и объективным образом «Я», можно обосновать полученные результаты наличием значительного расхождения между индивидуально-личностными особенностями феминного мужчины и социально одобряемым образом типичного мужчины. Показатель сексуальность находится на уровне очень высоких значений у мужчин с феминной идентичностью, которые значимо превышают аналогичные данные у андрогинных и маскулиных мужчин ($p \leq 0,05$). Эти данные позволяют сделать вывод о том, что фиксация на своей сексуальности, физическом контакте, реализующиеся посредством идеализации сексуальности, эмоциональной зависимости, завышенных ожиданий и разочарования, используются феминными мужчинами как средство разрешения кризиса идентичности. При этом можно отметить, что кризисная идентичность в социальной и профессиональной сферах (экстернальность в области достижений, низкая идентичность в области работы и материального обеспечения $p \leq 0,05$) скорее всего, обуславливает возникновение личностного кризиса (низкая эгоидентичность, идентичность внутреннего мира и высокий статус диффузии).

Менее выражено переживается кризисная идентичность маскулиными мужчинами, для которых характерны низкие значения статуса диффузия и высокие показатели достигнутой идентичности по сравнению со всеми остальными группами мужчин и женщин с различными гендерными особенностями ($p \leq 0,05$). Они демонстрируют более высокую самоуверенность и самоуважение, в отличие от андрогинных и феминных мужчин ($p \leq 0,04$). Следовательно, маскулиные мужчины в меньшей степени подвержены кризису идентичности, в отличие от остальных групп, что, скорее всего, обусловлено незначительным расхождением между индивидуальноличностными особенностями и транслируемым обществом социокультурным образом. Полученные нами результаты, совпадают с данными Н.А. Шуховой, которая показала, что «представления о качествах и поведении мужчин, входящие в содержание гендерной идентичности, незначительно отличаются от традиционных канонов маскулинности» [8, С. 5]. Кроме того, автором была выявлена прямая связь между психологическим содержанием гендерной идентичности, соответствующим традиционным представлениям о мужественности, и факторами социально-психологической адаптации.

У женщин с феминной гендерной идентичностью (статус идентичности диффузия высокий; $p \leq 0,04$) кризисная идентичность

оказалась более выраженной, по сравнению с андрогинными женщинами. Обнаружены статистически значимые различия по признаку сексуальность между андрогинными, феминными и маскулинными женщинами ($p \leq 0,04$). Это позволяет предполагать, что в качестве стратегии выхода из конфликта феминные и андрогинные женщины выбирают фиксацию на своей сексуальности, физическом контакте, реализующиеся посредством идеализации сексуальности, эмоциональной зависимости, завышенных ожиданий и разочарования. Тогда как маскулинные женщины уходят от проблем или решают их с помощью активной деятельности – по признаку деятельность они достоверно превышают маскулинных мужчин, феминных и андрогинных женщин ($p \leq 0,04$), что сопровождается стремлением к карьерному росту, стрессом, завышенными притязаниями.

В целом можно отметить, что феминные респонденты, независимо от пола более остро переживают кризисную идентичность, по сравнению с остальными респондентами. Объяснение данному факту можно найти в транслируемой обществом доминанте на маскулинность. Подтверждением данного факта служит, в частности, реклама, пропагандирующая маскулинный образ женщины [3], необходимость совмещения женской роли с профессиональной, в то же время мужская роль и профессиональная представлены как тождественные, в результате чего образ женщины приобретает все большую маскулинизацию. Этот факт можно объяснить влиянием культурально навязываемых гендерных стереотипов. Согласно данным Г. Хофстеда [9] и других исследователей, маскулинную культуру определяют такие качества, как высокая оценка личных достижений, восхищение сильными личностями, избегание неудачников, рациональность, мышления. Отсюда можно сделать вывод, что в современное постмодернистское общество насаждает «маскулинную» культуру. Следовательно, переживание кризисной идентичности маскулинными субъектами, в силу незначительных расхождений с социокультурными образцами, отличается менее деструктивным характером.

Формируя свою мужскую идентичность, мужчина вынужден испытывать негативные эмоции, связанные с желанием не быть похожим на женщину. Это приводит к тяжести переживания кризисной идентичности. Полученные результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу об усилении выраженных параметров кризисной идентичности в случае расхождения индивидуально-личностных особенностей феминного мужчины и транслируемым обществом социальным образом типичного мужчины.

Обнаружены достоверные различия между испытуемыми с различными гендерными особенностями и наличием или отсутствием семьи ($p \leq 0,05$). Было выявлено, что феминные респонденты, имеющие семью и андрогинные, не имеющие семьи демонстрируют наиболее низкие значения по принятию ($p \leq 0,02$), фантазии ($p \leq 0,02$) и высокие по параметрам «телесные ощущения» ($p \leq 0,03$). Эту группу испытуемых отличают разочарование, пессимизм, фиксация на проблемах, психосоматические нарушения. Феминные субъекты, имеющие семью характеризуются самой низкой самооценкой по сравнению со всеми остальными группами ($p \leq 0,001$), характеризуясь неуверенностью в себе, склонностью к самообвинению.

Полученные результаты отражают тот факт, что феминные респонденты имеющие семью, а также андрогинные без семьи наиболее остро переживают кризисную идентичность. В частности анализ значимых различий по социальной и личностной идентичности, а также по статусам эго-идентичности подтвердил достоверность нашего предположения. Наиболее низкий уровень параметров личностной идентичности связанных с планированием будущего, и социальной идентичности, касающейся работы, материального обеспечения и отношений с обществом ($p \leq 0,05$) обнаружен у феминных респондентов, имеющих семью и андрогинных без нее. Причем, психологические особенности первых значимо отличаются от особенностей всех остальных подгрупп (за исключением андрогинных испытуемых без семьи), а последние чаще всего отличаются от маскулинных субъектов, имеющих семью. Также в этих двух подгруппах обнаружены наиболее низкие значения параметров достигнутой идентичности ($p \leq 0,03$) и в подгруппе феминных респондентов, имеющих семью, выявлены высокие значения по статусу идентичности диффузия, что достоверно отличало их от всех остальных испытуемых ($p \leq 0,05$).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что феминные респонденты, имеющие семью, имеют более выраженные параметры кризисной идентичности. Обращаясь к полученным выше эмпирическим данным, демонстрирующим, что наиболее остро кризис протекает у феминных мужчин, можно утверждать, что наличие семьи только усугубляет кризис. Этот вывод подтверждают полученные нами значимые различия психологических особенностей мужчин, имеющих семью, в сравнении с остальными респондентами. Иначе говоря, представители этой группы отличаются предъявлением повышенных требований к себе и окружающим, психосоматическими нарушениями, ожиданием негативного отношения к себе, низким

самопринятием, самоинтересом, достигнутой идентичностью в области отношений с окружающими, а также высоким статусом идентичности диффузия ($p \leq 0,05$). Очевидно, что несовпадение транслируемого обществом социального образа и индивидуального образа подчеркивается семейным окружением таких индивидов, что утяжеляет переживание кризисной идентичности. Можно обосновать полученные результаты значительным расхождением между индивидуально-личностными особенностями феминного мужчины и социальным образом типичного мужчины. В то же время на выраженность кризисной идентичности андрогинных респондентов оказывает влияние отсутствие семьи. По всей видимости, принятие своей гендерной идентичности, является одной из причин неуспешной социальнопсихологической адаптации, отражается на умении респондентов справляться с семейными проблемами, что не может не утяжелять переживание кризисной идентичности. Маскулинные респонденты переживают кризисную идентичность менее остро и поэтому демонстрируют наиболее высокие значения по всем показателям, кроме диффузии и телесных ощущений ($p \leq 0,05$), указывающих на активную позицию при решении проблем, позитивное самоотношение, принятие себя и окружающих.

Более высокое ожидание позитивного отношения к себе со стороны окружающих и самоинтерес, отражающий степень соответствия переживаний собственным мыслям и чувствам, диагностированы у мужчин с неполным высшим образованием и у женщин с высшим и неполным высшим образованием, что достоверно отличает их от мужчин с высшим и средним, и женщин со средним образованием ($p \leq 0,04$). Полученные нами данные соотносятся с результатами исследования Н.Н. Гунгер [2], которая указывает, что лица со среднеспециальным образованием отличаются большей выраженностью кризиса идентичности. Получение высшего образования, по данным автора, зачастую связано с уменьшением негативных симптомов кризиса идентичности (Н.Н. Гунгер, 2007).

Анализ результатов совместного влияния гендерных особенностей и условия образования на субъективные ощущения протекания кризиса показал, что уровень самооценки достоверно выше у представителей андрогинной и маскулиновой подгрупп, имеющих среднее образование, по сравнению с феминными респондентами с высшим, неполным высшим и средним образованием, отличающимися наиболее низким уровнем самооценки ($p \leq 0,04$). В данном случае можно предположить, что феминные личности независимо от уровня образования, склонны сомневаться в

себе, принимать на свой счет замечания, недовольство других людей, переживать и тревожиться по малозначительным поводам, часто не уверены в себе. Подобными особенностями обладают в некоторой степени и андрогинные, и маскулинные респонденты с неполным высшим образованием (нет значимых различий с феминными испытуемыми). Наши данные совпадают с мнением Н.Н. Гунгер [2] о желании нивелировать негативные симптомы кризиса посредством получения образования. Самоуверенность, отражающая веру в способности, реализацию своих мотивов, целей, доминантность, высокий уровень притязаний оказались наиболее высокими у представителей маскулинной и феминной подгрупп с высшим образованием и у андрогинных респондентов всех уровней образования. Значимые различия выявлены у представителей феминной подгруппы, имеющих среднее и неполное высшее образование ($p \leq 0,04$). В то же время эмоционально позитивное, безусловное принятие себя демонстрируют андрогинные испытуемые с неполным высшим и маскулинные с высшим образованием, по сравнению остальными респондентами ($p \leq 0,04$).

Наименьший кризис профессиональной идентичности испытывают маскулинные испытуемые с высшим и средним образованием, феминные со средним образованием и андрогинные с высшим образованием, которые значимо отличаются от феминных респондентов с высшим и неполным высшим и андрогинных с неполным высшим образованием ($p \leq 0,04$). Это свидетельствует, о том что получение образования вызвано переживанием острого кризиса в профессиональной сфере, которому в большей степени подвержены феминные и андрогинные респонденты. У этих же респондентов более выражен статус идентичности диффузия, по сравнению с маскулиными и андрогинными респондентами с высшим образованием ($p \leq 0,02$). Это позволяет сделать вывод о размытости гендерных ролей, ценностей, идеологии, профессиональной ориентации и т.д. у феминных и андрогинных респондентов с неполным высшим образованием, получение которого, по всей видимости, и предназначено для снижения остроты этих проявлений. Выявлено, что кризисная идентичность, связанная с целеполаганием и реализацией своих планов в будущем, оказалась более выраженной только у феминных испытуемых с неполным высшим образованием, достоверно различающихся от андрогинных, имеющих высшее и среднее образование и маскулинных всех уровней образования ($p \leq 0,04$). Следовательно, низкая самооценка, непринятие себя и окружающих, неуверенность в себе, являющиеся маркерами кризисной

идентичности, наиболее свойственны феминным и андрогинным респондентам с неполным высшим образованием. В этой связи мы делаем вывод о том, что получение высшего образования представляет собой один из способов снижения негативной симптоматики кризисной идентичности.

Значимые различия обнаружены между респондентами разного возрастного диапазона по признакам «ожидаемое отношение» ($p \leq 0,04$), «самоинтерес» ($p \leq 0,04$), «материальное обеспечение» ($p \leq 0,03$) и «будущее» ($p \leq 0,02$). В выборке испытуемых средней зрелости получены наиболее высокие значения по всем вышеперечисленным признакам. Это демонстрирует, что респондентам в период средней зрелости свойственен повышенный интерес к собственным мыслям и чувствам, они ожидают положительного отношения от других, одобрения и понимания. Они имеют высокий уровень социальной идентичности в области материального обеспечения, что выражается в четком представлении о своем нынешнем материальном положении, которое их либо вполне устраивает, либо они знают, какие меры необходимо предпринять для его улучшения. Кроме того у личности средней зрелости диагностирован высокий уровень личностной идентичности в области будущего, что связано с наличием главных целей в жизни и последовательностью, настойчивостью и энергичностью в их достижении. Полученные результаты позволяют заключить, что период средней зрелости является наиболее благоприятным для достижения идентичности, при этом кризисная идентичность переживается менее остро. Полученные нами данные совпадают данными В.Р. Манукян [6], которая отмечает, что кризис 30-летних переживается менее остро по сравнению с 40-летними.

В то же время, нами установлено, что с большей интенсивностью кризисная идентичность переживается у лиц периода ранней зрелости – респонденты в этот период отличаются значимо более низкими значениями, по сравнению с испытуемыми средней зрелости, по показателям материальное обеспечение ($p \leq 0,01$) и будущее ($p \leq 0,001$). Это свидетельствует о том, что в период ранней зрелости кризисная идентичность в социальном плане связана с материальной обеспеченностью, а в личностном – в большей степени с планами личностного развития, постановкой целей в жизни и способами их достижения. Полученные результаты подтверждаются данными исследователей, установивших, что кризис идентичности наиболее выражен в ранней зрелости и связан с профессиональной сферой. В частности Е.Л. Солдатов [79] называет период ранней

взрослости центральным в логике развития эго-идентичности, связанным с выбором личностью направлений саморазвития.

Включение фактора пол вносит определенные коррективы в специфику индивидуальных различий испытуемых разного возрастного диапазона. Наиболее высокое ожидание негативного отношения к себе со стороны окружающих диагностировано у мужчин зрелого возраста, по сравнению со всеми остальными подгруппами испытуемых ($p \leq 0,02$; табл. П. 3.9). Более высокое ожидание позитивного отношения к себе окружающих обнаруживают женщины периода средней зрелости, что значимо отличается от мужчин возраста зрелости и ранней зрелости ($p < 0,02$). Женщины периода средней зрелости демонстрируют самые высокие показатели самопринятия, самоинтереса и самопонимания ($p < 0,02$), т.е. они испытывают интерес к собственным мыслям и чувствам, которые принимаются ими безусловно. Они уверены, в том что характеристики личности, характера и деятельности способны вызвать в других людях уважение, симпатию, одобрение и понимание.

С другой стороны, поскольку у мужчин периода средней зрелости и зрелости выявлено ощущение собственной малоценности, готовность поставить себе в вину свои слабости, неудачи, промахи, недостатки, в результате чего они антипатично относятся к себе ($p < 0,05$). Такое самоотношение оказывает влияние на формирование идентичности касающаяся материальной обеспеченности и будущего. Женщины периода ранней зрелости демонстрируют высокую социальную (материальное обеспечение) и личностную (будущее) идентичность, по сравнению с мужчинами и женщинами ранней зрелости и женщинами периода зрелости ($p < 0,02$). Иначе говоря, они имеют четкое представление о своем нынешнем материальном положении, которое их либо вполне устраивает, либо они знают, какие меры необходимо предпринять для его улучшения. Кроме того, женщины средней зрелости демонстрируют определенность главных целей в жизни в сочетании с последовательным, настойчивым и энергичным их достижением. При этом женщины средней зрелости, также как и мужчины и женщины зрелого периода, находятся в фазе стабилизации (высокое значение по статусу идентичности мораторий), для которой, по данным нашего исследования, характерен высокий уровень субъективного контроля (табл. П.6.1), что значимо отличает их от мужчин ранней и средней зрелости ($p < 0,05$). В то же время для мужчин и женщин ранней зрелости характерна острота переживания кризиса социальной идентичности (низкие значения параметра «материальное

обеспечение») и личностной идентичности (низкие значения параметра «отношение к будущему»), по сравнению с женщинами средней зрелости и мужчинами периода зрелости ($p < 0,05$).

Следовательно, можно утверждать, что для женщин периода средней зрелости характерна стабилизация как социальных, так и личностных ощущений, с высокой самооценкой, позитивным отношением к себе и окружающим. С другой стороны, мужчины периодов средней зрелости и зрелости отличаются сниженной самооценкой, ожиданием негативного отношения к себе. При этом только у мужчин периода средней зрелости отсутствует стабильный период в достижении идентичности личности, что свидетельствует о глубине переживаний ими кризиса идентичности.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования показали, что на характер переживания личностью кризиса идентичности оказывают значимое влияние такие факторы, как пол, гендер, возраст, семейное положение и уровень образования.

Список литературы:

1. Герасимова, Н. Ценностные ориентации личности в период зрелости [Текст] / Н. Герасимова // Ананьевские чтения – 98 : Тезисы научнопрактической конференции. – СПб., 1998. – С. 90-91.
2. Гунгер, Н.Н. Психологические средства становления в период нормативного кризиса зрелости : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 [Текст] / Н.Н. Гунгер ; Новосибирский гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2007. - 24 с.
3. Грошев, И. В. Полоролевые стереотипы в рекламе [Текст] / И.В.Грошев // Психол. журнал. –1998. –Т. 19. – № 3. – С. 112-119.
4. Крайг, Г. Психология развития [Текст] / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2000. – 988 с.
5. Курбатова, Т.Н. Когнитивная сложность и идентичность в кросскультурном гендерном исследовании [Текст] / Т.Н. Курабтова, Я.В. Куус. // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб. : СПбГУ, 2001. – Вып. 5. – С. 204-217.
6. Манукян, В.В. Субъективная картина жизненного пути и кризисы взрослого периода автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 [Текст] / В.В. Манукян ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. - СПб., 2003. - 23 с.

7. Солдатова, Е.Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека : автореф. дис. ... докт. психол. наук : 19.00.01 [Текст] / Е.Л.
8. Солдатова ; Уральский. гос. ун-т. им. А.М.Горького – Екатеринбург., 2007. – 43 с.
9. Шухова Н. А. Влияние гендерной идентичности на социальнопсихологическую адаптацию мужчин : автореф. дис. ... канд. наук : [Текст] / Н.А. Шухова ; Ярослав. гос. ун-т.– Ярославль, 2004. – 22 с.
10. Jung, C.G. Man and his symbols [Text] / C.G. Jung. – New York : A Windfall Book, 1983. – 320 p.

«ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Часть II

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

1 февраля 2010 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 16.02.10. Формат бумаги 60x84/16. Бумага офсет №1.
Гарнитура Times. Печать RISO. Усл. печ. л. 9,0. Тираж 550 экз. Заказ 27.

Издательство ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.
E-mail: enske@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.